

Файна ГРИМБЕРГ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

Загадки. Версии. Проблемы

Фаина Ионтелевна Гримберг

Династия Романовых. Загадки. Версии.
Проблемы

Фаина Ионтелевна Гримберг

В настоящей книге представлено исследование, охватывающее триста лет из истории России. Автор подробно останавливается на узловых моментах периода правления династии Романовых. Особое внимание уделяется феномену так называемой «романовской концепции» русской истории.

Для широкого круга читателей.

Лазарю Вениаминовичу Щерешевскому, моему доброму другу, советчику и критику

*Некий царь из тех династий,
Что боятся гнева масс,
Со своей царицей Настей
Улететь решил на Марс.*

Николай Глазков

Введение

Загадки концепций, или Что такое история?

Почему необходимо знать историю династии Романовых? Более того, почему при изучении русской истории следует выделить сведения о Романовых в отдельный раздел, не давая им раствориться в общем курсе? На эти вопросы можно дать не один ответ. Ведь именно в период правления Романовых формируется окончательно русская народность, а затем и национальность, четко оформляется русская государственность, выходит на мировую арену русская культура. В течение примерно полувека, с тридцатых по восьмидесятые годы, наши студенты и школьники изучали некую «безличную» историю. Характерам правителей, их семейным связям, их быту и пристрастиям фактически не уделялось внимания. А между тем подобные сведения вовсе не есть пикантное дополнение к «основному курсу»; не представляя себе правителей государства именно в качестве конкретных людей, трудно представить себе и понять последовательность событий, логику действий. И даже историю быта и нравов не объяснишь, не поймешь, искусственно устранив из нее личность «человека правящего». Когда мы говорим: «елизаветинское кресло», «викторианский сервиз», «павловский амбир», это вовсе не означает просто «нечто, что было в правление такого-то», но нечто, тесно связанное опять же с личностями все тех же – Елизаветы I и Виктории, английских королей, Павла I, российского императора, и так далее.

И, наконец, сама история как таковая. А что, собственно, мы изучаем? Какую русскую историю?

Вот здесь возможно недоуменное пожатие плеч все того же школьника, студента и даже преподавателя. То есть как это – какую историю? Историю – и все! Какую? Их разве несколько? На сегодняшний день, вероятно, главная задача нашего начального и среднего образования – дать учащимся представление о том, что история не падает с неба в виде готовых оценок, которые следует заучивать наизусть вместе с определенным набором сведений и дат. Увы! Из одних и тех же дошедших до нас документов, законодательных актов, частных писем и воспоминаний, археологического материала и бытовых и этнографических данных можно извлечь самые разнородные, порою полярно противостоящие *исторические концепции*.

Так какую же русскую историю мы изучали до сих пор? Мы изучали то, что можно назвать «Романовской концепцией русской истории». То есть это русская история, в которой все оценено и интерпретировано с точки зрения правящей династии Романовых, работает апологетическая романовская концепция. И в этом ничего удивительного нет. Ведь именно при Романовых (уже при первых Романовых) формируется четкое осознание необходимости для государства «писаной истории». Все крупнейшие русские историки: Татищев, Устрялов, Карамзин, Ключевский, Соловьев – в сущности, историки династии Романовых, предшествующие века трактуются, скорее, как предыстория, опять же, династии Романовых... В этом корни нелегкого (строжайшая цензура!) пути развития русского исторического романа и корни вариантной оценки таких сложных явлений, как бунты, казачьи выступления, российское самозванчество и т. д.

Но погодите, – возможен вопрос, – а как же после семнадцатого года, а как же при советской власти? Вопросы закономерные. И первый ответ на них: загадка. Да, загадка живучести Романовской концепции. Давно уже не правит Российским государством династия Романовых. Династия Романовых предана, что называется, «официальной анафеме». Однако перелистаем страницы учебников... Нет, нет, на протяжении полувека – все тот же Карамзин, все тот же Ключевский, да что там – все тот же Иловайский, старый гимназический учебник, символ реакционных воззрений. Конечно, язык сделался казенным и сухим, исчезла живость картин, эпизодов, характеров; добавлено, что цари были угнетатели народа и что восстания – это хорошо. Но Романовская концепция русской истории – вот она! Она никуда не исчезла. Это мы ее, именно ее изучаем и продолжаем изучать. Это она, немножко общипанная, немножко неуклюже подмазанная, застегнутая на все оловянные пуговицы казенно-сиротского учебникового изложения (долой, долой великолепных стилистов Карамзина и Ключевского)... Но это именно она, она... И, откровенно говоря, было бы очень странно, если бы вдруг явилось к нам что-нибудь совсем, совсем другое...

Но почему? А потому, что для создания (правильнее даже – для созидания) новой концепции необходимо четко, очень четко понять, осознать, что защищает и что же ниспровергает эта концепция. И здесь, конечно, закономерно возникает еще один вопрос, вот какой: а разве после установления советской власти не возникла, не сформировалась насущная необходимость построения, выстраивания совершенно новой концепции русской истории? Как мы увидим далее, разбирая подробности, нет, не возникла необходимость, нет, прекрасно обошлись прежней, старой концепцией; там подмазали, тут вшили красный лоскуток, но... обошлись. А почему все же?

Даже пробегая по русской истории быстро-быстро, мы непременно натолкнемся на те или иные попытки пошатнуть (вернее – «пошатать») Романовскую концепцию. И, конечно, подобные попытки предпринимаются всегда в периоды большего или меньшего идеологического либерализма. Например, в первый (признанный либеральным) период правления Александра II, или после того, как разжались ежовые рукавицы николаевской (Николая I) цензуры и цензор (не кто-нибудь, а сам Гончаров, автор «Обломова») предложил заново издать запрещенный роман Лажечникова «Ледяной дом» (а это что, такой крамольный роман? А вот мы еще узнаем...); или после пресловутого семнадцатого года и до – приблизительно – конца двадцатых годов... Но ломать – не строить. Романовская концепция шатается, но стоит. Ведь именно в рамках этой концепции выстроены такие понятия, как «русский патриотизм», «русский национальный характер». И понятия такие не пересматриваются безболезненно, не выстраиваются играючи...

Но почему конец двадцатых годов? Что такое произошло в конце двадцатых годов XX века? Что у нас произошло? Известно – что. Окончательно сформировалось государство, управляемое тоталитарным диктатором. И при ближайшем рассмотрении это государство оказывается модификацией прежней имперской модели. И вот именно в конце двадцатых – начале тридцатых годов государство в отношении своей культурной политики четко означает себя преемником прежней Российской империи, воспроизводя, возрождая в ужесточенном варианте такие имперские институты, как цензура, официозная патриотическая литература. Пора культурных экспериментов в стиле модерн завершается, советское образование преобразуется в некий гибрид церковно-приходской школы и казенной гимназии. Является понятие «русской классической литературы», которую изучают «в обязательном порядке» (в

прежних гимназиях и реальных училищах не были «обязательными» ни Чехов, ни Толстой, ни даже Пушкин, они были живые, их можно было читать или не читать, «обязательным» был только XVIII век, сочинения Екатерины II; и вот, сочинения Екатерины отменили и по методике изучения, «прохождения» этих самых сочинений стали «проходить» Пушкина)...

Но все же, все же... Романовская-то концепция, как же она устояла и пригодилась? Ведь цари... они, кажется, вроде бы... получают власть по наследству? А тоталитарные диктаторы? Кажется, их никто не выбирает и никому они не наследуют, они попросту захватывают власть! Но как же тогда?.. А вот мы и увидим ниже, как «работал» уже в «советской исторической науке» тот самый «элемент узурпации», что был столь свойственен династии Романовых. И есть некая трагическая закономерность в том, что преемником свергнутой династии оказался именно тоталитаризм, а не одна (какая-нибудь) из форм демократического правления. И оказалось, речи Петра I по поводу заключения Ништадтского мира и провозглашения царя императором всероссийским возможно спокойно произносить и в конце первой половины XX столетия, меняется лексика – не меняется стиль.

Романовское концептуальное «великой державе – великое прошлое» и «великим правителям – великих предшественников» нашло великолепное яркое воплощение в знаменитой фильмовой трилогии «Александр Невский», «Иван Грозный», «Петр I». Оказалось, от правителя с достаточно шаткими правами на власть, от царя или князя, сильного именно своим «правом сильного», до тоталитарного диктатора не такое уж значительное расстояние. Любопытно, что к личности Александра Невского, первого русского правителя имперского типа, талантливейшего ученика Золотой Орды, приглядывались, видя в нем предшественника, и Иван Грозный, и Петр I. «Антиконцептуальным», оценившим Грозного резко негативно, явился роман А. К. Толстого «Князь Серебряный». И вот, как мы видим на примере трилогии, Романовская концепция легко преобразуется в модель оправдания, апологетики тоталитаризма.

Впрочем, любопытно заметить резко положительную оценку Ивана Грозного в определенный период советской истории. Любопытно, потому что в рамках Романовской концепции вполне дозволено было оценивать Грозного как «тирана». Интересно, а почему? Очень просто: Грозный – не Романов, он – Рюрикович. Да, а как же Александр Невский? Он ведь тоже не Романов, а Рюрикович, однако никто бы не рискнул оценить негативно жестокое подавление Александром Невским новгородского восстания, убийство сына Василия, нападение на родных своих братьев Андрея и Афанасия. Почему? Здесь вступала церковная цензура, более строгая, нежели цензура «мирская». Александр Невский – официально канонизированный святой. И еще, конечно, любопытно, что культ Александра Невского четко оформляется именно по инициативе Петра I. Как видим, советская модификация Романовской концепции мало что меняла; вот разве что Грозный встал «в свою законную серединку» – между Александром Невским и Петром I.

Но как бы там ни было, на сегодняшний день мы имеем одну-единственную концепцию русской истории, цельную концепцию, со всеми ее достоинствами и недостатками, и эта концепция – Романовская концепция. Дальше мы рассмотрим более подробно попытки пересмотра данной концепции, попытки внесения в нее изменений и дополнений. Но еще раз необходимо повторить: никакой иной, столь же цельной и завершенной концепции русской истории у нас пока нет; и выстроить концепцию – повторяем и повторяем – очень трудное и ответственное дело. Поэтому, рассматривая Романовскую концепцию, разбирая

закономерности ее выстраивания, пытаясь понять, кто же такие Романовы, будем по возможности воздерживаться от легковесной критики. Ведь эту нашу, пока единственную концепцию выстраивали светлейшие русские умы, все те же – Карамзин, Ключевский, Соловьев, Иван Егорович Забелин, Андрей Васильевич Экземплярский...

Коротко: а что же было до Романовых?

Коротко, еще короче, совсем-совсем коротко... До Романовых русскими землями правила династия Рюриковичей. Мы сейчас не будем эту династию рассматривать в подробностях. Отметим только один любопытный факт: российская историческая наука отстаивала версию норманнского, скандинавского происхождения Рюриковичей; советские историки легко этой версией пожертвовали, как бы в интересах патриотизма. Интересно: неужели российским имперским историкам этого самого патриотизма не хватало?.. Вот мы сейчас поставили вопрос, и ответим на него в следующей главе. А пока отметим вторую половину XII века, движение Рюриковичей с южной (Киевской) Руси на северо-восток, формирование Золотого кольца как центра развития русской народности. Андрей Боголюбский делает стольным городом Владимир. А менее нежели век спустя происходит экспансия азиатских мигрантов, известных под именем «татаров», «татаро-монголов». Их «народ-войско» движется на русскую городскую цивилизацию, отгороженную, отделенную от западноевропейских культурных центров прежде всего специфическим, усложненным, «изолятным» алфавитом. Соединение «народа-войска» с «изолятным регионом» породит особую, расширяющуюся посредством приращения территорий государственную модель, будущую Российскую империю. В XIV веке сельджуки и цивилизация изолятного греческого алфавита породят вторую выдающуюся империю – Османскую. Это крайне трагический период. Оформляется противостояние Восточной (Русские земли, Балканы) и Западной Европы. Прежде всего, это противостояние двух алфавитных систем: универсальной латиницы и более сложных греческого алфавита и кириллицы. Оформляется и религиозное противостояние – православия и католицизма. Западная Европа становится сердцем, центром развития мировой культуры. И если Балканы просто примирятся с этим, то для молодой и несмотря ни на что крепнущей русской культуры Запад очень скоро преобразуется в необыкновенно живой и трагический источник притяжения-отталкивания. Это постоянное «люблю и ненавижу» породит своеобразие русской культуры, ее трагическую мощь и величие. Но покамест еще невозможно угадать наступление времени, когда универсальная латиница преклонится перед изолятной кириллицей, представленной Толстым, Достоевским, Чеховым. Пока русские князья только оказываются очень одаренными учениками Орды, и потому ее рушителями и преемниками одновременно. «Русским центром» все более делается великое княжество Московское. В Москве княжат потомки Александра Невского. (Вот они, предшественники Романовых! Советская историческая наука сохранит пиететное отношение к Даниилу Александровичу, Ивану Калите, Ивану III, который первым был прозван «Грозным».) Карамзин первым оформляет образ князя, «собирателя», «устроителя» земель, «дипломата», умело и ловко обходящегося с Ордой. Этот образ будет воспринят советской исторической наукой с некоторыми, достаточно вялыми поправками, то есть указаниями на то, что все князья – «все равно угнетатели». Подлинный критический анализ, внимательное изучение письменных источников – еще впереди.

Следует отметить важный для будущей истории Романовых брак Ивана III (первого «Грозного») с воспитанной в Риме племянницей византийского императора Зоей Палеолог (в Москве она принимает имя «София»). Византийский двуглавый орел на русском гербе,

представление о Москве как о «Третьем Риме» (после падения Константинополя) – отсюда. Любопытна сохранившаяся ватиканская мозаика, изображающая Зою и Ивана (последнего, разумеется, заочно). Однако принятие универсальной латиницы, непосредственное приобщение, приращение к европейской культуре уже не были возможны, специфический русский путь уже был проложен.

Показательны в этом смысле несколько, казалось бы, разнородных моментов. Первое (и очень важное в дальнейшем в истории Романовых): Зоя-Софья ввела на Руси византийский обычай аристократического брака по смотринам. До этого Рюриковичи вступали в династические браки, являвшиеся символами соответственных военных и дипломатических союзов. Брак по смотринам предусматривал выбор невесты для правителя из собственных подданных и – соответственно – борьбу кланов внутри государственного организма. Брак по смотринам достаточно основательно отрезал Россию от Европы, все попытки возобновить институт династических браков оставались довольно долгое время безрезультатными. Но об этом нам еще придется говорить.

Второй момент – к вопросу о противостоянии-притяжении «Россия—Европа». Показательна судьба строителя каменного кремля, итальянского архитектора Аристотеля Фиораванти. Приглашенный в Москву (конечно, по инициативе Зои-Софьи), он уже не был отпущен на родину, умер, по всей вероятности, в заточении.

И, наконец, – третий момент, который хочется отметить и который показателен все для той же трагической темы (Россия—Европа). Речь идет о мифической библиотеке Ивана IV (Грозного), якобы привезенной еще его бабкой, все той же Зоей-Софьей. Кажется, и поныне существуют энтузиасты, пытающиеся разыскать таинственную «либерею», предполагают ее закопанной в каких-то неведомых кремлевских подземельях. Увы! Кажется, это единственная в мире библиотека, которую приходится искать. И, в сущности, не в библиотеке дело, а в грустной попытке обнаруживать западноевропейские институции там, где их не может быть. Увы и еще раз увы, сундук с несколькими фолиантами – не библиотека, и самый просвещенный православный монастырь не есть аналог понятию «университет». Но с этим нам еще придется столкнуться, и даже очень скоро.

А пока... незаметно мы уже перешли к важному для нас внуку Ивана III, к Ивану IV Грозному. При нем еще более укрепляется русский абсолютизм, он первым торжественно «венчается на царство».

О характере, действиях и многочисленных браках Грозного ведутся нескончаемые споры и дебаты. Мы же не будем спорить, а просто (для интереса) заглянем в «соседнюю Англию». Ах, а там, оказывается, все то же самое. Генрих VIII – мрачный, жестокий, подозрительный, шесть его жен, трагически сменяющих одна другую, и – после его смерти – кровавая смута наследников. Может быть, все «становления абсолютизмов» похожи и «несчастливы одинаково»? Вот только Шекспира у нас нет. Алфавит изолятный, мирская культура развивается медленно. Странно, однако и на родине европейских литературных жанров, на греческих землях, «светская культура» все замедляет и замедляет развитие свое, изолятный греческий алфавит пасует перед универсальной латиницей, «родина жанров» обращается в «европейское захолустье»...

Очень важен для династии Романовых первый брак юного Ивана с Анастасией Захарьиной (первая Романова на престоле!). Позднее именно на этом браке Романовы будут основывать свои претензии на российский трон. Кажется бы, дело частное – брак. Но только не царский брак. Поэтому остановимся и посмотрим.

Иван Грозный был женат неоднократно. Точное число жен его нам неизвестно. По меньшей мере одна из них, некая Василиса Мелентьева, придумана известным мистификатором и поддельщиком древнерусских письменных материалов Сулакадзевым. Вероятно, было бы неверно искать причины подобной бурной семейной жизни в характеристических свойствах царя. Так же, как и его английский современник Генрих VIII, Иван Грозный находился в отношении личной своей жизни в ситуации достаточно сложной. Оба они были окружены сильными феодальными личностями, потенциальными или реальными претендентами на престол. В подобной ситуации первейшими врагами правителя оказывались именно члены его семьи и окружившие трон родичи его супруги. Эти же родичи царицы находились в конфликте с остальным царским окружением, борясь за место у трона. Конечно, в такой ситуации брак непрочен и постоянно чреват трагедией. Вспомним казнь Анны Болейн, удаление Екатерины Арагонской; вспомним жестокое вмешательство Грозного в семейную жизнь старшего сына, царевича Ивана Ивановича; одну его жену, Евдокию Сабурову, недоверчивый свекр удаляет, другую, Елену Шереметеву, избивает, также не доверяет ей, опасаясь усиления у трона ее родичей – знатного рода Шереметевых; именно вступаясь за жену, Иван Иванович был смертельно ранен отцом...

Однако зададимся вопросом, почему и российские и советские историки и романисты среди прочих жен Грозного выделяют именно Анастасию Захарьину из семейства Кошкиных, в дальнейшем писавшихся Романовыми? Почему, если даже Иван Грозный рисуется в качестве тирана, то его первая жена – непременно в виде особы кроткой и положительно на царя влияющей? Конечно, советские историки и авторы исторических романов здесь всего лишь следуют в русле Романовской концепции, и притом, в сущности, неосознанно. Кстати, поставим уж все точки над «i»: скудные документальные свидетельства о первой супруге Грозного ни в коей мере не дают нам возможности представить себе ее личность; что же касается достаточно поздних, отчасти поддельных апологетических писаний о ней, то едва ли возможно принимать их в расчет. Но причина внимания Романовской концепции к Анастасии не только в том, что она (первая из Романовых) приблизилась, что называется, «вплотную» к русскому престолу; не менее важно и то, что один из ее сыновей, Федор, царствовал и являлся законным сыном царя (от первого брака, самого законного в глазах церкви). И наконец, едва ли не самое важное: брак Анастасии и Ивана как бы соединил Романовых с династией Рюриковичей. Почему это было так важно? Скажем в свое время...

Покамест же, после смерти Ивана Грозного, династия Рюриковичей на русском престоле быстро клонилась к закату. Иван Грозный так и не устанавливает строгий абсолютистский порядок престолонаследия. Его сын Федор, отстаивая права на престол, снова вынужден опереться на феодальную знать и высшее духовенство. Именно из этой среды выдвинулся будущий правитель Руси, Борис Годунов. В этом обновившемся засилье феодальных элементов следует, вероятно, искать и корни русских свидетельств о Федоре как о болезненном, слабовольном, неспособном к самодержавному правлению. Подобные свидетельства всегда подозрительны и едва ли стоит искать в них информацию о состоянии здоровья того или иного правителя, они просто направлены на подрыв его репутации и, как правило, показывают именно силу феодальной знати. Любопытно, что «болезненный» Федор правил четырнадцать лет (с 1584 по 1598), при нем Россия активно и довольно успешно вела войны с Польшей и Швецией.

Отсутствие должного законодательства о престолонаследии приводит к власти после

смерти Федора его шурина, известного Бориса Годунова. И он опирается на знать и высшее духовенство, которые всячески стремятся подорвать его репутацию, когда он пытается проводить самостоятельную политику. Интересно, что в этот период еще неокрепшего абсолютизма русская феодальная знать как бы избирает Бориса царем, но тот же Борис все же основывает свои претензии на родстве с предыдущим правителем; совершенно так же в дальнейшем поступят и Романовы.

Противники Бориса обвиняли его в убийстве мальчика Дмитрия, последнего сына Грозного от последнего брака. Казалось бы, в подобном устранении не было никакого смысла, брак Грозного с Марией Нагой не был признан церковью, Дмитрий, в сущности, являлся незаконнорожденным и на престол претендовать не мог, как, впрочем, не мог претендовать на какое бы то ни было отцовское наследство; по отношению к незаконнорожденным закон был весьма суров. Мы не будем сейчас углубляться в путаную проблему гибели юного Дмитрия; обратим внимание лишь на любопытную ситуацию, которую продуцирует неокрепший, «незрелый» абсолютизм. В дальнейшем ведь и Романовы будут попадать в аналогичные ситуации. Итак: с одной стороны, правитель остается лицом «выборным», как бы избираемым феодальной знатью и высшим духовенством; с другой стороны, подобная «выборность» правителя, который все еще как бы «первый среди равных» – «*primus inter pares*» – уже должна подкрепляться таким фактором, как родство с правителем предыдущим. При этом приобретает огромное значение некая «физиологичность», «семейность» родства, даже и в обход законодательных актов, не признающих это родство, отменяющих его. Так, в Англии Генрих VIII объявил недействительным свой брак с Анной Болейн и, соответственно, дочь свою Елизавету – незаконнорожденной. Это, однако же, не помешало будущей знаменитой королеве претендовать на престол, заручившись поддержкой определенной части знати, и претендовать именно в качестве дочери Генриха VIII. И, конечно, подобные претензии мог заявить и Дмитрий в отношении русского престола. Впрочем, есть свидетельства о том, что подобные попытки были от имени Дмитрия предприняты тотчас после смерти Ивана Грозного, чем и была вызвана ссылка Дмитрия и родичей его матери Нагих в Углич. Как бы там ни было, но обвинение в убийстве мальчика прекрасно подрывало репутацию Бориса.

Годунову не удалось сделаться основателем новой династии, сын его трагически погиб (покончил с собою или был убит). То самое «подчеркнутое родство», что привело на престол Годунова, шурина царя Федора, вело теперь в Россию таинственного самозванца, Дмитрия I, объявившего себя сыном Грозного.

В сущности, на самом деле, в случае Бориса Годунова или Джоанны Грэй мы имеем узурпацию, захват власти представителями или ставленниками феодальных кланов. Сейчас предметом нашего рассмотрения не является сложный и своеобразный период русской истории, известный под наименованием «смуты», или «смутного времени». Но некоторых моментов этого периода мы все же коснемся.

Русская «смута» очень напоминает свою «предшественницу» – «смуту» английскую, последовавшую после смерти Генриха VIII. Это позволяет нам сделать некоторые выводы. И Генрих VIII, и Иван Грозный видятся нам личностями очень яркими, сильными, даже блестящими, несмотря на все свои страшноватые свойства (или благодаря им?). В свидетельствах современников эти личности предстают перед нами во всем страшном блеске борьбы со своими противниками. Можно достаточно смело предположить, что именно подобные личности порождаются абсолютизмом «зреющим», они его творцы.

Такими увидим мы в дальнейшем Елизавету и Викторию в Англии, Петра I и Екатерину II в России. Напротив, абсолютизм «стабилизировавшийся», абсолютизм с установившимся институтом престолонаследия выводит на сцену истории череду аккуратных мундироносителей, Георгов и Александров; к ним надобно еще приглядеться, чтобы увидеть их личностные, индивидуальные черты.

Что же мы имели в Англии? Очень краткое царствование Эдуарда, сына Генриха VIII. Далее – ставленники сильного феодального клана, юные супруги Джоанна Грэй и Гилфорд Дадли, страшная казнь мальчика и девочки по приказу захватившей власть Марии, дочери Генриха от Екатерины Арагонской (ну чем не история смерти мальчика Дмитрия!). Нарастающий конфессиональный конфликт католиков и протестантов. Брак Марии с Филиппом Испанским, который позднейшие английские «историки-патриоты» рассматривают как «иноземное засилье», «католическую экспансию» и т. д. И, наконец, захват власти Елизаветой, ее первоначальная сильная зависимость от феодальных кланов и постоянный ее страх новой возможной узурпации (особенно известна ее борьба с претендовавшей на английский престол Марией Стюарт).

В России приблизительно то же самое. Цепочка трагических смертей, брак Самозванца и Марины Мнишек, рассматриваемый позднейшими историками уже как проявление «польской интервенции» и «католической экспансии». Трудно было предположить, что Дмитрий I (Самозванец) задержится на престоле. Сохранившиеся о нем свидетельства рисуют его личностью достаточно энергичической и (в частности, в отношении действий по сближению России с Европой) в чем-то как бы предшественником Петра I. Интересно, что и над Дмитрием и над его супругой Марией (Мариной) был торжественно совершен обряд «помазания на царство», этот обряд невозможно было объявить недействительным. Именно то, что Марина Мнишек являлась «помазанной на царство» правительницей, дало ей законные основания для борьбы за престол. Каковы же были причины скорого убийства Дмитрия I? Забежим вперед и вспомним, как царевна Софья Алексеевна в борьбе за престол, в первую очередь, стремилась к уничтожению клана Нарышкиных, родичей матери Петра. Для того чтобы держаться на престоле в период «зреющего абсолютизма», конечно, необходима была поддержка «своих», клановая поддержка сильного рода. Попытку заменить «клановую поддержку» поддержкой лиц, возвышенных самим царем «за службу», предпринял уже Иван Грозный, однако признать эту попытку удачной, конечно, нельзя; «первые головы», «государственные умы» Грозного, дьяки Щелкаловы и Андрей Шереметевы, люди происхождения незнатного, известны даже не всем историкам; пожалуй, один лишь Платонов уделяет им определенное внимание; остальные же попросту не замечают, Остерманов и Меншиковых из них не получилось... Институт «клана» остался в полной силе. Жертвой отсутствия «клана» стал Годунов. Не было «клана» и у Дмитрия I. Линию Рюриковичей, происходящих от сына Александра Невского, Даниила, начал «сводить» уже дед Грозного, Иван III (вспомним хотя бы его расправу с братом Андреем Горяем и сыновьями последнего). Сурово обходился со своими братьями и отец Грозного, Василий; вдова же Василия, мать Грозного Елена, просто физически расправилась со своими деверями Андреем и Юрием. Но это не была жестокость, а, что называется, жизнь! Самые близкие родичи правителя – «начинающего абсолютиста» – конечно же, самые заклятые его враги и самые реальные претенденты на престол. Это побудило и самого Грозного к расправе над своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем и семейством последнего. Таким образом, у Дмитрия I не было своего клана. Шуйские,

происходившие от другого сына Невского, от Андрея Александровича (или, что менее вероятно, от младшего брата Невского, Андрея Ярославича), не намеревались поддерживать Дмитрия, они ведь сами имели основания претендовать на престол. И если даже Ивану Грозному не удалось, хотя он действовал достаточно длительный период, однако не удалось заменить «клановость» «служилостью», то было совсем уж невероятно ждать, что это удастся Дмитрию, имевшему дело, например, с тем же сильным кланом Шуйских.

Дальнейшие события смуты достаточно известны, и мы рассмотрим только некоторые моменты – в том плане, как их интерпретирует Романовская концепция. Престол занял после убийства Дмитрия I Василий Шуйский, кстати, последний Рюрикович на русском троне. Восшествие его на престол осуществилось по уже известной нам модели: «родство» плюс феодальная поддержка (имитация «избрания»). Шуйский характеризуется в рамках Романовской концепции как правитель весьма «неспособный». Впрочем, оно и понятно. Подходя все ближе к воцарению Романовых, историкам необходимо подчеркнуть их роль «спасителей» России от всевозможных бедствий: от «беспорядков» смуты, от «дурного правления» Шуйского, от «польской интервенции» и т. д. Между тем Василий Шуйский теряет престол (ему пришлось постричься в монахи) вследствие победоносного продвижения польских войск. Однако действовали прежде всего не «право», а «сила». Сигизмунд III уже не намеревался поддерживать «законную царицу» Марию Мнишек, ему «интереснее» было действовать в своих интересах. На русский престол заявил претензии его сын, королевич Владислав, и был поддержан частью русской знати. Здесь Романовская концепция резко осуждает «антинациональный акт». Остановимся подробнее на этом осуждении. Для русского престола оставались два варианта: либо представитель одного из правящих родов Европы, либо захват власти кем-нибудь из местной знати. Любопытно и стремление английских историков противопоставить «чужую» Марию Стюарт «англичанке» Елизавете. Интересно также, что в дальнейшей истории Европы при определении «права на престол» доминирует именно примат «родовитости», «королевского рода». В результате, что также занятно, к XX веку фактически все престолы Европы были заняты особами, представлявшими немецкие княжеские дома. Виктория Английская – представительница Ганноверской династии, ее супруг Альберт – Саксен-Кобург; фактически чистокровные немцы правят на протяжении XIX столетия и Российской империей. Впрочем, когда Елизавета I оставила престол Иакову, сыну «чужой» Марии Стюарт, он уже также не считается «чужаком». Вспомним, однако, и то, как упорно подчеркивали австрийское происхождение Марии-Антуанетты – «австриячка» – французские революционеры. Понятие «нации» только нарождалось, и они спешили эксплуатировать его. Любопытно, что Марию Лещинскую, супругу Людовика XV, «полячкой» не называли. И вот еще пример из современного искусства, из немецкого фильма о юности королевы Виктории: узнав, кто предназначен в мужья молодой английской королеве, гувернантка-немка радостно восклицает: «Немец!»... Что же все это? Смешно? Забавно? О нет! Рожденное в первых пылких порывах первой французской революции понятие «нация» делается чудовищем дальнейшей истории человечества, будет унижать и угнетать людей, калечить и ломать их разум и чувства куда более, нежели даже сословно-монархическое деление. Это углубляющееся противоречие между понятием «национального единения» и своеобразным «монархическим интернационализмом» в конце концов погубит и династию Романовых...

Между тем на арену русской истории в «смутное время» выступили загадочные «народные массы» – это казаки и объединенные Иваном Болотниковым крестьяне. И снова:

не входит в наши задачи сейчас подробный анализ этого явления, но, поскольку представители династии Романовых будут с этим явлением сталкиваться и в дальнейшем, попытаемся дать ему краткую, по возможности, характеристику.

Тогда Россия впервые столкнулась с этим самым «выступлением народных масс». (Обратим внимание на то, что Франция пережила «Жакерию» в начале второй половины XIV века, и в том же XIV веке, в конце его, Англия переживает «восстание Уота Тайлера».) В дальнейшем России, уже при Романовых, предстоит пережить выступления Степана Разина и Емельяна Пугачева. Что же они такое, эти загадочные выступления «народных масс»? Вероятно, ответить на этот вопрос более или менее логично, попытаться оценить действия личностей, подобных Уоту Тайлеру и Ивану Болотникову, вовсе не так просто. Что прежде всего бросается в глаза? «Народные массы», объединенные сильными и своеобразными личностями, все же пасуют перед силой государства, даже ослабленного, как Россия в период смуты (это хорошо сумел показать Василий Шукшин в романе о Разине «Я пришел дать вам волю»). Далее – от Тайлера до Пугачева – «массы», в сущности, не выдвигают «программу протеста против угнетателей», напротив, поддерживают то или иное лицо, претендующее на престол («самозванно» или «законно»); так, например, поддерживали казаки Марину Мнишек, а в дальнейшем Романовых, так Пугачев объявил себя чудесно спасшимся Петром III. И, наконец, «выступления масс» не могут опираться на «стабильную систему обеспечения, снабжения», действующую в отношении государственной армии, поэтому «выступления» естественным образом переходят в простой «разбой», от которого страдают «свои же», то есть крестьяне и небогатые горожане, не могущие защитить себя.

Интересно также, что «выступления народных масс» начинаются не на территориях с интенсивным использованием труда крепостных крестьян, но как раз там, где население более свободно и более способно к военным действиям, – на казацком Дону, например. Пугачев и вовсе свободный землевладелец и бывший (сейчас это назвали бы «демобилизованный»), один из отпущенных по указу Петра III, солдат...

Но что же советские историки? Казалось бы, здесь, в оценке «народных движений», они совершенно расходятся с Романовской концепцией. Она-то расценивает народные движения как проявления жестокости и «беспорядка»... Советская же историческая наука, оказывается, также видит в этих «выступлениях» жестокость (но уже «справедливую», и даже порою и «недостаточную»), «жестокость к угнетателям»; «беспорядок» же видится уже не в попытке «нарушить» ход государственной «машины», но, напротив, в недостаточно резком «нарушении»... Вот она, Романовская концепция, парадоксальным образом сближающая противоположности! Но в таком случае, говорить о каких бы то ни было серьезных попытках анализа «народных выступлений и движений» пока еще рано. Ясно только, что в рамках Романовской концепции, «лицевой» или «изнаночной», осуществить подобные попытки едва ли возможно...

А между тем, а между тем... На русский трон уже несколько претендентов. Карл-Филипп шведский, Владислав польский, Мария Мнишек и ее маленький сын (сын одного из ее «самозванцев»). И за каждым из претендентов стоит возможная (или уже и реальная) военная поддержка.

Едва ли могли быть направлены в пользу Романовых и выступления Прокопия Ляпунова и Дмитрия Пожарского. Обходя относительным молчанием фигуру Ляпунова, не вполне пригодную для роли «предводителя народной борьбы» (первоначальная поддержка им Дмитрия, затем Сигизмунда, конфликт с Заруцким), Романовская концепция пластично

выдвигает мифологизированные фигуры посадника Минина и князя Пожарского. В этом качестве предводителей и вдохновителей «народного ополчения» они благополучно пригодились и в истории СССР. Естественно, что дальнейшая судьба того же Пожарского, постигшая его опала уже не рассматриваются.

На первый взгляд (в рамках все той же Романовской концепции), избрание при всех этих условиях «на царство» юного Михаила Романова выглядит истинным чудом, ниспосланным этой семье свыше в награду за добропорядочность и благочестие. Это, что называется, «лицевая» сторона «мифа об избрании Романовых на царство»; при попытке же «вывернуть наизнанку» этот миф первые Романовы преобразуются из почти святых «тишайших» благочестивцев опять-таки в «тихих консерваторов». Но возможно ли понять, что же произошло в действительности?

«Иностранец» Андрей Иванович и был ли уговор...

Романовы фиксируются в русской письменной традиции сравнительно поздно – XIV век. Род они не княжеский, а боярский. Первый письменно зафиксированный Романов («родоначальник») – Андрей Иванович Кобыла. Далее являются Романовы-Кошкины и, наконец, Захаровы, или чаще Захарьины. В сущности, Романовы прозываются «Романовыми» по Роману Захарьину-Кошкину, отцу известной Анастасии, то есть это прозвание опять же сближает их в известной степени с династией Рюриковичей.

Казалось бы, Романовы – совершенно русский род, однако вдруг выясняется, что это не предмет их гордости. Мало того, что Романовская концепция подчеркивает связь Романовых (через пресловутую Анастасию) с династией Рюриковичей и подчеркивает иноземное (норманнская версия) происхождение этой династии, выясняется, что и «наш» Андрей Иванович – вовсе даже и «не наш», не Кобыла, другой зверь, куда дороже. Корни его выводились аж из Пруссии, от мифического вождя Видвунга. Подобная версия происхождения Андрея Ивановича попросту не лезла ни в какие ворота. В период малейшего либерализма историки начинали обставлять это знатное происхождение Андрея Ивановича всевозможными мягкими оговорками, вроде «считался», или «будто бы», или «вероятно». Советские историки отнеслись к «иностранному происхождению» Андрея Ивановича с некоторым вялым пренебрежением по типу: «а не все ли равно?». Совсем иначе обстоит дело с «норманнской версией». Здесь Рыбаков самолично закопает «обратно в раскопки» всякий скандинавский клинок, обнаруженный в окрестностях Старой Ладogi... И опять же – понятно: все-таки Рюриковичи – это начало русской государственности как таковой; и с точки зрения «примата национальности» (а именно на нем основывалась советская историческая наука) русская государственность не должна основываться нерусскими, «иноземцами», ибо тогда выходит, что она не государственность, а «иго»... Интересно, что российский либерализм наносил удар по норманнской версии «с другой стороны». Вспомним лермонтовского Вадима Новгородского. Что он? Республиканец, восстающий против пришествия тиранов. Республиканский русский Север, боярские республики Новгород и Псков влекли к себе воображение поэтов как некий запретный плод. И кем бы ни были Рюриковичи, но выходит так, что они (с Александра Невского особенно интенсивно) забили, задушили Русский север, их действия превратили цветущий регион в захиревшую провинцию Московского царства, а затем и Всероссийской империи... Но увы, со своей-то «точки зрения», они действовали «правильно»: они расширяли свои владения...

Однако же зачем все это понадобилось? Интерес к личности Анастасии, отстаивание норманнской версии, «иноземное» происхождение Андрея Ивановича? Нетрудно заметить здесь очень спелые зерна конфликта с «национальной доктриной». Значит, в самом «начале» Романовской концепции уже таилась трагическая конфликтность. И конфликт, как нарыв, прорвался в конце концов и ударил по Романовым, когда последнюю императрицу звали «немкой», «немецкой шпионкой»; и не помогали ни православное крещение и имя Александры Федоровны, ни дворцовые маскарады с кокошниками, ни тот факт трагикомический, что и все остальные цари и царицы на российском престоле уже давно были немецкой крови. Нет, нет и нет! Война с Германией требовала разрастания, расширения именно «национальной доктрины»; и этот самый «примат национальности»

развернулся и ударил по Александре Федоровне, как топор гильотины по шее Марии-Антуанетты...

Но, Боже, зачем Романовская концепция сама себе подставила эту «ножку»?!

Пожалуй, именно презираемая многими знатность происхождения подпадает под некую категорию наивысшей справедливости. Вас могут полагать красивым или некрасивым, умным или неумным – в конце концов, это всего лишь вопрос вкуса. Вас могут пожаловать за ваши заслуги всевозможными титулами и званиями. Но знатным происхождением вас не могут пожаловать, наградить; нет, не могут; или оно у вас есть, или его нет. Впрочем, существует и третий вариант: если у вас нет знатного происхождения, надо придумать его! Но и придумывать можно по-разному, можно – грубо, а можно – в достаточной степени пластично, как творцы Романовской концепции (что, однако же, в итоге не только не спасло, но даже и погубило Романовых).

Даже опустив на подданных своих самый «железный» занавес, правитель все равно не остается в блаженном одиночестве; у него есть «собратья» в мире, другие правители, всем им кукиш не покажешь, и рядом с ними нельзя быть менее родовитыми. А ведь «худородные» бояре Романовы – самая молодая, беспрецедентно молодая европейская династия. И ведь еще ходили по русской земле подпавшие под власть Романовых все те же Рюриковичи и Гедиминовичи, могущие поравняться со знатнейшими родами Европы... Но посмотрите, как пластично лепят знатность Романовых творцы Романовской концепции. Отсчет начинается от Рюриковичей на русских княжеских «столах». Норманнское их происхождение на самом деле не включает в себе ничего удивительного и унижительного. Слава Богу, норманны наосновывали этих княжеских родов по всей Европе – до Сицилии включительно. И, значит, самые сливки знати европейской Рюриковичам – родня. И наследуют Рюриковичам, устроителям – от Александра Невского – державы, кровно связанные с ними Романовы, мягко олицетворяя при этом женственное, смягчающее жестокость власти начало (Анастасия!). Но и сами Романовы, оказывается, скромны, женственно благочестивы (особенно миф о первых Романовых проникнут этим женственным началом; тихие, благочестивые, простодушные Михаил Федорович и Алексей Михайлович – благостные); но при этом их род уходит в некую мифологическую, баснословную древность корнями; и опять же древность эта – древность принципиально «нерусская», то есть опять-таки приобщающая Романовых к знати «всемирной». И оно все хорошо и пластично, да вот не ладит этот «аристократический интернационализм» с «национальной доктриной»... А, впрочем, ведь и мы, еще помнящие Овода и вульгаризированную в стиле французского шовинизма Жанну Д'Арк, еще помнящие формулировку прежних учебников: «борьба за национальную независимость», – разве мы готовы оценить и попытаться понять этот самый «аристократический интернационализм» и эту вот справедливость, воплощенную в том, что если нет у тебя знатного происхождения, то его и нет... Готовы ли мы?.. Зададимся хотя бы вопросом, попытаемся что-то понять заново, не так, как понимали прежде...

Но – дальше, дальше... Известно, что решение об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, юноши едва семнадцатилетнего, принято было в январе 1613 года Земским собором. По поводу этого избрания Алексей Константинович Толстой заметил в своей трагически шутливой поэме «История государства Российского»: «Но был ли уговор...» – и тотчас прибавил, что история об этом «молчит до этих пор». В этих двух стихотворных строках, брошенных как бы вскользь, сказанных будто небрежно, но сказанных

замечательным поэтом и мыслителем, таится глубокий смысл, и вопросы возможно задать очень серьезные. И, вероятно, чтобы получить на эти вопросы ответы, надо для начала хотя бы понять, как трактует эти вопросы все та же Романовская концепция. Кстати, а почему свое четверостишие, посвященное избранию Романова, А. К. Толстой начинает словами: «Свершилось то летом»? А потому что решение было принято зимой, а в Москву Михаил прибыл летом. Ему и его будущему сыну суждено было сделаться героями мифа о первых Романовых, благочестивых отцах собственного семейства и государства, личности их должны были контрастировать с этими мятежными личностями «прямых реформаторов» – Грозного, Годунова, Дмитрия I, и с самим «непорядком» смутного времени...

А что за «уговор»? То есть действительно ли было избрание или же «уговор», удавшаяся интрига, сговор, предварительный договор... Стало быть, А. К. Толстой сомневается в добросовестности Земского собора как органа, назначенного избирать...

Но, вероятно, прежде всего следует поставить вопрос: а что такое земские соборы? Чрезвычайно малое число сведений, сохранившихся о них, противоречивость порою этих сведений вызывают к жизни самые парадоксальные картины. В определенном смысле это коренится в естественном желании приоритета. Тогда закономерно рождается утверждение, что все институции и формы правления, заимствованные достаточно поздно и, что называется, «в готовом виде», были на самом-то деле гораздо раньше и «задолго до». Вот, например, занятые фрагменты из статьи В. Махнача с симптоматичным названием «Западники», помещенной в журнале «Век XX и мир»: «...лучшие люди судили вместе с любым судьей (зачаточная форма суда присяжных)... выборные наподобие англосаксонских шерифов лица отвечали за полицейский порядок...» И, наконец, земские соборы названы однозначно: «парламент Русского государства»... Все это очень напоминает попытки израильских историков вывести всю мировую культуру, философию, литературу «из себя». При этом, конечно, выходит, что жанры, например, романа или любовной лирики, вовсе не заимствованы естественным образом израильской литературой из литературы европейской, а просто были «задолго до»... Попробуем, однако, «вывернуть текст»; ну, хотя бы так: «англосаксонские шерифы – подобие старорусских «выборных», или: «английский парламент во многом восходит к русским земским соборам»... Что-то туго поворачивается. Такое чувство, будто все эти «шерифы», «парламенты», романы и лирические стихи просто-напросто – ну никак! – не могут узнать себя в архаических древнееврейских текстах и земских соборах... Однако это самое желание приоритета, оно только на вид комическое, последствия из него могут проистекать самые трагические...

На сегодняшний день ничего рациональнее демократической формы правления пока еще не создано. Поэтому, конечно, престижно видеть в загадочных земских соборах именно некие демократические учреждения (или, по крайней мере, прототипы таковых). Дадим слово Р. Г. Скрынникову, автору популярных книг по истории России:

«В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой Кремлевский дворец был переполнен...» Такой замечательный текст невольно хочется продолжить как-нибудь так: «На трибуну зала заседаний вышел Андрей Дмитриевич Сахаров и все дружно захлопали, едва выборный депутат начал свою речь...»

Но зачем же оно собралось все-таки 21 февраля, это чудесное супердемократическое собрание? Что оно сейчас вот сотворит? Провозгласит республику «задолго до»? Отменит

крепостное право? Не-а! Оно сейчас будет выбирать самодержца, полновластного правителя страны...

Но что же все-таки такое земские соборы? Прежде чем попытаться понять, как были избраны Романовы, стоит попытаться понять, что за учреждения – земские соборы.

По сохранившимся сведениям, земские соборы созывались с середины XVI до конца XVII века. То есть от Ивана IV (Грозного) до Петра I, который их и отменил. Порядок созыва земских соборов, вероятно, почти невозможно себе представить, опять же, вследствие скудости сведений. Во всяком случае, они не созывались регулярно, не было установлено определенных сроков для созыва земских соборов. Соборы созывались по инициативе царя или (в период «смутного времени») по инициативе аристократической верхушки (боярства). Судя по всему, на соборах бывали представлены: боярство и дворянство, а также игравшее важную роль в русской политической жизни духовное сословие, опять же – «верхняя часть» его, рекрутировавшаяся из аристократических семей. Определенная роль отводилась народу (впрочем, здесь надо бы взять это понятие в кавычки – «народ»). Зависимые от того или иного лица крестьяне и несостоятельные горожане сходились по указанию своих «патронов» к помещению, где, собственно, происходил собор, и «поддерживали своего криками».

Первое, что можно заметить: земские соборы явились именно в период становления русского абсолютизма. Казалось бы, странно. Но нет, не странно. Например, такая форма представительства, как «всенародный курултай» – «общий съезд» нойонов и нукеров для избрания великого хана, также возникает именно в период укрепления, становления ханской власти. И о земских соборах, и о курултаях сохранились сведения самые скудные. Но и земский собор, и курултай, несомненно, имеют то общее, что обе эти формы феодального представительства характерны для обществ, где личность как таковая, само понятие личности, крайне редко играет значительную роль; в подобном обществе важны не личность, и даже не семья, а род, клан. И правитель, уже претендующий на абсолютную, единодержавную власть, принужден идти на компромисс даже и не с аристократическим сословием, а именно с этими самыми «родами-кланами». Формой подобного компромисса и являлись земские соборы и курултай, здесь создавалась иллюзия выборности, здесь проще было «сговариваться», натравливать один род на другой и т. д. В этой «клановости-родовости» – разгадка странного «демократизма» подобных представительств. Ведь такая единица, как этот самый «род-клан», включает в себя иерархически представителей различного сословного и имущественного ценза. «Род-клан» слагался из лиц, связанных кровной, «физиологической» связью, и лиц зависимых, «обслуживающих». «Род-клан» имел «своих» торговых людей, «своих» духовных лиц и т. д.

Парламенты и генеральные штаты не рождаются из курултаев и земских соборов. Эти феодальные представительства просто сходят на нет по мере упрочения царской (ханской) абсолютной власти.

В обществе, структурированном подобным образом, еще просто невозможно свободное волеизъявление. Но тогда что же все-таки это самое избрание Михаила Романова?

Вот перед нами вариант «классической» Романовской концепции (Н. И. Костомаров):

«Не было тогда никого милее народу русскому, как род Романовых. Уж издавна он был в любви народной. Была добрая память о первой супруге царя Ивана Васильевича, Анастасии, которую народ за ее добродетели почитал чуть ли не святою. Помнили и не забыли ее доброго брата Никиту Романовича и соболезновали о его детях, которых Борис Годунов

перемучил и перетомил. Уважали митрополита Филарета, бывшего боярина Федора Никитича, который находился в плену в Польше и казался русским истинным мучеником за правое дело...»

Текст крайне любопытный. Сколько в нем основательности и, что называется, «оценочности». Прочитав, трудно поверить, что речь идет о времени и личностях, о которых дошли до нас крайне разрозненные, достаточно малочисленные и противоречивые сведения. Однако, если отлить патоку, что мы в этом тексте увидим? В первую очередь, однозначно негативную оценку личности Бориса Годунова. Конфликт Годунова и Романовых (а можно смело предположить, что конфликт был) Костомаров трактует как некие «мучительства», причиняемые царем невинным Романовым. Вообще в Романовской концепции бросается в глаза крайне негативная оценка трех предшествовавших Романовым правителей: Бориса Годунова, Дмитрия I, Василия Шуйского. Чем вызвана подобная оценка, догадаться нетрудно. Каждый из трех – это своего рода соперник Романовых в борьбе за престол.

Любопытен и сам термин «смута», «смутное время», спокойно перешедший из Романовской концепции в советскую историческую науку. Некая «смута», некий хаос, который прекращается с избранием Романовых. А была ли «смута»? Или мы имеем просто борьбу за власть, которую едва ли возможно обозначить подобным термином «смутное время»? И в этой борьбе Романовы – активные участники, судя по всему. И за что же они борются? За захват власти! Поэтому так важно Романовской концепции подчеркнуть «незаконность» трех предшествующих претендентов и «законность» Романовых на русском троне.

Федора Никитича Романова (митрополита Филарета) мы встречаем то в стане Дмитрия I, то в лагере короля Сигизмунда. Не так-то просто понять, что такое этот самый «польский плен» Филарета (он оказался в Польше вместе с Шуйским, в Польше и умершим); и что такое этот «плен» – насильственное задержание или род эмиграции?..

И снова все тот же вопрос: почему Романовы были избраны? В попытках опровергнуть «паточный» вариант Романовской концепции приходят невольно к выводам о том, что незначительные слабохарактерные Романовы вполне «устраивали» аристократическую верхушку. Но так ли? Не есть ли это всего лишь «вывернутый наизнанку» миф о «тихости» первых Романовых?

Но сохранившиеся свидетельства вовсе не показывают нам Романовых такими «слабохарактерными тихонями», нет, перед нами род политически активный, смелые, сильные, вовсе небесталанные авантюристы. Нет поводов питать к ним паточную любовь, но нечего и рассчитывать на их мягкость и безличность.

И опять возвращаемся к насмешливой строке А. К. Толстого: «Но был ли уговор...» – то есть... а было ли вообще какое бы то ни было избрание?

Посмотрим опять. Самих претендентов (Филарета и его сына) в Москве не было, вместо них «представляют» их родичи. В числе прочих претендентов выступают князь Пожарский и Голицыны. Не забудем, что ни Владислав, ни Марина Мнишек еще не отказались от своих претензий. В этой картине явно недостает какой-нибудь воинской силы, опираясь на которую, Романовы могли бы прийти к власти. А, впрочем, отчего же недостает? Если посмотреть источники, то как раз очень даже и достает! Эта сила, поддерживавшая Романовых, осадившая прочих московских претендентов, – часть казацких отрядов. Каким образом была получена эта поддержка? Едва ли денежные дачи, скорее – обещания льгот. Обещаний своих Романовы, конечно, не исполнили, за что и бывали

наказаны. Любопытны свидетельства о том, что участники разинских выступлений полагали, что Романовы именно должны исполнить данные обещания в отношении казаков; те же мотивы находим и в движении Пугачева. В нашу задачу сейчас не входит рассмотрение сложного вопроса о происхождении казаков, которым много занимаются в последнее время. Свидетельства XVII века в основном подразумевают под этим термином свободных землевладельцев, образовавших кантонистские (военные) поселения на пограничьях русского государства... Итак, был ли уговор, происходило ли избрание? Судя по всему, произошел просто захват власти и престола. И тень узурпации, незаконности надолго простерлась над романовской династией. Еще долго держалась память о том, что власть и престол именно захвачены; и желание «перехватить» долго не угасало...

Первые Романовы – Михаил Федорович (правил с 1613 по 1645) и Алексей Михайлович (правил с 1645 по 1676)

Михаил Романов был юношей семнадцати лет. Отец его был митрополитом, а, вернувшись из Польши, сделался патриархом всея Руси. Мать, Ксения Ивановна (старица Марфа), также имела иноческий чин. По документам и свидетельствам современников, по манере, в которой эти свидетельства (как русские, так и зарубежные) писаны, очень трудно представить себе характеры «действующих лиц». Но судя, например, по тому, как придирчиво старица Марфа выбирала себе покои для житья в Москве, или по роли, которую играл в государственной жизни Филарет, их обоих можно себе представлять людьми властными и уверенными в своих действиях и правах.

Но был ли юный Михаил таким уж «пустым местом»? Вот один любопытный факт: Филарет вернулся в Москву по одним свидетельствам в 1616-м, по другим – в 1619 году. До его возвращения были схвачены Мария Мнишек, ее малолетний сын Иван и поддерживавший их предводитель казаков Заруцкий. По распоряжению Михаила было осуществлено публичное, при большом стечении «скликанных» людей, повешение четырехлетнего Ивана, сына Марии Мнишек. С этой беспрецедентной, именно вследствие своей публичности, казни мальчика фактически началось правление Романовых. Далее, уже в зрелом возрасте, Михаил Романов начинает войну с Польшей за спорные территории; хотя эта война закончилась поражением и России пришлось уступить Польше право на Смоленские и Чернигово-Северские земли, однако один бесспорный успех был достигнут: король Владислав наконец-то (начало тридцатых годов) признал Михаила московским царем. В конце тридцатых годов захвачена была казачьими силами крепость Азов, которую, однако, также пришлось освободить: Россия опасалась ответных действий Крымского ханства и Османской империи.

Таким образом, можно сказать, что Михаил Романов выступает своего рода «наследником», продолжателем политики Ивана Грозного, то есть политики расширения государства посредством завоевания и последующей колонизации все новых и новых территорий.

Но, продолжая подобную политику, уже первый Романов сталкивается с весьма значительными трудностями. Так называемая «смута» показала беспощадно и ярко отсталость России. Впрочем, на этом термине – «отсталость» – нужно остановиться более подробно. История человечества складывается таким образом, что кардинальным путем исторического развития являлся и является «западноевропейский» путь. «Восточные» пути до сих пор оказывались путями в изоляцию, в тупик. То есть, с точки зрения, например, османских султанов, Россия вовсе не была отсталой; но и Османская империя и Россия могли категориально оцениваться по отношению к Европе именно как «отсталые».

Прежде всего, Европа располагает вооружением, тактическими и стратегическими методами ведения военных действий, технологией создания регулярной армии, которыми не располагают ее «восточные» соперницы – Россия и Османская империя. Но это военное превосходство тесно связано с другими особенностями развития. В XVII веке Европа уже не

знает крепостного права, которое в России еще только начинает интенсифицироваться. Благодаря универсальному алфавиту – «латинице» – Европа уже обладает развитой светской («мирской») культурой. В Османской империи и в России культура обслуживается изолянтными алфавитами – кириллицей, греческим, арабским – и контролируется церковными властями, вследствие чего замедлено культурное развитие. Так называемый «Дневник Марины Мнишек» (описание событий, составленное, вероятно, кем-либо из ее приближенных) фиксирует ориентальность, «восточный уклад» бытовой культуры, несоответственный уже принятым в Европе нормам: мужчины и женщины в общих собраниях находятся отдельно друг от друга, перед едой не моют рук, не употребляют индивидуальных тарелок, солят уже готовую пищу и т. д. Даже эти, казалось бы, мелочи создавали серьезные трудности в общении, в проведении своего внешнеполитического курса. Отсутствие в России майоратного права, то есть передачи наследственных владений старшему в роду, подкреплённой соответственным законодательством, тормозило развитие архитектуры, жилые строения оставались деревянными, недолговечными, фактически не использовалось стекло.

Уже возможно было предположить, что постепенные реформы обречены будут на неуспех, и единственным путем, единственной возможностью реформ останется интенсивное заимствование у Запада соответственных институций, приемов, укладов и способов. Эта интенсивность, при одновременной интенсификации развития крепостного права, трагически расколола население на «просвещенных европейцев» и «ориентально невежественных простолюдинов». Но это мы, конечно, несколько забежали вперед, в петровские уже времена... А покамест следует отметить еще одну важную особенность, отличавшую именно первых Романовых в наибольшей степени: если в Европе правитель все более делается «гражданским лицом», то при первых Романовых царь и все его семейство совершенно сакрализируются; это священные особы; царь показывается лишь в особых случаях, а его маленьких сыновей, царицу и царевен фактически никогда не видят. Поездки осуществляются только в закрытых экипажах, царицы и царевны закрывают лица дорогими плотными тканями. Костюмы царя и его семейства отличаются своей пышностью и рядом особенностей даже от одежды высшей знати и более всего напоминают одеяния высшего духовенства, подчеркивая сакральность, «священность».

Царь не осуществляет непосредственно функций военачальника...

Здесь, конечно, необходимы некоторые пояснения. Бытовой уклад первых Романовых интересно и подробно описан в трудах Ивана Егоровича Забелина «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц». Историк проанализировал большое количество всевозможных описей, росписей и списков. Таким образом, если характеры первых Романовых остаются для нас в некоторой степени загадочными, то бытовой их уклад мы достаточно хорошо можем себе представить и на этом основании можем пытаться строить какие-то предположения. Вот, например, занятая деталь: обучение царских детей не включало изучения иностранных языков, но уже при Михаиле Федоровиче царевичи и царевны играли «заграничными» игрушками; в частности, куклами, изготовленными в Нюрнберге...

Бытовой уклад первых Романовых с его ориентальными особенностями историки зачастую именуют «стародавним» и даже «исконно русским» укладом. Подобное мнение едва ли можно признать верным. Нетрудно заметить, изучая источники, что первоначальный уклад жизни частной и государственной в древнерусских княжествах сходен во многом с

обычаями скандинавов и угро-финнов. Женщины не отделены в общественной и частной жизни от мужчин, не закрывают лиц; князь активно осуществляет функции военачальника, полководца; в сущности, это и есть самая важная его функция. Соответственно осуществляется и воспитание: важнейшим событием в жизни мальчика являлся «постриг» – ритуальное бритье головы с оставлением прядки или косицы, после празднества в честь исполнения этого обряда маленький княжич мог быть даже поставлен отцом во главе дружины (так было с Ярославом Всеволодовичем, например, и с его сыном Андреем Ярославичем), при этом, конечно, к нему приставляли одного из опытных начальников дружинных...

Уже при Иване III бытовой уклад резко византизируется. Разумеется, это можно связать с его женитьбой на византийской царевне; но правильнее будет саму эту женитьбу поставить в связь с нарастающей византийской ориентацией московского князя. Начиная с Ивана III, русские правители все более осознают себя преемниками византийских императоров.

И, наконец, достаточно поздно, уже в царствование Ивана IV Грозного, создается на основании византийских поучений знаменитый «Домострой». Нетрудно понять, что изложенные в нем правила были для русского уклада внове. Рудименты старинного уклада сохранялись достаточно длительное время в самых различных областях России и в самых различных формах... Вспомним известное некрасовское: «...сажал меня на Бурушку и вывел из младенчества по пятому годку...» Здесь ритуальное сажание на лошадь, знаменующее как бы «посвящение во взрослые», обрядово осуществляется не над мальчиком, а над маленькой девочкой...

При Иване Грозном продолжается начатая его дедом интенсивная византизация бытового уклада царской семьи, развиваются элементы ритуальной пышности и восприятия царя и его близких в качестве сакральных особ...

Но именно при первых Романовых эта «византийственность» быта обретает как бы предельную степень. Воспитание маленьких царевичей уже совсем не напоминает воспитание княжичей Древней Руси. Дети Михаила Федоровича и Алексея Михайловича проводят свои дни в тесных душных покоях, окруженные на византийский манер шутами и «дураками», окруженные ритуализованными действиями многочисленной прислуги. Уже при Иване III меняется парадный, выходной костюм правителя. Если прежде только плащ да богатство кольчуги и прочего воинского снаряжения отличало князя от его дружинников, то теперь характерным становится длинное роскошное одеяние. Прежний князь – воин и военачальник, нынешний царь – священная особа, сам едва ли не священник...

Казалось бы, византийское имперское начало строго торжествует в личной жизни как первых Романовых, так и их предшественников. Но нет, приглядевшись повнимательнее, мы обнаруживаем, что даже опустив парчовый византийский «занавес», русские правители не оставляют попыток сближения с Европой и, прежде всего, бунтуют против введенного Софьей, супругой Ивана III, брака по смотринам, всячески пытаются возродить традицию династического брака.

Уже Иван IV выдает свою двоюродную племянницу Марью Владимировну за ливонского Магнуса и сам пытается породниться с Елизаветой Тюдор, сватается за ее родственницу. Борис Годунов ищет для своей дочери женихов в Скандинавии и на Кавказе. Женитьба Дмитрия I известна достаточно хорошо... Как же складывается семейная жизнь первых Романовых? Первоначально, судя по всему, еще до возвращения Филарета из Польши,

старица Марфа по смотринам выбрала сыну невестой Марью Хлопову, девицу из семейства, не принадлежавшего к «сливкам» русской аристократии. Девушка была взята во дворец и (по старинному византийскому обычаю) получила новое, «царское» имя Анастасия. Разумеется, выбор имени здесь симптоматичен, оно опять же должно напоминать о связи Романовых с династией Рюриковичей. Но породниться с одним из видных княжеских или боярских родов Романовы явно не решаются. И это понятно: ведь подобный брак приведет к подножию трона знатных родственников молодой царицы, и далее вполне закономерно и возможно полное отстранение Романовых от власти и престола...

Как относился к своей невесте сам молодой царь? Видались ли они? Вероятнее всего, не видались, а если и увиделись, то считанные разы и при большом числе родичей и приближенных. Но скорее всего, не видались вовсе. Здесь мы можем предположить что угодно. Например, возможно, оба, и юноша и девушка, были так воспитаны, что их и не занимало: понравятся ли они друг другу. Возможно, девушку занимало «возвышение» ее рода-клана, а юноша-царь просто готов был исполнить брачную повинность.

Эта брачная повинность во имя рождения законных наследников выступает, отчетливо очерчивается в семейном быту Романовых в качестве момента священного, сакрального. Устройство брачной постели и все, что связано с деторождением, обставляется целым рядом регламентированных религиозных обрядов: тут и особые молебствия, и особые обряды освятительные и очистительные. Значение иных из них трудно определить, смысл так и остается неясен. Например, упоминаемое Забелиным «сажание государыни на место» перед родами – что это означало? Царица при исполнении соответственной обрядности водворялась в покой, где и должны были проходить роды? Любопытно, что Мавра Шепелева в письме из Киля к цесаревне Елизавет Петровне о последнем времени беременности ее сестры Анны Петровны, супруги герцога Голштинского, пишет о том, что для будущей роженицы уже приготовлены особые комнаты. Было ли это инициативой русской принцессы?.. Уже со времени «Домостроя» функции царицы были четко очерчены: самым важным было деторождение. Однако это деторождение, рождение наследников, при всей его сакрализации, очень трогательно не отделяется в русских писаниях от собственно интимной жизни царской четы. Например, царская невеста может быть «прочна» или «непрочна» «к царской радости». А при описании последнего времени жизни Михаила Федоровича и его супруги отмечается грустно, что стало у них «не по-прежнему». От этих выражений веет какой-то прелестной наивной чистотой, именно чистотой, а не ханжеством.

Однако история первых браков Михаила Федоровича вовсе не такая уж наивная история о прелестной старине.

Итак, юная Хлопова под именем Анастасии водворилась во дворец. Разумеется, вместе с ней – весь ее «род-клан». Здесь же, у трона молодой династии, – ближние и дальние родичи Романовых, маячат и семейства, сами с охотой просватавшие бы своих дочерей в царицы. Естественным образом свивается клубок интриг.

С самым заключением брака покамест медлят: ждут возвращения Филарета. Однако возвращение это знаменовалось вовсе не венчанием, а ссылкой незадачливой невесты вместе со всеми ее родичами в далекий Тобольск. Сохранившиеся описания объясняют эту ссылку внезапной болезнью невесты. Однако еще до ссылки Хлоповых Филарет завязывает письменные сношения с датским королем Христианом. Речь идет о возможности брака Михаила с одной из племянниц Христиана. Наконец отсылаются в Данию в качестве послов князь Алексей Михайлович Львов и дьяк Шипов. При них была грамота-инструкция, в

которой, кроме всего прочего, указывалось на необходимость крещения невесты в православную веру по обряду греко-восточной церкви; а также рекомендовалось настоятельно спросить, какие «земли и казну» дал бы король за своей родственницей...

Симптоматично, что отец первого Романова ищет сыну невесту в Скандинавии, на родине Рюрика.

Однако Романовы, кажется, слишком рано начали играть в эти брачно-династические игры. Невежливый Христиан даже не допустил к себе послов «худородного» узурпатора. Любопытно, что после этой неудачи приказано перевести опальных Хлоповых из далекого Тобольска «поближе» – в Верхотурье. Однако своих попыток уладить династический брак Филарет не оставляет. Следующее посольство отправлено к шведскому королю Густаву-Адольфу с целью посватать принцессу Екатерину, сестру курфюрста бранденбургского, шурина Густава-Адольфа. Но и здесь – отказ; правда, под благовидным предлогом: принцесса не может переменить веру даже ради царской короны!

Можно предположить, что не одно лишь «худородство» было причиной брачных неудач Филарета, но и то, что русские послы, их одежда, их манеры, были слишком ориентальны, слишком отличались от принятого в Европе... Пройдет всего столетие, и уже при Петре, внуке Михаила, традиция династических браков будет полностью восстановлена, и немецкие княжеские дома едва ли не наперебой станут предлагать Петру своих принцесс для его сына Алексея...

А покамест Хлоповы переведены еще «ближе» к Москве, в Нижний Новгород, откуда их наконец-то вызывают вновь в Москву. Оказывается, Марья-Анастасия совсем здорова. Наряжается нечто вроде следствия, для того чтобы выяснить, чем же заболела царева невеста уж без малого семь лет тому назад. Что собой представляло это «следствие»? Было ли оно «наряжено» специально для того, чтобы «официальным порядком» вернуть Хлоповых во дворец? Можем осторожно предположить, что Филарет и Михаил стояли за возврат Хлоповых. Возможно даже, что Марья-Анастасия нравилась Михаилу и он уговаривал отца простить, что называется, Хлоповых. А впрочем, все это не более чем романтические домыслы. В реальности же очевидно, что Хлоповы в бытность свою при троне успели нажить себе достаточно сильных врагов; в частности, против них были Салтыковы – племянники старицы Марфы. Вероятно, отчасти вследствие интриги Салтыковых Хлоповы очутились в Тобольске. Надо заметить, что «на следствии» Хлоповы повели себя несколько самоуверенно. Почему? Неужели они имели доказательства того, что молодой царь пристрастен к их родственнице? Во всяком случае, Хлоповы смело обвиняют в давней болезни девушки именно Салтыковых. Сама невеста утверждает, что болезнь была наслана «врагами» («приключилась от супостат»); отец ее стоит на том, что именно Салтыковы дали его дочери «водки из аптеки», после чего она заболела. Один только Гаврила Хлопов, благоразумный дядя незадачливой невесты, выдвинул «нейтральную версию»: девушку, мол, просто перекормили сладостями...

Сначала действия Хлоповых вроде бы достигают желанной цели. Семейство Салтыковых сослано. Однако за них вступает старлица Марфа. В результате Хлоповы отосланы назад в Нижний Новгород, несчастная их родственница так и не вышла замуж: кто бы решился посвататься к той, что была нареченною царской невестой!

Молодому царю уже за двадцать. Вероятно, по инициативе Филарета, улаживается брак Михаила с Марьей Владимировной Долгоруковой. Но менее нежели через год юная супруга умирает. Была ли причина ее смерти естественной? Или же рискованное родство с

Долгоруковыми сразу сделалось опасным для Романовых, ведь Долгоруковы были Рюриковичи... Наверное, на подобные вопросы мы никогда не сможем ответить: слишком мало данных...

Во всяком случае, после смерти первой жены Михаил женится на дочери Лукьяна Стрешнева Евдокии. Род Стрешневых – дворянский, не боярский, не княжеский, незначительный, бедный род. «Царское родство» позволило Стрешневым несколько «поправиться», но «худое происхождение» их помнилось хорошо, и возможно было окорачивать их, не давая особенно заноситься.

От Евдокии Стрешневой Михаил имел большое число дочерей и троих сыновей. Дожили до совершенных лет три дочери и сын Алексей Михайлович. Дети рождались едва ли не каждый год. Причины повышенной смертности следует, вероятно, искать не в слабости здоровья царя или царицы, но в самих условиях питания и воспитания. Обильная, жирная и тяжелая пища, малоподвижный образ жизни – все это не способствовало здоровью. Царские дети были лишены того, что имели дети беднейшего крестьянина: царевичи и царевны почти не допускались на свежий воздух.

Любопытно, что потомство царской четы не так уж часто видело своих родителей. Каждому ребенку от рождения отводились отдельные покои – комнатки с низкими потолками и затянутыми слюдой оконцами. Слово «мама» означало начальницу над няньками и прислугой ребенка. Кормила ребенка непременно кормилица. Кормилица и «мама» приносили особую присягу, в которой обязывались беречь своего питомца. Кормилица и «мама» были должности почетные, дававшие семье возможность выдвинуться и приобрести некоторое материальное благополучие.

«Верх» – теремные покои, где обитали царицы и царевны, – представлял собой весьма пеструю картину. Среди приближенных женщин первых цариц династии Романовых было не так много знатных особ. Значительную роль в жизни теремов играли мастерицы – вышивальщицы, бельевицы – из царицыных «мастеровых» (или «мастерских») палат. Столь же значительную роль исполняют шутихи и «дурки», песенницы и сказочницы-бахарки. В функции царицы входили дела милосердия. От ее имени раздавали милостыню у церквей по праздникам, а также праздничную милостыню в тюрьмах. На имя царицы подавались просьбы – «челобитные», которые разбирали особо назначенные дьяки. Значительное время уходило на посещение церковных служб и поездки на богомолье по монастырям. Царица и дети при этом находились в закрытых, с завешанными оконцами экипажах. Замыкала подобный поезд специальная телега, куда складывались дары и челобитные.

Едва ли первая царица, Евдокия Лукьяновна Стрешнева (или, как тогда писалось: «Стрешневых»), была грамотна. Но сохранились сведения о том, что царевен грамоте учили. Например, Татьяна, младшая дочь Михаила Федоровича, овладела грамотой и прочитала Часослов («Часы») и Псалтирь. Ее обучали по распоряжению ее отца; в честь окончания обучения была сделана девочке новая одежда. Учиться, впрочем, было очень трудно; и грамотность не была распространена вследствие, во-первых, отсутствия рациональной методики обучения (каждая буква, например, имела непростое название – «аз, буки, веди, глаголь»; складывая слоги, надо было вслух произносить эти названия, что вовсе не облегчало процесс обучения); и во-вторых, церковь негативно относилась к попыткам писания «мирских» книг, запрет был наложен и на чтение Ветхого и Нового Завета, эти «священные книги» имели право читать лишь духовные лица. Иностранными языками царь не владел, но у нас нет оснований предполагать, что он знал латынь или греческий.

Таким образом, развлечения царского семейства были достаточно просты, а порою и грубы. Впрочем, не стоит полагать, будто обычай держать калек при дворе и в знатных домах для развлечения был именно русским обычаем. Вспомним хотя бы знаменитые портреты шутов и придворных калек – «труанов» – династии Габсбургов, исполненные гениальной кистью Веласкеса... Вот вам – и руки перед едой мыли, и с тарелок ели; и Сервантеса, Веласкеса, Кальдерона имели; однако развлекались зрелищем телесного уродства... Интересно, что сведений о карликах и калехах при древнерусских владетельных домах не имеется... Надо осветить еще одну важную сторону жизни первых Романовых: именно при них явилась «слежка» (Котошихин, о котором мы еще будем говорить, пишет о большом числе специальных следильщиков, соглядатаев и доносчиков). За кем же и зачем надобно было следить? Выслеживали словесные оскорбления, которые могли наноситься государям, и, что еще важнее, – возможные заговоры. Почему? Тоже вполне понятно: Романовы не чувствовали себя на троне прочно и, что называется, «законно». Их подозрительность вовсе не была патологической. И вправду, за каждой бабьей сплетней могли тянуться липучие нити заговоров. Рюриковичи и Гедиминовичи по-прежнему существовали, соблазн захватить престол и власть был велик; захват власти отнюдь не был нереален. Вовсе не случайно при первых Романовых неоднократно созываются земские соборы: знать и высшее духовенство необходимо ублажать, предоставлять им право в той или иной мере участвовать в делах государства. Разумеется, земские соборы созываются именно в критические моменты, когда возможность узурпации нарастает. Таким образом, атмосфера подозрительности, доносов и жизни в постоянной «грозе» не была результатом какой-то особенной жестокости и подозрительности Романовых, но закономерно следовала из их недостаточно упрочившегося положения. Тип жестокого и подозрительного государя характерен и закономерен для раннего абсолютизма (выше мы уже говорили о Генрихе VIII и Иване Грозном). «Самодержавная» власть Романовых оставалась еще очень непрочной, плюс ко всему о них все еще держалось мнение как о хуторных выскочках. В условиях клановости общества подобное мнение легко становилось «народным», что называется; то есть из палат Рюриковичей и Гедиминовичей спускалось к низшим членам кланов, к «обслуживающим» и «зависимым». Уже при Алексее Михайловиче эта «нормальная подозрительность» Романовых обрела официальную форму: был создан Приказ тайных дел. И, надо заметить, Романовы умели хранить свои «тайные дела», архив этого Приказа не сохранился. Кстати, таким же образом не сохранились или дошли в очень искаженном виде материалы процессов над участниками «Софьиной партии», материалы о таинственной княжне Таракановой и т. д. Таинственность окружает и скудные сведения о Земском соборе, решениями которого Романовы «были избраны». При такой таинственности, конечно, могли сыграть роковую роль свидетельства иностранцев; поэтому Романовская концепция с самого начала относилась к подобным свидетельствам боязливо и с подозрением. Это отношение по инерции сохраняется и по сей день; все еще не издано, не переведено на русский язык большое число зарубежных источников по русской истории, а те, которые переведены, изданы в сокращенном варианте. Но следует отметить, что в последнее время лед тронулся, можно сказать; и как было бы хорошо, если бы дело дошло, например, до издания своеобразной библиотеки иностранных источников...

Однако кое-какие судебные дела, ведшиеся при Михаиле Федоровиче, дошли до нас. Сопоставляя материалы этих дел еще с некоторыми событиями, о которых скажем ниже, мы можем предположить, что последние годы жизни первой царской четы Романовых прошли,

как сейчас бы определили, «в невротической атмосфере». Эти дела выглядят достаточно простыми на первый взгляд, но если приглядеться, то возможно увидеть много в них загадочного. Прежде всего, дела эти возбуждены против женщин, царицыных мастериц. При первом чтении возникает впечатление просто-напросто несправедливого преследования несчастных темных женщин. Но обратим внимание на некоторые обстоятельства. Эти женщины в силу своих обязанностей были допускаемы во дворец, в его «святая святых», в покои царицы и ее детей. Но «дворы» (жилища) этих женщин находились в городе. То есть подобная женщина, непременно имевшая мужа, детей, родичей, принадлежавшая к тому или иному «клану-роду», легко могла использоваться в качестве шпионки, доносчицы, непосредственной исполнительницы того или иного рокового для Романовых замысла; то есть именно такая «низовая служительница» могла, например, отравить...

Запись допросов может показаться (опять же, на первый взгляд) несколько бестолковой. Однако перечитав эту запись несколько раз, мы уже определяем две ее особенности. Первое: бросается в глаза явное упорство допрашиваемых. И второе: какие-то вопросы и какие-то ответы явно пропущены, не записаны (записаны тайнописью? Сохранялись особым образом и впоследствии были уничтожены?). Известно, что уже старший сын Алексея Михайловича, недолго царствовавший Федор Алексеевич, приказал провести ревизию всех имевшихся «архивных» (документальных, летописных) материалов. Именно благодаря подобным периодическим ревизиям, в истории Романовых слишком довольно всевозможных таинственностей и пропусков.

Однако читаем. Вот удалось вытянуть из обвиняемой признание: царицу Евдокию Стрешневых попрекали женщины в разговоре между собой недостаточной знатностью, «простым», «худым» происхождением; она-де до замужества «в желтиках», в дешевых сапожках ходила, «уж какая она царица, какая государыня!» И... скачок в допросе, будто что-то вдруг пропустили, позабыли, перестали «логически мыслить» и связно писать. Но нет, не будем упрекать романовских судейских в недостаточной логичности. Они, напротив, действуют очень даже логично. Вслед за признанием о нападках на царицу явно следовало признание о разговорах, третирующих самого царя.

В сущности, у первых Романовых две основные «страшные» тайны; и тайны эти вообще-то всем известны, вот они: «избрание» Романовых, которое на самом деле есть захват власти, и «худородство» Романовых; из этих двух «тайн» логически вытекает третья: непрочное положение Романовых на престоле. И, конечно, эти «страшные тайны» известны «по секрету всему свету» и в России и в Европе. И при малейших «смутах» и «шатаниях» начинают говорить об этих тайнах «во весь голос». Однако до нас доходят лишь смутные отголоски. Да, с точки зрения дальнейших судеб династии Романовы поступали правильно, не стремясь предать «гласности» всевозможные расследования и судебные дела в полном объеме. Этому принципу они останутся верны. И как не имеем мы «полного (более или менее) корпуса» материалов о допросах сторонников Разина, так и допросы по делам пугачевцев столь же смутные и путаные, изобилующие пропусками и умолчаниями (вспомним, с какими трудностями столкнулся Пушкин, когда писал свою Историю пугачевского бунта – главная трудность заключалась в недоступности материалов).

В «делах» царицыных мастериц выделяем три основных момента: первое – обвинения и взаимообвинения в «поносных» словах против царицы (фигура царя проясняется именно из фигур умолчания); второе – обвинения в попытках отравления царского семейства (и снова речь подчеркнута ведется лишь о царице и детях); и, наконец, третье – обвинения в

намерениях «испортить» царицу и ее детей, то есть причинить им зло, повредить посредством колдовства. Разумеется, дела возбуждены по доносам, а признания получены при обязательном применении пыток. Но никакого проявления «восточной дикости» в этом нет. Ведь и в Европе вовсю горят костры, и «ведьм» сжигают и пытаются. Казалось бы, и в Европе и в России эти преследования «колдунов и колдуний» – явления одного порядка, и, прежде всего, любопытна достаточно поздняя их интенсификация; уж «век просвещения» на пороге, а костры все горят и горят... Но мы все же оставим покамест попытки истолковать европейские ведовские процессы и обратимся к отечественным колдуньям. Здесь все оказывается не так сложно, потому что обвинение в колдовстве, в «порче», всегда соединено с обвинением в попытке отравления, и тут же рядом является обвинение в государственной измене. То есть российские ведовские процессы – это не какие-то загадочные в своей жестокости преследования невинных женщин, а самые обычные «политические дела». Интересно, что кончаются они в своем роде «гуманно» – как правило, ссылкой на дальний север. Костром – никогда! Впрочем, стоит заметить, что подобный «гуманизм» зависит от наличия в государстве «ссылных земель»: в России это север; англичане, французы и испанцы ссылают в Америку; причем, в Англии и Франции заселение колоний ссылными преступниками являлось стойкой практикой. А вот Испания свои заморские колонии начала терять, немецких же заморских колоний просто еще нет. Ну, и горят себе костры...

Несомненно, «колдун» или «колдунья» были в русском обществе личностями характерными и маргинальными. И, конечно, крайне подозрительными в делах об «измене». Такой человек мог приготовить яд. Будучи «по роду своей деятельности» постоянно посещаем самыми разными людьми, такой человек легко мог быть использован в качестве шпиона, участника заговора. На первый взгляд, перед нами пустые бабьи суеверия: такая-то мастерица носила в платочке завязанный «наговорный корешок» или «наговоренное мыльце». Первые признания: все это, мол, для того, чтобы муж крепче любил. Но далее выясняется, что и разговоры некие велись, и кто-то сыпал и подсыпал нечто... Число обвиненных в тех или иных действиях множится. Но действительно ли мы можем сказать, что несчастных суеверных женщин и их мужей мучат понапрасну? Случайно ли то, что возбуждению крупного «ведовского процесса» предшествовали страшные события в царской семье: умирает маленький царевич Иван, царевич Василий рождается больным и тоже вскоре умирает; сама царица тяжело болеет. Теперь у царя одни дочери и один лишь сын, то есть будущее династии под угрозой. И наконец, когда все будто бы завершилось, у царя с царицей стало «не по-прежнему». То есть что «не по-прежнему»? Имеет ли это «не по-прежнему» связь с глухими упоминаниями об опале, постигшей нескольких родственников царицы? Были они замешаны в заговоре?..

И все эти тягостные для царской семьи события происходят на фоне тянущейся уже не первый год, можно сказать, затянувшейся попытки устроить династический брак царевны Ирины Михайловны...

В одном из писем к сыну Петр I пишет о «завесе», опущенной между Европой и Россией, о том, как необходимо откинуть эту «завесу» и показать свои способности и силы, встать на равных с Европой. Пожалуй, в царствование отца Петра, Алексея Михайловича, эта «завеса» колеблется очень и очень сильно. Но действительно ведь есть, существует такое ощущение, будто именно в царствование Михаила Федоровича, после бурного периода, когда Россия и Европа трагически открылись друг другу, опускается некая подобная «завеса». В рамках Романовской концепции истории обычно поясняют, что, после неудавшейся и породившей

«смуту» попытки резкой «европеизации» России, пришедшие к власти Романовы решили вернуться к «прежней» консервативной, «по старинке» политике. Интересно только, чья же это «прежняя» политика? Мятущихся Ивана Грозного и Бориса Годунова? Но их никак не назовешь «стародавними консерваторами»... И, тем не менее, в царствование Михаила Федоровича явно опускается некая «завеса». Но позвольте, ведь даже патриарх Филарет, высшее духовное лицо, которому «положено» иметь «консервативные убеждения», и тот пытается эту самую «завесу» приподнять. Но «завеса» не поддается, не хотят уважать Романовых в Европе, не желают отдавать им своих дочерей, дурно принимают российских послов. Да, при первых Романовых Россия изолирована от Европы, кажется, как никогда прежде. И что же скрывается за этой таинственной «завесой»? Разумеется, очередная «страшная тайна» Романовых, известная всему свету. Нет, это не они опустили «завесу», это Европа опустила «завесу» перед ними, худородными захватчиками престола и власти. Впрочем, аналогичной «европейской опале» подвергся после появления Дмитрия I, «брата Федора Иоанновича», Борис Годунов. Но дело не только в «династической молодости» первых Романовых. Из числа их непосредственных предшественников выделяется Дмитрий I, так мало правивший, но оставивший по себе, оказывается, целый «шлейф» памяти весьма благожелательной. Мы уже говорили о том, что в рамках Романовской концепции доминирует негативная оценка Дмитрия I. Конечно, у него имелись сторонники и в России, сведения об этом до нас дошли. И, конечно, любопытна интерпретация этих сведений историками. Например: в «коллективном сознании крестьянских казачьих и посадских масс» Дмитрий I превратился в «социально утопическую легенду» (Чистяков. «Русские народные социально-утопические легенды»). Ну очень уж мудрено!..

Однако же еще интереснее, что думали о Дмитрии в Европе. Оказывается... Уже на российском престоле Алексей Михайлович (1650 год), а в Испании издается драма трех авторов – Луиса де Бельмонте, Агустина Морето, Антонио Мартинеса – «Преследуемый государь – несчастливый Хуан Базилио»; более того, она пользуется и сценической популярностью вплоть до начала XIX века. Анонимная драма «Счастье и несчастье в руках судьбы и друзей, или Русский двойник» относится к концу XVII века. И, наконец, драма Лопе де Вега «Великий князь Московский» издается в 1617 году! Кстати, в основе известного шедевра Кальдерона «Жизнь есть сон» – также судьба Дмитрия, соединенная, впрочем, с памятью о «первом русском Гамлете» Андрее Ярославиче, брате Александра Невского.

Ну, и что нам эти испанские примеры? А эти примеры нам то, что отражают мнение католической Европы. Вот, кстати, где, в определенной степени, коренятся симпатии Романовых к протестантизму, куда более лояльному по отношению к ним...

Исследованиями испанской «Россики» мы обязаны Менендесу Пелайо, М. П. Алексееву и Н. И. Балашову. Конечно, принципы этнографии еще чужды литературе, но, например, о трагедии в Александровой слободе, когда Грозным была избита невестка и смертельно ранен сын, Лопе де Вега осведомлен. Осведомлен о русских событиях и Энрике Суарес де Мендоса, автор «Московской повести» – 1629 год! Все приходится на первых Романовых... Впрочем, этим испанцам было на что опираться: книга Поссевино о Дмитрии переведена на испанский язык уже в 1606 году. Антонио Поссевино был очевидцем описываемых им событий.

Скажем и о том, что испанские писатели рисуют Дмитрия не только царем «по праву», но и своеобразным «народным царем», прошедшим жизненную школу нищеты и

преследований, не стыдящимся занятий ремеслом и готовым проводить в системе правления преобразования, облегчающие жизнь беднейших слоев населения. Не будем сейчас рассуждать о том, насколько подобный идеализм соответствовал реальной личности Дмитрия. Но, конечно, показываться в Европе, имея такого «соперника», как мнение о Дмитрие, было Романовым нелегко.

Романовская концепция потратила немало сил на доказательства «незаконности» Дмитрия I и его супруги в качестве претендентов на престол. Однако известно было, что и Дмитрий и Мария Мнишек были коронованы, «помазаны на царство»; отменить это «помазание» невозможно было. Таким образом, «избрание» и коронация Михаила Романова уже представлялись противозаконным актом, о чем и писалось и толковалось. В конце концов, Романовская концепция сделала ставку на «национальную доктрину», обвиняя Дмитрия в том, что он привел в Россию «иноземных захватчиков». Конечно, ни о каких испанских, итальянских, а тем более польских писаниях о Дмитрие «не положено было знать» в России. Кажется, однако, что тайное обычно все же становится если не явным, то почти явным. В 1911 году на сцене «Старинного театра» (недолго просуществовавшей театральной антрепризы Николая Евреинова) был поставлен пролог к пьесе Лопе де Вега «Великий князь Московский». По поводу этой постановки критик Эдуард Старк писал: «Опять приходится удивляться тому, до чего мы «ленивы и нелюбопытны»: собирали все материалы, касающиеся темного дела о Самозванце, а комедию Лопе так и не удосужились перевести...» Наивность утверждения о «всех материалах» куда как трогательна. Постановка подобного Пролога к подобной пьесе должна была прозвучать для Романовых как *memento mori*; Романовы доживали на русском троне последние годы. Но их «концепция» пережила их самих. И с тех пор ни один театр в России не рисковал ставить крамольную испанскую пьесу...

И вот, на таком «фоне», Михаил Федорович в начале сороковых годов делает попытку вновь поколебать «завесу», восстановить традицию династических браков, влекущих за собой возможность взаимовыгодных военных и дипломатических союзов. Но прежде чем приступить к изложению этой истории, давайте скажем о необходимости издания Свода комментированных отечественных и зарубежных сведений о Дмитрие I. Ведь именно отсутствие подобного издания оставляет нам всего лишь два «крайних» варианта, две противоречивые версии: «ставленника иноземных оккупантов» и «народного справедливого царя»; едва ли подобные полярные версии могут привести нас к более или менее объективному взгляду... И вот, после этого глубокомысленного заключения обратимся к очередной попытке первых Романовых поколебать «завесу».

На этот раз речь шла о возможности брака Ирины Михайловны, старшей, первородной царской дочери. Снова взгляды романовские обращаются на Датское королевство. Запросы Михаила куда скромнее запросов его отца Филарета. Возможно, царь отдает себе отчет в непрочности положения Романовых на русском троне. 1640 год, и шести лет не миновало от окончания войны с Владиславом польским, то есть еще совсем недавно Владислав претендовал на московский престол. Теперь Михаил согласен иметь своим зятем незаконного, побочного сына датского короля Христиана IV. Это двадцатилетний юноша, носящий титул графа Шлезвиг-Голштинского. Пройдет менее ста лет и Россия с голштинцами породнится, и Голштинский герцог станет основателем последней правящей ветви династии Романовых. А покамест русские послы отправляются в Данию, затем датское посольство является на Москву, причем главным послом датский король определяет

графа Вольдемара. После отъезда датского посольства снова посылаются в Данию посольство русское. На этот раз ведутся переговоры непосредственно о возможности брака. Датский король требует для своего побочного сына «честь», как для «законного» принца; послам задан вопрос, какие русские города будут переданы Вольдемару во владение. Естественно, послы дают уклончивые ответы. Наконец удается уговорить графа Вольдемара отправиться в Россию. В сущности, вступив в брак с иноземной принцессой, он скорее улучшал свое положение. При его статусе «побочного» сына законная дочь российского царя – пусть едва начавшаяся, пусть сомнительных прав и «худородная» династия – являлась завидной партией. Тревожиться мог, скорее, его отец-король. Ведь этот самый статус «незаконного сына» как бы определял отсутствие четких обязательств по отношению к королю и «законным» братьям-принцам. В будущем могли быть самые разные варианты поведения Вольдемара (вспомним поведение герцога Монмута, побочного сына Карла II английского). Тем более что никакой договоренности о военном, дипломатическом или торговом союзе у Дании и России пока не складывалось.

Вольдемар прибыл в Россию уже как бы в качестве жениха царевны в 1644 году (а сватовство началось в 1640). По пути в Москву он побывал в Вильне у Владислава польского. Сохранились польские свидетельства о том, что молодой датский граф хорошо владел французским и итальянским языками. С московскими послами было предварительно уговорено, что Вольдемара не будут принуждать к переходу в православие.

Однако в Москве разговор прежде всего зашел о вере. Вольдемар упорствовал, его всячески принуждали. Между прочим, он напомнил о браке Марьи Владимировны с королем ливонским Магнусом, совершенном по инициативе Ивана Грозного. Графу отвечали, что если бы Иван Грозный любил свою племянницу, он бы не отдал ее за человека «иной веры». Вольдемар мог бы еще углубиться в историю и припомнить знаменитые браки дочерей Ярослава Мудрого, но, возможно, он об этих брачных союзах с Францией, Скандинавией и Польшей даже и не знал. Интересно, что, как и в случае с Ксенией Годуновой, речь не шла о том, чтобы отпустить царевну «на чужую сторону», но о поселении графа в России, на что он был согласен. Однако на «перемену веры» не соглашался и потребовал отпустить его из России. Михаил Федорович не отпускал Вольдемара; фактически тот находился как бы «под домашним арестом» и даже предпринял несколько попыток бежать с помощью местных жителей. Попытки эти были пресечены, но можно себе представить, каких «нервов» это стоило царю. Ведь за каждой подобной попыткой вполне могла тянуться все та же роковая нить заговора. Обвиненных и заподозренных, конечно, допрашивали и пытали.

Все это не столь уж простая история. Да к тому же она ведь разворачивается (вспомним!) в последний свой период одновременно с большим «процессом мастериц» и трагическими событиями в царской семье. Вообще эта попытка династического брака вовсе не являлась «внутренней» семейной трагикомедией. Сохранившиеся документы говорят о наказании входивших в состав посольства в Данию окольных Степана Проестева и дьяка Григория Патрикеева. Затем отправлен в ссылку князь Семен Шаховской. Проходит два года после отъезда Вольдемара из Москвы на родину, но и в 1647 году обвинения по «делу» Вольдемара все продолжают. Выслан дядя нового царя Алексея Михайловича, Семен Лукьянович Стрешнев. Сразу же после восшествия на престол Алексея Михайловича обвинен и выслан князь Иван Никитич Хованский.

Новый царь еще очень молод, он лишился отца и почти через месяц потерял мать. О

шатком положении Романовых на престоле мы уже говорили довольно, однако придется напомнить еще раз, потому что иначе трудно понять «дело Хованского» и действия молодого царя. Едва вступив на престол, Алексей Михайлович, конечно, озабочен скорейшей высылкой датчанина. Теперь Вольдемару не только не препятствуют, – напротив, его торопят. Почему? Конечно же, юный царь и его «партия» опасаются новой «смуты». Боятся, что датский граф заявит себя очередным претендентом на российский престол. Они в этом не находят ничего невероятного. Да и мы не найдем, учитывая все события, предшествовавшие (и сопровождавшие) «избрание» Романовых. Согласие на крещение православное и брак Вольдемара с Ириной вовсе не угодны ее юному брату-царю. Ведь став супругом царевны, Вольдемар вполне может заявить права на престол. И Алексей Михайлович, и ближний его советник боярин Морозов, конечно, не сомневаются в том, что в России найдутся желающие поддерживать нового претендента «со стороны»; ведь уже поддерживали и Владислава, и Марину Мнишек. Положение нового царя нелегкое. Возьмем хотя бы тот факт, что в государстве никак не удается собрать налоги. Говорит ли это о непомерной тяжести налогообложения? Да нет, это говорит, прежде всего, о том, что население не так уж считается с властью, опять же, не полагает эту власть столь уж законной и имеющей права. Приходится, что называется, выкручиваться; вместо прямых налогов вводить косвенный – на соль; заявлять публично, что налоги будут снижены; публично казнить налоговых чиновников. Наконец, приходится вновь идти на компромисс со знатью, с «кланами-родами». В 1649 году принимается Соборное уложение. Интересно, что именно к созыву этого Земского собора князь Хованский из ссылки освобожден. Уж этот-то Земский собор трудно заподозрить в излишнем «демократизме» и «парламентаризме». Принятые им решения известны. Уложение окончательно закрепостило не только крестьян, но и часть посадских людей, отменило срок давности для поимки, сыска и возврата владельцам беглых крестьян, расширило права владельцев «живой силы», то есть крепостных. Все эти меры, конечно, позволили Алексею Михайловичу сохранить престол.

Но при вступлении своем на престол он должен был, конечно, испытывать чувство паническое. Он боялся, конечно, возможного согласия Вольдемара на православное крещение и последующего брака Вольдемара с Ириной. Но что уж там! Побочный сын датского короля мог объявить себя претендентом на российский престол и не утруждаясь покамест ни браком, ни крещением, пользуясь одним лишь именем «жениха царевны». Невозможно? Оказалось возможно даже через сто лет, когда Алексей Долгоруков объявил свою дочь Екатерину претенденткой на трон лишь на том основании, что она была «нареченной» (то есть официально объявленной) невестой юного Петра II, умершего от оспы.

А что думал сам Вольдемар? Чего он хотел и на что надеялся? Почему он так упорно отказывался от православного крещения? Ясно, почему Михаил Федорович так упорно это самое крещение ему навязывал: церковь была силой в Российском государстве; будучи богатыми землевладельцами, церковники представляли собой некое «государство в государстве» и, обособляясь от своих родов-кланов, образовывали новые кланы – чисто церковные. Совсем не случайно Алексей Михайлович на Земском соборе 1649 года заручился поддержкой именно «мирской», «светской» знати и ограничил в ее пользу церковное землевладение. «Светская знать» была для него еще все-таки «меньшим злом» в сравнении с сильною церковью...

Но хорошо, ясно, почему царь принуждал датчанина. То есть это вовсе не был вопрос «принципа». Могли ли церковники допустить, чтобы в России появился крупный землевладелец-иноверец, то есть совершенно им неподчиненный? Хорош был бы прецедент! Конечно, уже при Алексее Михайловиче и, особенно, при Петре, острота вопроса с этой самой переменной вероисповедания как-то пропадает; оно и понятно: «немножко обедневшая» церковь уже и прав таких не заявляет. И на русской службе появляются лютеране, которым жалуют земельные владения.

Теперь второй важный вопрос: почему Вольдемар так упорно отказывался принять православие? Что за «идеологический каприз» такой? И в какой связи с этим упорством стоит заезд Вольдемара в Вильну к Владиславу польскому на пути в Москву? И в какой связи тут «дело» Андрея Басистого, который сознался (конечно, после порядочных пыток) в том, что должен был служить Вольдемару проводником в его бегстве из Москвы; и бегство это полагалось осуществить, конечно, через польские владения... А поспешное принятие православия не лишило бы Вольдемара европейской, польской, в частности, помощи, если бы он... Если бы он – что? Объявил бы себя очередным претендентом на российский престол?!

Теперь в этом контексте посмотрим на приговор князю Хованскому. Конечно же, это был характерный политический процесс того времени. Князь и его тетка обвиняются в сношениях с «ведунами и ведуньями»; также в том, что якобы стремились к удержанию Вольдемара «на Москве»; и, наконец, князь Хованский обвиняется в отказе целовать крест, то есть присягать молодому царю Алексею Михайловичу. Прочитируем кое-что из этого характерного приговора. «Да ты же, князь Иван, с теткою своею со княгинею Марьею Хованскою ходили за большим дурном (то есть чтобы творить зло. – Ф. Г.), за ведунами и за ведуньями у тебя во дворе многие мужики и женки, которые делали ведовство...» Далее князю ставится в вину, что он всячески внушал царю Михаилу Федоровичу и царице не отпускать Вольдемара, уповая на согласие креститься в православие. Далее думный дьяк Григорий Львов и окольный Григорий Пушкин слышали, как Хованский заявил, что ежели кто посмеет содействовать отъезду Вольдемара, то «чтоб оглянулся назад, не горит ли посад». Серьезная угроза, показывающая князя влиятельным человеком (как же, Гедиминович!). И далее: «Да тебя ж, князя Ивана, привели к крестному целованью сильно (то есть насильно. – Ф. Г.), как целовали крест великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси самодержцу и в том во всем твое воровство и измена явилась...» Далее говорится, что за подобные деяния следует наказывать смертью, но царь милостиво заменяет смертную казнь ссылкой...

Последнее обвинение – в нежелании присягать – конечно, очень важно, однако стоит в непосредственной связи и с предыдущими обвинениями. Что было «на самом деле», какие планы строил Хованский, этого мы, вероятно, не узнаем никогда. Связаны были его планы только с Вольдемаром, или же и с самим собою; и этого мы, конечно же, не узнаем. В ссылке Хованский оставался недолго. Слова в приговоре о том, что за подобные деяния следует казнить, показывают, какое значение придавал молодой царь поведению Хованского. Но казнить такое лицо молодой Романов, конечно, не мог решиться. На казнь человека столь знатного отважился бы разве что Рюрикovich Иван Грозный. Но ничего, пройдет чуть более ста лет, – и Романовы окрепнут настолько, что будут казнить всех, «кого понадобится».

Интересна дальнейшая судьба семейства Хованских. Судьба эта наводит на мысль о том,

что Алексей Михайлович имел основания опасаться их. Уже при Софье Алексеевне двое Хованских, отец и сын, будут обвинены в заговоре против Романовых и казнены. Но интересно, что казнь эта не была публичная, а, напротив, поспешная, скоропалительная; «вершил» Хованских не «палач-профессионал», а простой стрелец. Хованских захватили врасплох, поспешно прочитали им приговор и тотчас казнили, даже и не «на лобном месте». К чему была такая поспешность? Почему Софья не афишировала казнь Хованских? Или и она опасалась казнить публично Гедиминовича? А ведь Хованские ни много ни мало претендовали на престол. И, что хуже всего, имели основания для подобных претензий, были очень родовиты. Конечно, публичная казнь «таких людей» вызвала бы совершенно ненужные Софье толки... Произошло это уже в 1682 году...

Итак, мы видим, что царствование Михаила Федоровича завершилось неблагополучно. И неблагополучно началось правление его сына, Алексея Михайловича. Положение Романовых будто и укреплялось, и в то же время оставалось в достаточной степени шатким, непрочным...

Историк и романист Карнович-Валуа заметил в отношении Алексея Михайловича одну занятную деталь. В свое титульное прозвание второй Романов ввел латинское «clementissimus», переводившееся на русский язык как «тишайший» (хотя правильно – «благостнейший», «милостивый», «осененный благодатью»). Это титульное нововведение позднейшие историки и романисты восприняли в качестве характеристического свойства царя. И теперь им всем приходилось (и до сих пор приходится) худо-бедно объяснять, почему же этот «тихий человек» вел столь бурную жизнь.

И действительно, если нам еще трудно судить о характерах Михаила Федоровича, Евдокии Стрешневых и их дочерей Ирины, Татьяны и Анны, то о личности их сына Алексея и его второй жены Натальи Нарышкиных мы уже можем составить определенное мнение. Царствование Алексея Михайловича началось «непорядками». Мы можем предположить, что «порядка» не было и в его семье, которая теперь состояла из него самого и трех его сестер, Ирина была старше его, остальные две – моложе. Никогда, никогда мы не узнаем, как отнеслась Ирина Михайловна к высылке незадачливого своего жениха из России. Видалась ли она с ним? Суровость теремной жизни не следует преувеличивать. Мы уже поняли, что множество женщин имело доступ в женские дворцовые покои, и, конечно, почти все государственные и городские новости хотя бы в форме сплетен доходили до царевен. Вероятно, не столь уж затруднительно было даже завести любовную интригу. Во всяком случае, подобные толки о дочерях Алексея Михайловича и о его второй жене уже дошли до нас в письменной, что называется, форме. Но в отношении Ирины Михайловны все это не более чем романические догадки. Фактически мы ничего не знаем о сестрах Алексея Михайловича, кроме того, что они так и прожили всю свою жизнь незамужними. Разумеется, никакого законодательного акта, который запрещал бы царевнам замужество, не существовало. Более того, тот же боярин Морозов, воспитатель, а затем доверенное лицо молодого царя, прочил за себя царевну Анну Михайловну. Брак этот, конечно же, не мог состояться. И уже скучно объяснять, почему Алексей Михайлович не мог быть заинтересован в подобном увеличении своего семейства. Кем бы стали дети его сестры? Только соперниками его детей.

Столь же скучно и уже привычно для нас начиналась семейная жизнь молодого царя. Примерно спустя два года после его воцарения состоялись смотрины и в невесты была выбрана дочь дворянина Всеволжского. Далее все шло, как по плану: невеста

скоропостижно упала в обморок, или впала в некий припадок, который был трактован как падающая болезнь. О женитьбе царя на больной девушке не могло быть и речи. Все семейство Всевожских скоропалительно ссылается в тот же Тобольск, куда прежде ссылались Хлоповы. Чья это была интрига? Кому это было выгодно? Вероятнее всего, Морозову. Он тотчас подставляет на освободившееся место свою ставленницу, дочь дворянина Милославского. У Морозова была своя «партия», и чем-то Всевожские не угодили ему. (Вспомним конфликт Хлоповых и Салтыковых.) И, конечно, интересна царская грамота в Кириллов-Белозерский монастырь с наказом содержать «под крепким началом и с великим бережением» некоего Мишку Иванова, крепостного боярина Романова (двоюродного брата царя). В чем обвинялся Мишка? Ну конечно же, в пресловутом ведовстве и в говорении каких-то нехороших слов; и все это по делу Всевожских.

Царь вскоре женится на Марье Ильичне Милославских. Покамест Романовы принуждены довольствоваться незнатными и небогатыми дворянками. Выше ушей не прыгнешь. Вскоре и Морозов женится на сестре новой царицы, Анне. Здесь необходимо сделать одно пояснение. Живший в Москве швед Фербер пишет о намерении Морозова жениться на Анне Михайловне, сестре царя. Но не путает ли он просто-напросто двух Анн – царевну Романову и Анну Милославских? Если когда-нибудь найдутся новые письменные свидетельства, будет ответ и на этот вопрос.

О первой жене царя известно опять-таки очень мало. Царская чета имела множество детей, из которых одни скоро умерли, другие остались живы. Но об этих детях мы поговорим немного позднее. А пока остановимся на характере «тишайшего».

Царствование Алексея Михайловича началось, как мы уже говорили, беспорядками, и продолжалось столь же бурно. В конце сороковых годов выступления против власти охватили многие города России. В контексте истории династии Романовых особенно интересны восстания 1650 года в Новгороде и Пскове. По сохранившимся сведениям можно сделать вывод о том, что прежние боярские республики русского севера вновь ратовали едва ли не за восстановление своих прав. Псковичи, кроме того, угрожали непосредственно жизни царя... Почти двадцать лет (с 1569 года) царь ведет войны за овладение прежним древнерусским югом. Алексей Михайлович проявляет себя незаурядным политиком. Помимо применения воинской силы приходится дипломатически лавировать между Польшей, Литвой и своеобразным «военным государством» – Запорожской Сечью. В конце концов, заручившись поддержкой предводителей Запорожской Сечи, Россия приобретает часть южных земель.

Это расширение территории Российского государства мы привыкли именовать «вхождением Украины в состав России». «Россия», Российское государство естественно уже являлось четкой географической данностью, реальностью. Понятие же «Украина» совершенно неясно. Государственного образования с подобным наименованием просто не было. Позднее в России будут именовать часть населения южных и юго-восточных земель этих «малороссами» и «белорусами».

Судьба Запорожской Сечи любопытна. Трудно было предположить, что Россия станет терпеть это «военное государство в государстве». Вскоре начавшиеся конфликты переросли уже при Петре I в настоящую войну. Однако окончательно расформирована Запорожская Сечь была уже при Екатерине II. Она же, как мы знаем, ввела на малороссийских территориях крепостное право. Интересно активное участие Швеции в конфликтном узле: «Россия – Малороссия – Польша – Литва».

Конечно, сегодня вопрос о так называемом «вхождении Украины в состав России» – это, прежде всего, вопрос концептуальный. Например, совершенно ясно, что в концепции именно истории СССР это расширение территории Российского государства во второй половине XVII века должно было интерпретироваться как «вхождение» некоей мифической на тот период «Украины». На сегодняшний день, когда Украинское государство – географическая реальность, несомненно произойдет в трудах современных украинских историков «переоценка ценностей»; например, личность Богдана Хмельницкого будет оцениваться негативно, Мазепа же станет «национальным героем». Но, пожалуй, главное, что может произойти (да, собственно, уже происходит), – это трактовка действий Российского государства как «захватнических», причем захватнических по отношению к мифической «Украине». Совершенно ясно, что трактовать сложный, включающий в себя военные и дипломатические действия, процесс оформления, формирования территории Российского государства как «помощь украинскому народу в борьбе с польскими захватчиками» или же «захват Россией украинских территорий» нельзя.

О каких, собственно, территориях шла речь? Прежде всего, территории, в сущности, спорные, то есть на них в равной степени могли претендовать Россия, Польша, Запорожская Сечь. Россия оказалась сильнее в военном отношении и проявила дипломатическую сноровку. Но она же не виновата в том, что Польша проявила подобные качества в меньшей степени!

И, наконец, аспект сугубо ретроспективный: именно на этих спорных территориях княжили правители династии Рюриковичей и, вероятно, наличествовал некий единый древнерусский этнос. Политика активного сотрудничества Александра Невского с Ордой положила начало распаду этого этноса. Последней попыткой сохранить единство Рюриковичей и их «народа» явился союз князя Галичины и Волыни Даниила Романовича с Андреем Ярославичем, младшим братом и политическим антагонистом Александра Невского. Но этот «союз равных» был порушен Александром с помощью ордынских войск. Единая древнерусская народность распалась. И даже в составе Российского государства так называемые «малороссы» и «белорусы» продолжают развиваться этнически самостоятельно, углубляются культурные и языковые различия. Начало этому процессу было положено католической ориентацией Даниила Галицко-Волынского. И даже в составе России «малороссы» и «белорусы» оставались прилежащими, скорее, к славянскому «западу», нежели к русскому «востоку».

Но как же все-таки интерпретировать эти сложнейшие и трагические процессы? Вероятно, прежде всего следует свести к минимуму понятие «оценки» и, по возможности, не пользоваться оценочными примитивизирующими терминами наподобие: «освобождение» или «захватническая политика»...

Итак, несомненны военные успехи России при Алексее Михайловиче. За счет чего они достигались, какова была российская армия? К сожалению, мы привыкли мыслить стереотипами оценочными, такими, например: «они победили, потому что были храбры», или: «они победили, потому что сражались за родину», или еще: «они победили, потому что весь народ поднялся на борьбу...» Подобные формулировки не только ничего не объясняют, но даже словно бы исключают напрочь применение таких понятий, как «тактика», «стратегия», «устройство армии». Итак, начнем с простого вопроса. Какой армией располагал Алексей Михайлович? Еще той, созданной в начале второй половины XVI столетия Иваном Грозным, – стрелецким войском. Это была армия кантонистская, то есть

она основывалась на институте военного поселения; стрельцы селились слободами, компактно, занимались помимо военной службы ремеслом и торговлей; «профессия» стрельца уже переходила «по наследству» от отца к сыну. Для поступления в стрельцы «стороннему лицу» требовалось нечто вроде рекомендации; поручительство заслуженного стрельца и согласие стрелецкого полка.

В конце XVII века уже не было возможности вести европейские войны, применяя армию такого рода. Более того, «кантилистский принцип» превращал стрельцов опять же в некое «военное государство в государстве». Именно в этом качестве стрельцы и выступали уже при детях Алексея Михайловича, оказывая поддержку тому или иному претенденту на престол. Такое устройство армии уже не только не помогало вести внешние войны «на европейском уровне», но и было опасно для правителя. Помещики на военной службе получали «командные должности» в зависимости от степени знатности своего рода. Между тем в Западной Европе уже активно применяется более рациональное устройство армии, основанное на нивелирующем сословные различия наборе-призыве, законодательно-принудительном; или же на применении «контрактной системы» – «оплачиваемая военная служба». В основу военной реформы уже при Петре и была положена система принудительного набора, кантилистский принцип оставлен был лишь для казачьих окраин (впоследствии «призыв» на регулярную военную службу был введен и для казаков). В результате нивелировка сословных различий начала происходить (уже при Анне Иоанновне мы ее можем заметить), в армии появились «выслужившиеся» и «дослужившиеся до». При Петре появляется солдат – бывший крепостной, он из крепостной зависимости переходит в зависимость армейскую, срок его службы фактически не укладывается в рамки реальной протяженности человеческой жизни, он в армии – навсегда. Человек, «взятый» в армию, в полной мере лишался гражданских прав. В дальнейшем армия очень мало реформируется. Уже в условиях СССР сокращались сроки службы, но при этом все более ужесточались условия «набора-призыва». Понятия же гражданских прав солдата, возможности альтернативной службы еще и по сей день просто-напросто не воспринимаются психологически. Любопытно, что фактически первым в Европе внедрить нечто вроде регулярной армии, в которой основной силой является пехота, попытался уже Александр Невский, положив в основу ордынскую модель «народа-войска». С этой целью он проводит «число» (перепись населения) и осуществляет набор на русских территориях в ордынскую армию. Вероятно, ничто не пропадает: именно модель «народ-войско», «народ-армия» легла в основу окончательного устройства советского государства...

Но вернемся к внешнеполитическим успехам Алексея Михайловича. Если его армия уже не годилась для ведения войны в Западной Европе, то на «востоке», против военной силы, устроенной аналогично, русская армия вполне могла действовать победоносно. Внешнеполитические успехи России на Востоке несомненны. Симптоматичен, например, переход на русскую службу картлийского («грузининского») царевича. Продолжается колонизация Севера (Сибири).

О Сибири следует сказать чуть подробнее. Уже при Иване Грозном Сибирь, населенная чрезвычайно отсталыми в культурном и социальном отношении, «неоформленными» народностями, становится ареной борьбы. Там создаются кантилистские (казачьи) поселения русскими мигрантами, которых теснят на север социальные процессы. Начинается борьба между Китаем и Россией за «огосударствление» этих обширных северных территорий. При Алексее Михайловиче Российское государство прибирает к

рукам значительное число земель. Впрочем, не дремлет и Китай: приобретает «спорный» Амурский край. Обширные северные территории так и не были освоены в полной мере ни Китаем, ни Россией и служили местом ссылки в обоих государствах.

Любопытно, что Романовская концепция пользовалась в отношении северных земель целым «букетом» определений: «завоевание», «освоение», «присоединение» и, наконец, в последнее время наиболее нейтральным и точным термином – «колонизация». Достаточно ясно, что казаки не так просто подчинились этому «огосударствлению» севера; оно и понятно: люди двигались на север в поисках свободы, освобождения от государства, а оно протянуло свои нежные ежовые лапы и сказало: «А вот и я!» Однако Романовская концепция не намеревается показывать нам процесс колонизации Севера во всей противоречивости и трагической сложности. Так, например, замалчиваются многочисленные свидетельства военных столкновений мигрантов-казаков с «московскими ратными людьми». Именно Китай, с одной стороны, и казачьи кантонистские поселения – с другой, являлись основными противниками «Москвы». Миграция населения на северные земли усиливается в «смутное время» и при первых Романовых (нестабильность в государстве, шаткость династического положения Романовых). Однако Романовская концепция склонна изображать казаков-мигрантов в виде таких «разведчиков боем», добровольно прокладывающих путь государственным чиновникам; при чтении исторических сочинений может возникнуть впечатление, будто мигранты «специально для государства» завоевывают эти земли и даже чуть ли не посланы «официально» этим самым государством...

Итак, при Алексее Михайловиче определяется «восточное направление» расширения Российского государства. В этом направлении Россия движется естественно; на этом пути она встречает противников, которых возможно реально победить, противника более «отсталого», более «архаически» организованного в социальном, военном, культурном отношении (рудименты феодальной раздробленности, родо-племенной уклад). Польша, территории, населенные малороссами и белорусами, Крым, Кавказ, далее Азия, северные земли... Но даже в этом «восточном» направлении нельзя расширяться, не заручившись военными и дипломатическими контактами в Западной Европе. Фактически история уже поставила для России «ребром» жесткое условие, которое на день сегодняшний актуально для государственных образований всего мира: государство не может существовать, не будучи «европейски устроенным», не заключая в себе хотя бы некоторые важные элементы этого самого «европейского устройства». Так уж складывается историческая реальность, что именно развитие европейского устройства приводит к наиболее гуманному в отношении личности устройству государственному, и – более того – просто-напросто формирует личность как таковую, способствует вычленению личности из «рода», «клана», «общины», «семьи». Всякое уклонение от «личностного устройства» приводит к достаточно тягостным последствиям. В сущности, вопрос и сегодня поставлен остро: «примат личности и ее свободного выбора» или же «род», «племя», «народ», «нация», «религиозная, конфессиональная общность»... Для того чтобы стать «личностью», необходимо стать «европейцем», необходимо начать развиваться «по-европейски»; все варианты «самобытного развития» оборачиваются всего лишь «задержкой развития» как такового, попытками консервации «антиличностных» укладов... И в России это осознали раньше, чем в Китае, Японии, на Балканах... Личность, избирающая свой путь, или перемальвающие тебя в «массу», не сообразуясь с твоим согласием или несогласием, «род», «народ», «нация»,

«религиозная общность»?..

Однако возвратимся к «тихому царствованию» Алексея Михайловича. Успехи во внешней политике не стимулировали внутригосударственную стабильность. Попытка государства ввести в обращение монеты, не изготовленные из ценных металлов, «медные деньги», вызывает рост цен и активные выступления, известные как «медный бунт» (1662–1663). То есть государство вело активную военную «внешнюю» деятельность, не имея достаточных внутренних ресурсов. По-прежнему продолжается миграция на Дон, практически неподконтрольный государственной власти. Эту миграцию Романовская концепция трактует как «бунт низов». Однако даже самый поверхностный анализ так называемого «Разинского движения» выявляет явно нечто иное. Перед нами вовсе не крестьянское восстание, а, пожалуй, настоящая война с «Москвой», продлившаяся около четырех лет (с 1666—67 по 1670). К мигрантам-кантонистам присоединяются «беглые» бояре и дворяне со своими отрядами, среди них интересен процент непосредственно «московских» аристократов. Любопытно, что собранное «войско» подчиняется некоему Степану Разину, ведет под его началом независимую от государства внешнюю политику, совершает походы в Персию. Сама личность Разина загадочна в достаточной степени. Во всяком случае, едва ли может идти речь о «народном вожде» и «предводителе гольтьбы». Движение разворачивается под антиромановскими и «антимосковскими» лозунгами. Однако «государственные кантонисты» – стрельцы – в конце концов одолевают «независимое кантонистское войско» Разина. Это, несомненно, была крупная победа Романовых. Сохранилось изображение Разина в богатом головном уборе восточного вида. За кого он мог выдавать себя?

Память о «Дмитриях» еще была жива...

О церковном расколе, происшедшем в царствование Алексея Михайловича, о трагическом противостоянии Никона и Аввакума написано очень много. Остановимся на нескольких моментах. О «либеральном периоде» в правлении Александра II мы, конечно, будем подробно говорить, но не сейчас. Покамест скажем только, что именно в этот период «активного наступления» на Романовскую концепцию «национальной доктрины» Романовская концепция как бы жертвует фигуру Петра и оформляется трактовка «раскольников» как выразителей народного самосознания, противостоящих «реформам сверху». Нетрудно, однако, заметить, что раскольники едва ли не с самого начала остаются в меньшинстве и никогда не составляют силу, которая была бы в состоянии влиять на внешнюю и внутреннюю политику государства. Особенно странной кажется попытка связать раскольников с действиями царевича Алексея Петровича, который никак не мог бы ни поддерживать их, ни на них опираться, и полагал их «еретиками», как, впрочем, и все Романовы – неперемные сторонники «государственной церкви». В реформах Никона обращает на себя внимание, конечно, в определенном роде, попытка сделать русскую церковь с ее специфической культурой неким «плацдармом» для развития культуры «мирской». Особенно в этом смысле характерна попытка реформы иконописания, приближения иконописания к традициям светской живописи. Но то, что произошло естественным путем в ренессансной Италии, уже не имело смысла в России XVII века. Уже не имело смысла проходить «заново» весь путь от иконописи к светской живописи. В Европе этот путь был давно пройден, и теперь было проще и естественнее развивать русскую живопись на основании традиций живописи европейской, что и было чуть позднее сделано. Русская церковная реформа запоздала столетия на два. После реформ Никона сделалось в достаточной степени ясно, что дальнейшее развитие русской культуры не будет

происходить «на церковном фундаменте». Уже наметилось противостояние культуры церковной и культуры светской, «мирской»; это острее противостояние стало одной из важнейших, своеобразнейших и трагических черт жизни России.

Жизнь самого Алексея Михайловича, то, что нам об этой жизни известно, показывает царя таким же сильным, энергичным человеком, как его отец и дед. Алексей Михайлович – страстный охотник; по его заказу (а возможно, что и им самим) написана книга о соколиной охоте. На примере Алексея Михайловича и его старших детей, сына Федора и дочери Софьи, мы видим, как повышается «образовательный ценз» Романовых. По настоянию отца сестры Алексея Михайловича овладели навыком чтения Псалтири и Часослова, но Софья уже предстает перед нами разносторонне образованным человеком.

Первая жена царя, Марья Ильична Милославских, умерла в 1669 году. Но падение клана Морозовых-Милославских происходит еще при ее жизни. И после ее смерти как бы интенсифицируется. Судьба известной боярыни Морозовой – всего лишь элемент конфликта двух кланов: Морозовы-Милославские против Нарышкиных-Матвеевых. После того, как Наталья Кирилловна Нарышкиных становится второй женой царя, вокруг него, разумеется, группируются ее родичи, среди которых выделяется поддерживающий реформаторские настроения Алексея Михайловича Артемон Матвеев, в доме которого и была воспитана будущая молодая царица. Оставив попытки династического брака, Алексей Михайлович осуществляет ряд «внутренних» реформ. Отметим то, что касается его семейной жизни: он выезжает в одном экипаже с женой, ездит вместе с ней на охоту, она выезжает в город в экипаже с незанавешенными окнами. Среди ближних женщин Натальи Кирилловны обнаруживаем прислугу иностранного происхождения, например некую «дохтур-литовку», в обязанности которой входило приготовление кушанья. Обращают на себя внимание «театральные затеи» царя. Еще в 1660 году он пытается выписать из Англии «мастеров комедию делать». Но только в 1672 году происходит «первая постановка на русской сцене»: пастор Иоганн-Готфрид Грегори из Немецкой слободы на Кукуе ставит «Артаксерксово действо» – мистерию на библейский сюжет. В 1673 году поставлено еще несколько пьес и танцевальная (балетная) постановка «Орфей».

Интенсивно проникают в «московскую русскую» культуру элементы православной культуры славянского Запада, еще сильно ориентированные на позднегреческую церковную словесность. К подобным элементам можно отнести поэзию Симеона Полоцкого, основание славяно-греко-латинского училища. Однако уже ясно, что путь развития «московской русской» культуры будет иным; она не станет «сызнова» повторять уже пройденный Европой путь развития светской культуры на фундаменте освобождения от церковной культуры византийского стандарта и усвоения античных жанров. Нет, русская культура разовьет свою самобытность, просто взяв из Европы уже сложившиеся «основы»: формы существования и развития университетской науки, жанровое членение литературы, театр и т. д.

Итак, перед нами прошли первые Романовы. Зачастую историки полагают этот период чем-то вроде «продолжения прежней стародавности». Но мы уже увидели, что для России это очень важный период, период, когда постепенными реформами готовятся реформы кардинальные, период укрепления и становления новой династии, самой молодой в Европе.

Очень хочется отметить еще одну особенность более чем полувекового периода, прошедшего «под знаком» первых Романовых. Пройдет менее ста лет – и явится, словно

Афродита из морской пены, чудесный русский литературный язык. Но откуда же он взялся? Неужели из византизированной словесности Полоцкого? Нет, лишенный возможности развиваться в традициях светской «художественной» литературы, русский язык усиленно развивается в жанрах публицистики и «документальных записей». Вот несколько публицистов, связанных с первыми Романовыми. Судьбы их, разумеется, трагичны. Уже тогда пишущий человек в России – более, чем просто «пишущий человек».

Итак, Иван Андреевич Хворостинин, кравчий при Дмитрие I, при Шуйском сосланный в монастырь, при Михаиле Федоровиче первоначально бывший в чести, затем вновь сосланный, автор публицистического повествования «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России».

Вот Юрий Крижанич, хорват, долгое время проживший в Риме. В 1658 году знакомится в Вене с московским послом Лихаревым, переезжает на службу в Москву, но уже в 1661 году сослан в Тобольск, где провел пятнадцать лет. «Политика» Крижанича носит выраженный антикатолический и антипольский характер. В сочинениях Крижанича легко можно увидеть зерно грядущей панславистской доктрины, столь значимой для романовской России со второй половины XIX века.

Писания и судьба Аввакума известны достаточно хорошо. Его «автобиография» и публицистические сочинения, вероятно, во многом близки к народному анонимному словесному творчеству.

Но особенно значимой и «крамольной» фигурой оказался подъячий посольского приказа Григорий Карпов Котошихин. Он имел несчастье после наказания батогами бежать из России. Вероятно, владел иностранными языками. Умер в Швеции насильственной смертью (убит? казнен?). Этот замечательный писатель, «диссидент» XVII столетия не прощен и не «реабилитирован» до сих пор. Вот, например, что пишет о нем М. Н. Тихомиров в 1940 году: «... существует собственноручная записка Котошихина о его службе польскому королю; из записки выясняется, что Котошихин разведывал в Москве и сообщал различные вести в Польшу, будучи таким образом типичным шпионом и изменником. По-видимому, Котошихин и в других отношениях не отличался особой нравственностью...» И далее – о писаниях Котошихина: «Он не чужд был стремления сгустить краски...»

Действительно, Котошихин такое писал!.. Например, о той же системе доносов и слежки... Он оставил нам описание России в царствование Алексея Михайловича. И если из этого расточительно яркого, узористого языка Аввакума родится в отдаленном еще будущем такой «поэт прозы», как Ремизов, то о Котошихине можно сказать, что он наметил, что называется, кардинальный путь развития русского литературного, письменного языка. Точная, предельно наполненная, информативная фраза... Вот где завязывалось кристальное пушкинское «Гости съезжались на дачу...»

Цитаты: «И те дьяки во дьяцы бывают пожалованы из дворян московских и из городовых и из гостей и из подъячих. А на Москве и в городех в приказах з бояры и окольничими и думными и ближними людьми и в посольствах с послами бывают они в товарищах; и сидят вместе, и делают всякие дела, и суды судят, и во всякие посылки посылаются».

«И садятся за столы царь с царицею, а бояры и чин свадебный за своими столами, и начнут носить есть, и едят и пьют до тех мест, как принесут еству третью, лебедя, и поставят на стол – и в то время дружка у отца и у матери, и у тысяцкого благословляются новобрачному с новобрачною итти опочивать, и они их благословляют... и проводя пойдут все прочь по-прежнему за стол, и едят и пьют...»

Вот ведь сколько документов, и важных документов, пропало бесследно, а роковая записка, где Котошихин «раскальвается» относительно польского короля, сохранилась, и триста лет спустя Тихомиров точно знает, что она существует и что она написана «собственноручно». Везет же некоторым!..

На этой мажорной ноте мы закончим рассказ о первых Романовых и перейдем к следующему периоду.

Федор Алексеевич (правил с 1675 по 1682) и «Время Софьи» (правила с 1682 по 1689)

После смерти Алексея Михайловича остались в живых восемь его детей от первого брака и трое – от второго. Старшие царевны, Евдокия, Софья, Марфа, Екатерина, Марья, Федосья вместе со своими тремя незамужними тетками и составляли «верх», «терем». Если вы встречаете в учебнике, в популярной книге или в романе фразу наподобие: «Русские царевны издавна были обречены на безбрачную и затворническую жизнь», то речь идет всего лишь о сестрах и старших дочерях Алексея Михайловича. Эти два женских поколения царской семьи, два романовских женских поколения, невольно сложились в воображении историков и романистов во что-то такое, что было «издавна». Но мы-то уже знаем, почему первые романовские царевны остались незамужними. Вовсе не вследствие каких-то «стародавних обычаев», не помешавших, например, Ивану III выдать замуж своих дочерей от Зои-Софьи Палеолог. Мы уже раскрыли эту «романовскую» тайну безбрачной жизни царевен: Европа еще «не признала» Романовых. Далее, как мы увидим, положение с замужеством царских дочерей облегчится весьма.

А покамест – шесть младших царевен и три старшие. И еще двое сыновей от Марьи Милославских – Федор и Иван. И трое детей от второго царского брака, с Натальей Нарышкиных: совсем маленькие Петр, Наталья и Федора (она умерла в возрасте четырех лет). Как видим, женский элемент в семье царской явно доминирует над мужским. Вполне закономерно, что у «терема» есть все шансы стать силой.

А закона о престолонаследии нет. Фактически тотчас после смерти Алексея Михайловича начинается гонка двух кланов. Кому присягнут: маленькому Петру или его четырнадцатилетнему брату Федору? Кто встанет у трона: Милославские или Нарышкины-Матвеевы? Покамест все решают не законодательные нормы и установки, а клановая борьба. И решается все едва ли не в одну ночь, когда девятнадцатилетняя Софья буквально «организует» присягу бояр именно своему единоутробному младшему брату Федору. Это совсем не было легко. К тому времени стараниями Нарышкиных-Матвеевых большая часть Милославских-Морозовых была выслана из Москвы. Но Софья уже явно помышляет о собственной «партии», которую поддерживали бы воинские силы.

Но пока на престоле юный Федор Алексеевич. При нем ведется война за крымские и малороссийские земли, при нем Россия впервые сталкивается в военном конфликте со своей будущей важной соперницей – Османской султанской империей...

«Вхождение», «присоединение» (или еще есть – «воссоединение») малороссийских земель и Российского государства обставлены в Романовской концепции с большой помпой. Но Мазепа, оказывается, не первый «украинский изменник», до него, при Федоре Алексеевиче, действует другой «изменник» гетман Дорошенко. Впрочем, военные действия снова победоносны, Российское государство приобретает еще часть малороссийских земель.

Итак, во внешней политике снова успех. А во внутренней? Вероятность потери Романовыми престола вовсе не устранена (вспомним казнь князей Хованских уже при Софье). Федор продолжает бороться в этом направлении. Действия его явно показывают человека образованного. Он борется не с отдельными личностями, его действия направлены

на то, чтобы подорвать прочность положения русской аристократии, тех, что знатнее его. Так, по его приказу уничтожаются разрядные книги. По записям в этих книгах можно было проследить историю того или иного «рода-клана», положение его членов в военной и гражданской службе. Уничтожение разрядных книг было крупной победой Романовых. Вместо разрядных были введены по указу Федора упрощенные записи «для памяти потомства» в родословных книгах. Историки полагают эти действия Федора Алексеевича «прогрессивными» и трактуют их как «борьбу с местничеством», то есть с таким положением, когда должности и звания распределяются не по способностям и заслугам, а по знатности происхождения. Но давайте поразмыслим. Разве сожжение разрядных книг уничтожило местничество как таковое? Нет, конечно. Просто теперь у царя было куда больше прав выдвинуть угодный ему клан. Для русской истории сожжение разрядных книг было очень симптоматично. Романовы не хотели памяти о былом, о прошлом, о том времени, когда они были «ничем». Теперь они были «всем» и хотели, чтобы все начиналось именно с них. Особенно сильно надлежало ударить опять-таки по Рюриковичам и Гедиминовичам. Наверное, мы уже никогда не восстановим подробно историю многих старинных русских родов. Но что еще оставалось делать Федору Алексеевичу: борьба велась не на жизнь, а на смерть. Но дорого обошлась русской истории эта «разработанная» молодым царем модель сжигания, уничтожения памяти о минувшем. Слишком часто приходили к власти те, что еще недавно были «ничем» и потому должны были как можно быстрее уничтожить, сжечь память о своих предшественниках. Пробил в конце концов час и самих Романовых. Но мы пока не будем заглядывать так далеко, а приведем пример куда менее известный, но достаточно ярко показывающий, как укоренилась и пригодилась «модель Федора Алексеевича» в «правосознании» российских правителей.

Из воспоминаний Елизаветы Петровны Яньковой, записанных ее внуком Д. Благово:

«...в 1796 году родилась дочь Анна... Дня за два до ее рождения, мы были дома поутру, вдруг слышим, в совершенно необычное время ударили в Колокол... приходят и говорят, что получено известие из Петербурга, что скончалась императрица... Немного погодя говорят мне: пришел квартальный надзиратель и меня желает видеть. Я к нему вышла. «Что вам угодно?» – спрашиваю я. – «Не имеете ли старых газет 1762 года и манифестов; и ежели у вас сохранились, то пожалуйста, ведено обирать». – «Отчего же?» «Этого, сударыня, я не знаю, а таково распоряжение начальства». Я стала догадываться, в чем дело, и сказала ему: «Теперь моего мужа нет дома, а без него я ничего не могу вам сказать и не знаю: есть ли то, что вы спрашиваете; ежели найдется что, то мы вам пришлем».

Обирали тогда везде манифест Петра III о его отречении... Хотя у нас были и манифест, и газеты 1762 года, мы все это скорее отправили в деревню и там сберегли. Их велено было отбирать и жечь».

Ох уж эта «модель Федора Алексеевича»! А что оставалось делать бедному Павлу I? Конечно, «обирать» манифест об отречении от престола его отца, столь щедро распубликованный его матерью. Ведь это было как бы доказательство зыбкости прав самого Павла на российский (нет, на всероссийский) престол. А что было делать его несчастной матери Екатерине II? Если бы она не принудила родного мужа отречься от престола, не уладила бы затем его смерть от геммороидальной колики и не доказывала бы на каждом своем шагу, что и сын ее имеет весьма зыбкие права, как бы она сидела на этом самом престоле?.. Но до всего этого нам еще предстоит дойти. А покамест обратимся к женитьбе

Федора Алексеевича. Вернее, к двум его бракам, потому что этот, столь недолго проживший и, по некоторым свидетельствам, отличавшийся слабым здоровьем государь, все же успел дважды жениться.

Первая его женитьба происходит как бы в русле западнославянского православного влияния на русскую культуру. (Вспомним Крижанича; вспомним Симеона Полоцкого, учителя Федора и Софьи; вспомним основанное в «Софьино время» славяно-греко-латинское училище и т. д.)

Итак, первым браком Федор Алексеевич женится на Агафье Семеновне Грушецкой (или Грушевской), юной представительнице клана московских православных поляков Грушецких-Заборовских (Забровских).

Имелись определенные политические партии и сообщества, ставившие своей целью обращение в греко-восточную веру славян-католиков, поляков, чехов, хорватов, словенцев. Деятели подобных движений, естественно, находили приют в Москве. Ведь распространение православия могло означать расширение власти «московского» государства. Впрочем, деятели, подобные Крижаничу, наверняка не намеревались в итоге действовать в интересах «Москвы»; более занимала их воображение перспектива добиться власти для себя «московскими руками», то есть войсками. Они отлично понимали, что России не миновать военной конфронтации с Польшей и Османским султанатом. Политика болгар и сербов после русско-турецких войн второй половины XIX века ясно показала, что местные политики отводили России роль лафонтеновской обезьяны, вытаскивавшей голыми лапами каштаны из огня, только не для себя. О попытках православной экспансии Романовская концепция, конечно, молчит; зато активно муссирует экспансионистские попытки своих противников, то есть католические и мусульманские.

Софья не была довольна женитьбой брата. Это возможно понять. У молодой четы должны были рождаться дети, наследники Федора. Его брак отдалял саму Софью от вождя престола. Могло ли шокировать Софью или кого бы то ни было то, что молодой царь «женится на польке»? Нет, конечно. Так называемая «национальная», «народностная» принадлежность еще не имела значения; значение имело вероисповедание, конфессиональная принадлежность; а с этим было «все в порядке»: Грушецкая и ее родичи были веры православной.

Но вовсе не исключено, что Софья могла выступить «организатором» клеветнической кампании и, оставаясь, что называется, «в тени», руководить распространением слухов о возможности экспансии польского католицизма. Вероятно, можно предположить, что первые элементы развития «национальной доктрины» были заложены тогда. Определения «лях», «поляк» должны были заместить конфессиональное – «православный» или «католик». Но никаких данных о ведении Софьей подобной кампании у нас нет. Кроме того, она ведь и сама была воспитана в тенденциях «западного православия».

С влиянием Грушецкой связывают устройство в Москве нескольких греко-латинских школ, что уже при Софье вылилось в основание почти академического учебного заведения, в некотором роде напоминавшего университет, – славяно-греко-латинского училища.

Едва ли возможно, однако, связывать интенсивное «западно-православное» влияние на развитие «московской русской культуры» с личностью самой Грушецкой (да нам и не известно ничего о ее характере). Конечно, речь может вестись о воздействии ее клана.

Однако этому клану не суждено было долго продержаться у подножья трона.

В царской семье снова происходят трагические события. Но по-прежнему нам трудно

понять, идет ли речь об удавшейся внутренней интриге, «порче», или же мы имеем просто несчастное стечение обстоятельств. Интересно, что конец царствования Алексея Михайловича знаменуется новым большим «процессом мастериц», женщин, обслуживающих «терем». Снова перед нами закручиваются в путаном хороводе «наговорные корешки», «поносные слова»; нити петляют, уклончивые намеки на новый «антиромановский заговор» тонут, теряются в распоряжениях выслать и «держать с бережением под караулом». Следствие вышло на некоего Кишкина, исполнявшего нечто вроде должности охранника в московских владениях бояр Троекуровых. Далее следствие взял в свои руки Артемон Матвеев и быстро покончил «дело» решениями о ссылке обвиняемых, составлявших возможные «низовые звенья» заговора. Ограничился «острасткой» в отношении остальных?..

Во всяком случае, в середине лета 1681 года в молодой семье Федора происходят сразу две скоропостижные смерти. На третий день после родов умирает царица, и, спустя неделю, – новорожденный царевич Илья. Имела ли к этим смертям отношение Софья? Наверное, мы никогда не узнаем. Одно ясно: невинным голубиным гнездом, отрезанной от мира затворнической обителью терем не был.

Менее чем через год Федор Алексеевич женится снова. Новой супругой становится Марфа Матвеевна Апраксиных... Забавно читать в некоторых работах фразы наподобие: «Это была девушка далеко не знатного рода». Будто до того времени Романовы женились на девушках «знатных родов»! Оба брака Федора Алексеевича были вполне «в стиле» первых Романовых. Но жить ему оставалось недолго. Он умер через два месяца после свадьбы. Апраксины, однако, сумели впоследствии выдвинуться и сделались видным российским аристократическим семейством...

И снова: была ли смерть молодого царя естественной? Еще при жизни Федора началась борьба с кланом Нарышкиных-Матвеевых. Милославские привлекают на свою сторону семейства Хитрово и Волынских. Артемон Матвеев и младший брат вдовой Натальи Кирилловны, Иван, обвинены в злоумышлениях против Федора и высланы. Было бы, наверное, наивностью предполагать эту высылку несправедливой. Разумеется, Нарышкины-Матвеевы желали видеть на престоле малолетнего Петра, а вовсе не Федора.

После смерти Федора остались пятнадцатилетний его единокровный брат Иван и десятилетний Петр. У нас, пожалуй, есть основания предполагать, что прежней «кампанией» против Нарышкиных-Матвеевых руководила все-таки не Софья, а сам Федор Алексеевич, имеющий у историков репутацию слабого и болезненного. Во всяком случае, после смерти Федора Нарышкины-Матвеевы поднимают голову. Артемон Матвеев возвращен из ссылки. Нарышкины-Матвеевы, заручившись поддержкой духовного лица, патриарха Иоакима, организуют «боярский выбор» Петра на царство. Впрочем, мы уже знаем цену романовским «выборам».

Конечно, с точки зрения обычного для Европы майоратного права, отдающего преимущества в наследовании старшему сыну, старшему в роду, этот самый «выбор» Петра на царство был «неправильным». Но не забудем, что в России еще не было упорядочено не только престолонаследие, но даже и наследование имущества как таковое. Престол должен был достаться самому сильному интригану. Сами претенденты – Иван и Петр – еще дети, начинается борьба кланов, напоминающая известное «смутное время»...

И тут сохранившиеся источники ярко высвечивают царевну Софью Алексеевну. За ней – фоном – группируются ее сестры. Симптоматично, что молодая вдова Федора, Марфа

Апраксиных, принимает сторону «Петровского клана».

Мы только-только начали понимать своеобразие Романовых, этих отчаянных авантюристов, ловких интриганов, неглупых политиков, готовых на все ради удержания власти. И вдруг – новый сюрприз, новая загадка для историков – Софья. Романовская концепция оценивает ее, скорее, негативно: прежде всего, как противницу Петра, как «защитницу старого уклада». Но, применительно к Романовым, употребление понятия «старый, стародавний уклад» просто смешно. Романовы молоды и, как мы уже сказали, готовы на все. Надобно – они всячески подчеркивают свое – «седьмая вода на киселе» – родство с Рюриковичами. Надобно – сжигают разрядные книги. Даже самый поверхностный взгляд на деятельность Софьи показывает ее вовсе не защитницей какого бы то ни было «стародавнего уклада», но определенного рода «реформатором-постепенновцем». Но отчего же Софья оценена так негативно? Отчего были в свое время частично уничтожены материалы о заключении Софьи в Новодевичий монастырь, о ссылке ее фаворита Василия Голицына, о казни нового (после того, как Софья расправилась с Хованским) начальника стрелецкого приказа Федора Шакловитого? А дело все в том, что для Романовых пришла пора бороться уже не только со своими сторонними соперниками, но и друг с другом. Борьба двух романовских ветвей – Романовы-Нарышкины против Романовых-Милославских – завершилась только при Екатерине II, со смертью несчастного Ивана Антоновича. Но мы об этом еще будем говорить.

А пока, значит, мы прояснили, что негативная оценка Софьи связана, прежде всего, с борьбой двух романовских ветвей. Романовы-Нарышкины мыслили «государственно» – в исторических сочинениях Романовы-Милославские должны были выглядеть и выглядели неумными, жалкими, или, как Софья, «действующими неправильно».

Но есть и вторая «Софьиная загадка». Каким образом женщина, царевна, при укладе, как бы исключавшем активное участие женщин в политической жизни, добилась того, что открыто встала во главе этой политической жизни? Казалось бы, византизированный уклад, сакрализация семейства правителя должны были совершенно отгородить цариц и царевен от дел правления. Но ведь этого не бывало и в Византии. Сохранились сведения о политической активности Софьи-Зои Палеолог, супруги Ивана III, византийской царевны, воспитанной в Риме. Ирина Годунова принимала послов и едва не попала на трон после смерти мужа, Федора Ивановича. В честь рождения Петра Алексей Михайлович приказал отлить медаль, на одной стороне которой была изображена царская чета – он и мать новорожденного царевича, Наталья Нарышкиных. Но не только примеры открытой политической активности послужили своего рода фундаментом для будущих действий Софьи. Для первых Романовых характерна скрытая политическая активность «терема», женских покоев. Подобная внешне как бы скрытая активность женщин из семейства правителя характерна для любого общества, где знатной женщине предписано вести замкнутый образ жизни. Разумеется, в первую очередь, вспоминается активность представительниц мусульманских династий. Вот, например, династия индийских набобов (навабов), правителей княжества Авадх. Эта династия просуществовала двести лет (XVIII–XIX вв.), история ее во многом напоминает историю Романовых. Проводившие жизнь в декларированной изоляции женщины навабов открыто выступали на политическую арену особенно в моменты династической смуты. Тогда они смело интриговали, собирали налоги, даже руководили армией. Особенно запомнились Хазрат-Махал и Бадшах-Бегам (это ее легендарное богатство имеется в виду в романе Жюль Верна «Пятьсот миллионов Бегумы»).

Таким образом, поведение Софьи вовсе не выглядит чем-то совершенно неожиданным, из ряда вон выходящим. Ведь «идеологически», что называется, Софья могла опереться на пример-прецедент Пульхерии, старшей сестры императора Феодосия II, которая дала обет девственности и фактически правила Византийской империей с 414 года почти двадцать лет; причем брат целиком подчинялся ее влиянию. Казалось бы, Нарышкины-Матвеевы одерживали полную победу. Из ссылки был возвращен Иван Кириллович, брат царицы. Источники указывают на то, что во время заупокойных служб по Федору Алексеевичу Нарышкины вели себя вызывающе по отношению к Милославским. Но еще во время похорон Софья показала народу, показала открыто. Она шла пешком, демонстративно оплакивая брата и объявляя о том, что он отравлен врагами, что она сама, пятеро ее сестер и юный брат Иван Алексеевич совершенно осиротели и также отданы на расправу врагам; и наконец, в заключение, просила отпустить их, несчастных потомков Марьи Милославской, в чужие земли к христианским королям для спасения. Ничего очень удивительного в такого рода заявлении не было. Бежать в Англию намеревался еще Иван IV Грозный. Ничего удивительного не было и в открытом появлении Софьи. Когда по распоряжению Шуйского перевозили останки Бориса Годунова, его жены и сына с бедного Варсонофьевского кладбища в Троицкий монастырь, за гробами своих родных также следовала царевна Ксения (тогда уже инокиня Ольга), громко оплакивая свою судьбу.

Во всяком случае, покамест Нарышкины явно поторопились торжествовать. Создав, что называется, «эмоциональный фон» дальнейшей расправы с соперниками, публично выставив себя гонимой и несчастной, Софья в мае 1682 года поднимает настоящий мятеж против Нарышкиных-Матвеевых. Она сумела заручиться поддержкой влиятельного лица, князя Василия Васильевича Голицына; можно с уверенностью утверждать, что их соединяли тесные узы интимной связи. Но сейчас еще более важна для Софьи поддержка начальника стрелецкого приказа князя Хованского. Ведь за ним – воинская сила.

Стрельцы врываются во дворец под предлогом того, что Нарышкины якобы желали убить, «извести» Ивана Алексеевича. Впрочем, нельзя назвать подобное утверждение вовсе безосновательным. Надо отдать должное Софье, она сумела действовать быстро и результативно, имитировав своего рода «народную (руками стрельцов) расправу» над Нарышкиными. Буквально в один день были убиты Артемон Матвеев, Иван Нарышкин, их сторонники Долгоруковы...

Имя Хованских для нас уже не внове. Влиятельные Гедиминовичи, которые не прочь занять престол. Что же дальше? «Сотрудничество» Софьи и Хованских осуществлялось на возможности компромисса. Претензии Хованских не были тайной для Софьи, и компромиссный вариант заключался в браке Андрея, сына Хованского, с одной из царевен, Софьиных сестер. (Впрочем, возможно, речь шла о браке с самой Софьей. Здесь занято другое: Г. А. Власьев в своих материалах «Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий», в третьей части первого тома, изданной в Санкт-Петербурге в 1907 году, приводит сведения о том, что Андрей Хованский был женат на Анне Прозоровской, урожденной Щербатовой, вдове князя Прозоровского. Но современники, писавшие о «Хованщине», не упоминают об Анне. Являлась ли она женою именно Андрея Хованского, а не какого-либо другого представителя рода Хованских? Надо сказать, что браки в Московии не отличались прочностью; «неудобную» супругу, если ее род не был богат и влиятелен, всегда можно было отослать в монастырь... Но тогда мы снова можем говорить о том, что положение Романовых было достаточно шатким. Получается, что Хованские предполагали

для Софьи или одной из ее сестер замужество с представителем их рода, для которого этот брак явился бы вторым, то есть такое замужество для «царевны» оказывалось как бы вдвойне «непрестижным».)

Но Софья могла лишь делать вид, будто соглашается на подобный вариант. Ничего хорошего ей не сулил подобный брак, Хованские живо отстранили бы ее от власти.

Итак, Нарышкины-Матвеевы повержены. Однако Софья не спешит со свадьбой. А Хованские уже спешат действовать. Они, конечно, понимают, что бездействовать нельзя; Софья уже показала, что она умеет расправляться с неугодными ей лицами. В сущности, Хованские поставили вопрос о созыве очередного феодально-церковного представительства – Собора очередного. Очередной Собор, очередные «выборы» – и Романовы летят с престола. Хованские заранее заручаются поддержкой антиромановски настроенных церковников-раскольников. Однако это, конечно, было ошибкой Хованских. Раскольники были в меньшинстве, большая часть церковников не поддержала Хованских. Собор не состоялся. Отец и сын Хованские были казнены.

Неудачная попытка Хованских отстранить Романовых от власти показала, что династия Романовых вступает в новый период развития. Теперь уже не внешние соперники будут угрожать ей – теперь борьба будет вестись между самими Романовыми. Хованские были последними сторонними претендентами на российский престол.

Царями были провозглашены представители обеих ветвей – и Иван Алексеевич, и Петр Алексеевич. Но правительницей при них являлась Софья.

Можно сказать, что она первая являет нам столь значимую в дальнейшем для романовских правительниц модель: «государыня и фаворит». Таким фаворитом при Софье был Голицын, человек весьма образованный для своего времени. В письмах она обращалась к нему очень нежно: «Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета!»...

Трудно понять, на что рассчитывала Софья в дальнейшем, кому намеревалась передать престол. Брат ее Иван, кажется, не отличался особенной политической активностью; с ним Софья, вероятно, могла бы договориться. Важным ее противником был юный Петр. Намеревалась ли она убить Петра? Мы уже видели, как сноровисто она лишила Петра его материнского клана-рода. Но далее мы увидим, как Петру удалось то, что еще не удалось Ивану Грозному, – Петр сумел окружить себя вместо людей своего «рода-клана» людьми «служилыми», людьми, которых самолично возвышал за их службу, которые были обязаны своим возвышением ему. О намерении Софьи расправиться с Петром пишет в своем интересном описании стрелецких выступлений Андрей Артемонович Матвеев. В этом сочинении есть разные жуткие моменты – вот когда Андрей Хованский целует отрубленную голову отца и тотчас ему самому отрубает голову... Но не следует полагать, будто, например, Стюарты, английские современники Романовых, отличались большей гуманностью...

При Софье уже очень остро стоял вопрос о необходимости для России сближения с Западной Европой и модернизации армии, то есть замены «кантонистского войска» рекрутским набором или контрактной службой.

Почему же Софья не сделала этого? Почему не подвинули ее на это помощники ее, Голицын и Шакловитый? В сущности, еще в детстве Петра, при Нарышкиных-Матвеевых, наметились как бы две возможные линии развития: «линия западнославянского православия» и путь, который можно было бы покамест обозначить как путь «Кукуйской слободы». Россия, как мы знаем, пошла по второму пути. Интересно, что именно это

позволило ей уже во второй половине XIX века оформить панславистскую доктрину и занять в этой доктрине первенствующее положение, резко обогнать остальные славянские народы в области культурного развития. Быстрое усвоение основ европейской культуры привело к интенсивному развитию русской самобытности.

К 1689 году уже определяется вектор политики совсем еще юного Петра – намечающаяся реформа армии, окончательное превращение России в европейское государство, снижение политического влияния «родов-кланов». Время с 1697 по весну 1698 года Петр проводит за границей. Софья, заточенная им в 1689 году в монастырь, использует это время для новой попытки вернуть себе власть. Софью поддерживает «терем» – ее сестры; в частности, Марфа и Екатерина. В качестве военной силы Софья использует стрельцов, недовольных начавшейся реформой армии. Но уже нетрудно было понять, что Софья потерпит поражение. Более того, Петр использовал ее выступление как повод для окончательной расправы с «кантонистской системой». Хотя стрелецкие части, несшие караульную службу, сохранились еще и в 1720 году, но в целом стрелецкое войско после событий 1698 года закончило свое существование. Следствие по «Софьиному делу» и последовавшие наказания были достаточно драматичны. Казнь стрельцов, насильственный постриг Софьи в монастыре под именем Сусанны, постриг ее сестры Марфы (под именем Маргариты). Выявилась активная роль «терема» в событиях: ближние женщины царевен служили как бы связующим звеном между Новодевичьим монастырем и собственно городом. Из «Софьиного дела» приоткрываются и некоторые подробности интимной жизни царевен; например, роман Марфы Алексеевны с дьяком Иваном Гавриловичем, также активным участником этого антипетровского заговора.

После этих событий Софья-Сусанна уже не выступала на сцену российской истории. По приказу Петра она содержалась в том же Новодевичьем монастыре, местопребывание ее было окружено солдатским караулом. В монастыре она и скончалась.

Эта первая сильная женская личность в династии Романовых, и события, связанные с ее правлением, привлекли внимание позднейших деятелей культуры. Нет нужды, например, напоминать о великолепной опере Мусоргского «Хованщина»; хорошо помнятся нам и картины Репина и Сурикова – Софья в монастырской келье и «Утро Стрелецкой казни». Эти произведения созданы в русле укрепления «национальной доктрины», смягчившей романовское отношение к Софье и пытавшейся рассматривать такие явления, как церковный раскол или действия стрелецкого войска, в качестве проявления «народного сопротивления» реформам... До нас дошло изображение Софьи, сделанное при ее жизни. Конечно, трудно ручаться за портретное полное сходство, но, кажется, она была красива и похожа на своего младшего брата Петра...

Петр I Великий (правил с 1672 по 1725). С 1721 года – император всероссийский

Единокровный брат Петра, Иван Алексеевич, умер в 1696 году. Ивану было тридцать лет, он оставил троих малолетних дочерей и вдову Прасковью Федоровну, урожденную Салтыкову (из рода Салтыковых была старица Марфа – Ксения Ивановна, супруга Филарета – Федора Никитича). Прасковья Федоровна всячески демонстрировала Петру свое дружественное и верноподданническое к нему отношение. Судя по источникам, Иван уже с 1689 года не принимал участия в делах правления. К сообщениям о слабости здоровья того или иного соправителя или претендента на престол всегда относишься с некоторой подозрительностью. Но, кажется, нет оснований полагать, будто Иван Алексеевич пытался сохранить за собой власть. Нет, вероятно, основания и для предположений о возможности насильственного устранения Ивана (убийства, отравления). Петр в это время занят завоеванием Азова; подобно князьям Рюриковичам, он выступает в роли полководца, принимает активное участие в военных действиях и даже в постройке крепости Таганрог.

Итак, мы с большой вероятностью можем предположить, что Иван не был соперником Петру, как не порывался Иван соперничать и с Софьей. Но в одном отношении Иван, конечно, представлял для Петра серьезную опасность, опасность династическую. Недаром зимой 1689 года Наталья Кирилловна улаживает характерный «раннеромановский» брак юного Петра с Евдокией Лопухиной. Мать заботится о том, чтобы у Петра поскорее появилось потомство, чтобы продолжилась династическая ветвь Романовых-Нарышкиных, потому что ветвь Романовых-Милославских уже продолжилась: вскоре после свадьбы Петра рождается первый ребенок Ивана. Дочь Анна, будущая императрица Анна Иоанновна, родилась в один год с последним сыном Петра от Лопухиной. Кроме нее, у Ивана и Прасковьи было еще две дочери – Екатерина и Прасковья, соименница матери. Интересно, что дочери Ивана Алексеевича в будущем окажутся отчаянными интриганками. Вероятно, Прасковья Федоровна, несмотря на всю свою верноподданность по отношению к Петру, воспитывала своих дочерей именно в духе противостояния: «Милославские против Нарышкиных». Здесь мы немного забежим вперед и вспомним свидетельство Берхгольца, одного из спутников герцога Голштинского, жениха цесаревны Анны Петровны, старшей дочери Петра. Берхголец вел дневник, благодаря которому мы имеем живые очерки характеров самого Петра под конец его царствования, его близких и приближенных. Так вот, Берхголец, между прочим, замечает, что, по слухам, дочери Прасковьи Федоровны – вовсе и не дочери Ивана Алексеевича. Конечно, трудно, даже невероятно представить себе, чтобы сам Петр унился до распускания подобных слухов. Но об этом вполне могла позаботиться супруга Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина I): у нее было достаточно близких женщин, знатных и незнатных, для распространения подобных дискредитирующих дочерей Ивана слухов. Должно быть, никакая верноподданность Прасковьи не могла скрыть прозрачных намерений ее дочерей.

А покамест между Петром и Иваном происходит короткая детородная гонка. У Ивана, как мы уже знаем, родились три дочери. У Петра – три сына. В 1690 году старший – известный царевич Алексей, за ним, в 1691 году, второй сын – Александр (симптоматичное

имя, далее его будут носить три российских императора; прах Александра Невского Петр в последний период своего царствования перенесет в Александро-Невскую лавру, синодом будет постановлено писать Александра Невского, в отличие от других святых, не в монашеской, но в воинской одежде, подчеркивая именно его светскую, мирскую деятельность; Петр заботится о своих преемниках: великой империи – великое прошлое), но первый Александр из династии Романовых прожил всего лишь год. Третий сын родился в 1693 году и умер тотчас после рождения. Он был назван Павлом по вполне понятной причине (взаимосвязь апостолов Петра и Павла), но и это имя оказалось несчастливym для Романовых. Затем «гонщики» как будто выдохлись. Иван умер, а Петр прекратил отношения с нелюбимой и интриговавшей против него женой. Если Иван остался лидером в количественном отношении (целых три дочери), то Петр зато лидировал качественно (один, зато сын). Что в итоге вышло из результатов этого «соревнования», мы знаем и еще об этом поговорим.

Но очень, очень трудно переходить к попытке рассмотрения личности Петра. Во-первых, потому что мы имеем о нем множество свидетельств; и большинство из них – живые, интересные, яркие.

Во-вторых, над образом Петра так много поработали историки, романисты и даже кинематографисты. В-третьих (надо бы – во-первых), у нас есть Пушкин... «Лик его ужасен, движенья быстры. Он прекрасен...»

Столько живых, творческих взглядов на Петра... И нам уже кажется, вся жизнь этого человека прошла на наших глазах. Это мы видели его живым и удивительно красивым мальчиком в палате среди бояр. Мы встречали его высоченным, нескладным юношей. На наших глазах работал он, как простой плотник, на голландских верфях, и ветер морской трепал его пышные темные волосы. Мы знаем, как дергается его щека – невротическая реакция после того, как при нем стрельцы убили воспитателя его матери, Артемона Матвеева. Мы видим его в европейском кафтане и в преображенском мундире, в треуголке и в калмыцкой вывернутой шапке, в нанковом домашнем халате и в чулках, заштопанных Екатериной... Еще пушкинское – о Петре: «На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками...» – это о Петре в Голландии... Многотомный свод Голикова «Деяния Петра Великого». Книга Вольтера о России в царствование Петра... И снова – многократно цитировавшееся, ставшее в чем-то основополагающим в интерпретации личности Петра пушкинское – из «Медного всадника»:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?..

А вот мнение Михаила Павловича, брата Николая I: «Пушкин недостаточно воздает

должное Петру Великому. Точка зрения Пушкина ложна, потому что он рассматривает Петра, скорее, как сильного человека, чем как творческого гения...» Интересно! И, пожалуй, оспаривать мнение праправнука о прапрадеде не так уж просто!..

Но, вероятно, особенный интерес представляет впечатление, которое произвел Петр на Сен-Симона – великого французского мемуариста. Это описание не так знакомо, поэтому приведем значительную цитату:

«Петр I, царь Московии, как у себя дома, так и во всей Европе и в Азии приобрел такое громкое и заслуженное имя, что я не возьму на себя изобразить сего великого и славного государя, равного величайшим мужам древности, диво сего века, диво для веков грядущих, предмет жадного любопытства всей Европы. Исключительность путешествия сего государя во Францию по своей необычности, мне кажется, стоит того, чтобы не забыть ни малейших его подробностей и рассказать об нем без перерывов...

Петр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав; лицо имел круглое, большой лоб, красивые брови, нос довольно короткий, но не слишком, и на конце кругловатый, губы толстоватые; цвет лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза, большие, живые, пронизательные и хорошо очерченные, взор величественный и приятный, когда он владел собой; в противном случае – строгий и суровый, сопровождавшийся конвульсивным движением, которое искажало его глаза и всю физиономию и придавало ей грозный вид. Это повторялось, впрочем, не часто; притом, блуждающий и страшный взгляд царя длился лишь одно мгновение, он тотчас оправлялся.

Вся его наружность обличала в нем ум, глубокомыслие, величие и не лишена была грации. Он носил круглый темно-каштановый парик без пудры, не достававший до плеч, темный камзол в обтяжку, гладкий, с золотыми пуговицами, чулки того же цвета, но не носил ни перчаток, ни манжет, – на груди поверх платья была орденская звезда, а под платьем – лента. Платье было часто совсем расстегнуто; шляпа была всегда на столе, он не носил ее даже на улице. При всей этой простоте, иногда в дурной карете и почти без провожатых, нельзя было не узнать его по величественному виду, который был ему свойствен.

Сколько он пил и ел за обедом и ужином, непостижимо... Свита за его столом пила и ела еще больше, и в 11 утра точно так же, как в 8 вечера.

Царь понимал хорошо по-французски и, я думаю, мог бы говорить на этом языке, если бы захотел; но для большего величия он имел переводчика; по-латыни и на других языках он говорил очень хорошо»...

Что обращает на себя внимание в этом великолепном живом описании?.. Внешность... Тотчас задаешься вопросом: это была характерная внешность первых Романовых или Петр пошел в Нарышкиных? Нет, если судить по сходству с сестрой Софьей, это была именно романовская внешность. Судя по дошедшим изображениям Алексея Михайловича, Петр был похож на отца... Рост... Вероятно, эта высокорослость также была в Петре романовской чертой. Высокого роста были его сын и внук, Петр II. Упоминают и о высоком росте Анны Иоанновны... Судя по многочисленным упоминаниям, смуглота и темные глаза и волосы также были отличительными чертами внешности Романовых. Они стали «светлеть» позднее, под напором интенсивных «вливаний» немецкой крови. Впрочем, тип этот темноглазого и темноволосого человека – один из распространенных русских типов (любимый тип Венецианова, Брюллова, Андрея Матвеева) – указывает, вероятно, на отсутствие сильной угро-финской примеси... Далее заметим очень точное описание

специфического состояния, напоминающего одну из разновидностей судорожного припадка («пти маль» – так называемого «малого припадка»). Не только Сен-Симон упоминает о подобных состояниях, случавшихся с Петром: другие «самовидцы» (очевидцы) Петра пишут о странных состояниях, которые, в частности, унимала Екатерина Алексеевна, прижимая его голову к груди и глядя по волосам... Но поставить Петру диагноз эпилептической болезни мы не можем хотя бы потому, что подобные диагнозы возможно ставить лишь после непосредственного исследования-наблюдения больного; заочно, по описанию, нельзя поставить такой диагноз. Но можно, конечно, задаться вопросом, не были ли судорожные состояния чем-то наследственным у Романовых. Елизавета, дочь Петра, скончалась, по свидетельствам, от чего-то подобного...

Но гораздо более поражает пиетет, с которым французский писатель относится к Петру. Давайте призадумаемся. Ведь это всего лишь третье поколение Романовых, моложе их нет династии в Европе, еще недавно какой-нибудь датский король, спокойно сославшись на мнимую свою болезнь, приказывал не принимать романовских послов. И вот всего лишь третье поколение – и Романовы заставили признать себя! Все! Покончено с толками об их незаконности и худородстве. Признаны Европой! И в России они теперь – сами себе соперники...

Без перчаток, без шляпы, без манжет и в дурной карете – но такого величия не было у прежних российских правителей, облаченных в одежды, шитые золотыми нитями... Но чем же изумляет Петр Сен-Симона? И многих других, кстати. Что это за такой чудной демократизм – без шляпы, без перчаток? Может быть, Петр – какой-то там особенный «дикий варвар»? Нет, Петр – европеец, только не такой, как придворные Людовика XV... И где это он выучился ходить без шляпы и без перчаток? Его отец и дед показывались на люди все-таки в торжественном, ритуальном облачении... Впрочем, и сам Людовик XV еще ребенок, и Петр берет его на руки... Что это за поведение? Что за модель поведения?..

О «простом обращении» Петра интереснее других рассказывают Иван Неплюев и Андрей Нартов: как Петр запросто входил в избу и его угощали пирогом с морковью... Иван Неплюев был по происхождению бедным дворянином, одним из «выдвиженцев» Петра; Андрей Нартов – мастером-токарем, с которым царь любил проводить время за работой...

Но откуда все же у Петра эта простота в обращении? Под влиянием чего она возникла?.. Ведь традиция поведения правителей, особенно укрепившаяся при Романовых, напрочь отрицает и осуждает подобную «простоту». При первых Романовых правитель – не «гражданское лицо», но сакральное, священное. И было бы странно, если бы Романовы повели себя иначе: и без того внутренние соперники постоянно кололи их худородством. Кстати, подобные сплетни, конечно, вовсе не были каким-то «народным мнением», но что называется «планомерной кампанией». Например, известно, какую важную роль играла в костюме феодально-сословного общества обувь (вспомним хотя бы известные «красные каблуки», перешедшие из Парижа в Москву и Петербург, эти каблуки символизировали знатное происхождение). Отсюда подчеркивание простых сапожек-«желтиков» Евдокии Стрешневой и «лаптей» Натальи Нарышкиной. И, естественно, происходило осуждение любых неритуализованных или не вполне ритуализованных действий правителя. Распускались сплетни о том, что в девичестве будущие царицы Стрешнева и Нарышкина самолично собирали грибы на продажу и спускались в погреб за припасами. Осуждались даже поездки на охоту Алексея Михайловича... Но эта самая «простота» Петра необычна не только для Московии Романовых – она необычна (на это четко указывает Сен-Симон) и для

абсолютистской Франции, например. Но где-то ведь она должна быть обычна?..

Мы уже привыкли встречать буквально во всех книгах, посвященных Петру и его нововведениям, фразы о том, что, желая приобщить русское общество к европейским развлечениям, Петр ввел, например, ассамблеи. Указ об ассамблеях появился в 1718 году. Первоначально сам государь назначал, в доме какого чиновного лица состоится ассамблея, затем назначениями распорядились в Петербурге – обер-полицмейстер, в Москве – комендант. Как известно, ассамблеи в русском обществе не прижились. Интересно, почему? Приведем два фрагмента из указа об ассамблеях.

«Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчивать, и не точию вышеописанное не повинен чинить, но хотя и дома не случится оно, нет ничего; он только повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто просит, игры, на столах употребляемые.

Часы не определяются, в котором быть, но кто в котором хочет, лишь бы не ранее и не позже положенного времени; также тут быть, сколько кто похочет, и отъезжать волен, когда хочет...

Определяется, каким чинам на оные ассамблеи ходить, а именно: с высших чинов до обер-офицеров и дворян, также знатным купцам и начальным мастеровым людям, тоже знатным приказным; тоже разумеется и о женском поле, их жен и дочерей...»

Перед нами совершенно беспрецедентная, например, для современной Петру Франции попытка нивелировки сословий. Ясно, что ни в Париже, ни в столицах немецких княжеств подобное невозможно. В этом указе об ассамблеях Петр выступает революционером задолго до Французской революции. Уж не от него, не от этого ли представителя незаконной молодой династии, примчавшегося в Париж в дурной карете и без перчаток, не от него оно все и пошло? Совершенно невероятно представить себе «петровскую ассамблею», например, в Версале! Да, Европа тоже разная бывает...

«Ровно в двенадцать часов за накрытыми столами рассаживалась компания в несколько тысяч голов, каждый день новая. Сельские жители и горожане, мужчины и женщины, старые и молодые, ученые и неученые, все сидели веселые, вперемежку, и ждали супа, откупоривая бутылки и нарезая хлеб...

Потому и восхваляем мы всегда и вечно новое время, которое начинает воспитывать человека так, чтобы он стал человеком, и которое повелевает не только дворянину и горному пастуху, нет, даже и сыну портного упражнять свои члены и облагораживать тело, чтоб оно стало сильным и ловким...» И третья цитата:

«Что есть история Аппенцеля и есть история Женевы; это разнообразие в единстве, которое дай Бог нам сохранить, есть истинная школа дружбы, и только там, где общее политическое подданство превращается в личную дружбу целого народа, только там достигается самое высокое»...

Нет, это не из петровских указов и наказов, это из новеллы швейцарского писателя Готфрида Келлера «Знамя семи стойких» – о Швейцарии XVIII века...

Мы помним, что выходящем из Швейцарии с ее республиканским укладом, породившим типы домовитого хозяина и искателя приключений, был старший друг и наставник Петра Франц Лефорт. Его склонны наши историки и романисты изображать отчаянным гулякой, приобщающим молодого Петра ко всем разновидностям кутежей. И что это за кукуйские кутежи? Зачем это немцам и швейцарцам занудилось учить молодого русского царя и его приближенных пить крепкие напитки? Сами не умели, что ли? А все объясняется просто.

Да, не умели, в определенном смысле, конечно. Почему кукуйские застолья возмущали боярское воображение? Уж, конечно, не какой-то там особой разнузданностью! И на пирах Алексея Михайловича разбивали друг другу в кровь лица «из-за места», то есть споря, кто знатнее, кому сидеть ближе к царю; и, опьянев, падали с лестниц, ломая ребра. Но то были ритуализованные феодальные застолья. И, конечно, кукуйские застолья должны были казаться «непорядочными», ведь они были, что называется, концептуально другие – не закрепляли сословность, а нивелировали ее принципиально. На пиру Алексея Михайловича гость сознавал, кто он; кукуйское застолье было таким времяпрепровождением, где все принципиально делались равны. Вот откуда в указе об ассамблеях пункт о том, что, если даже ассамблея происходит у самого царя, вход в нее доступен... И в этом смысле странно, что историки продолжают доверчиво муссировать тему каких-то выдающихся кукуйских кутежей...

Европа, о которой рассказывал Лефорт, бюргерский уклад Кукуйской слободы – вот что влекло Петра. Но опять же – почему? Ему просто нравилось сидеть за столом «на равных» и свободно танцевать с красивыми женщинами? Или Петр уже понимал, что «родо-клановая» система изжила себя и в дальнейшем не будет ему опорой? Идеал общественного и бытового уклада «служилых» людей он и находил в Кукуе и в рассказах Лефорта...

Но один-единственный момент нашим царем-революционером как будто забыт. Крепостная зависимость. Россия, как известно, Швейцарией так и не стала. Более того, нивелируя сословия, Петр одновременно укрепляет положение аристократии, интенсифицирует крепостное право. Более того, петровские «выдвиженцы», кем бы они ни были – бывшими крепостными или заезжими бедняками, – вовсе не отличались «демократическими убеждениями». Все они стремятся вскарабкаться наверх по российской сословной лестнице. И Петр поощряет их в этом, жалует чины и звания, награждает поместьями, сватает им аристократических невест. Известный своей сказочной карьерой Меншиков (от сына царского конюха до светлейшего князя) роднится с Арсеньевыми. Замечательный дипломат, усилиями которого Россия приобрела Балтику, сын малоимущего пастора Андрей Иванович Остерман (урожденный Хайнрих-Иоганн) пожалован после заключения Ништадтского мира бароном и с легкой царской (нет, уже императорской!) руки получает в жены девушку из рода, близкого царскому семейству, Марфу Ивановну Стрешневу (бабушка Евдокия, ау!). То есть никакая отмена аристократии Петру не нужна, ему нужна обновленная и «служилая» аристократия...

В этом случае довольно ясно, что должно произойти. Крепостное право должно начать развиваться интенсивно. Земли и крестьяне – вот предметы, которыми награждают – уже награждают, и как еще будут награждать при преемниках Петра!..

Эта интенсификация крепостного права не только трагически раскалывала население России на «просвещенную аристократию» и «народ», но еще и отделяла от Европы страшнее и глубже, нежели затворничество женщин и азиатские кафтаны и шапки...

Почему Петр не отменил крепостную зависимость? Вопрос ребром. К чему могла привести подобная отмена? Могла бы она подорвать сами основы его власти? Вероятно, все же, да. Не забудем, что родо-клановая система только еще начинает колебаться, понятие личности и свободы личности еще не укоренено в сознании. В этих условиях отмена крепостного права вовсе не привела бы «под петровские знамена» освобожденных крестьян. Те самые холопы, что дрались на царском дворе, пока господа их дрались в пиршественной палате «за место» при Алексее Михайловиче, теперь двинулись бы под началом своих

господ на Петра. Началась бы «смута» и просто уничтожила бы Петра вместе с его сторонниками. А путаность вопроса о переделе, перераспределении земельных владений... Вопрос этот не был решен ни после известной реформы Александра II, ни после реформаторских начинаний Столыпина. Собственно, этот вопрос не решен и сегодня... Возможно ли было его решение в начале XVIII столетия?.. А вопрос об устройстве армии... Или все же, если бы Петр действовал с безоглядной решимостью и отменил бы крепостную зависимость, история России в дальнейшем была бы менее трагической?.. Вопросы, вопросы... Или просто – принимать трагизм как данность и не бояться?..

А, может, «Ромео и Джульетта» – это о петровской России? Борьба враждующих родов-кланов, вовлекающая весь город: от отцов аристократических семейств до последних их прислужников; и герцог, пытающийся примирить то мечом, то приказом, то уговорами...

Определение «противоречивая личность», конечно, как нельзя лучше подходит к Петру. Но если быть честными до конца, то ему трудно не симпатизировать. Трудно не восхищаться, когда создает он для России города, флот, армию, торговлю, путь к расцвету культуры. Очень хочется «беспристрастно отметить все противоречия», но не восхищаться – очень трудно...

И, конечно, огромно значение Петра для Романовых. Именно благодаря ему, его колоссальной личности, Романовых признает Европа. Более того, начиная с Петра, и Россия признала Романовых. О попытках свержения Романовых как династии уже нет и речи. Романовы – это Петр. Петр – это Романовы. Елизавета будет обосновывать свои претензии на престол тем, что она – дочь великого Петра. Самозванцы Пугачев и княжна Тараканова объявят себя внуками Петра. Екатерина II, никакого кровного отношения к Петру не имеющая, будет означать себя на престоле именно как его преемницу, воздвигнет в его честь великолепного Медного всадника с гордой надписью: «Petro Primo Catarina Sekunda» – «Петру I – Екатерина II». И, наконец, уже при Александре II, Романовская концепция начнет жертвовать Петру примату национальной доктрины, и начнется, покатится падение Романовых...

Петр – конечно, личность удивительная; но для династии Романовых, для их пути – именно характерная. Уже очень скоро (на третьем поколении) встал для них вопрос: быть им дальше или не быть. И этот «романовский перелом» начал порождать незаурядность в геометрической прогрессии: уже Федор Алексеевич, далее – Софья и, наконец, – Петр!.. У Романовых все – в убыстренном ритме; они молодые, и срок им дан короткий – чуть более трехсот лет. И надобно успеть, надобно догнать, перегнать... и кончиться...

И, разумеется, интересно проследить жизнь Петра в некоторых основных моментах. О детстве его нам известно не так много. Вот празднества в честь рождения Петра, специальная медаль с изображением родителей, торжественные празднества в честь именин Петра. Конечно, это свидетельства силы клана Нарышкиных-Матвеевых. Маленького Петра чествуют как первенца, хотя у царя уже есть сыновья. В царской семье важен был не только святой дня крещения, в честь которого давалось имя, но и святой дня рождения. Петр родился в день Исаакия Далматского. Отсюда – Исаакиевский собор. В приходно-расходных книгах Дворцовых приказов содержатся сведения об игрушках маленького Петра, обращают на себя внимание военные игрушки – пушечки, фигурки солдатиков – все это немецкой работы (немецкие игрушки вообще славились, «Щелкунчик» Гофмана – сказка не случайная); для царевича сделаны были и мундирчики, но трудно определить, какого рода: «полковничий» мундирчик – русский стрелецкий или какой-то заграничный?.. Интересно,

что отец и старшие братья Петра не воспитывались, судя по данным подобных книг, с такой ярко выраженной «военной направленностью».

Учить Петра начинают довольно поздно (это отмечено, в частности, Ключевским), начинается ученье по настоянию брата Федора (дополнительный штрих к характеристике Федора: он не только образованный и понимающий необходимость образования человек, но и лояльно и даже дружественно относится к осиротевшему младшему брату. Возможно, именно благодаря этому покровительству старшего брата, Петр просто остался жив). Учили Петра русской грамоте. К учителю своему Никите Зотову он был привязан; Петр рано научился ценить преданных людей. Дальнейшее образование Петра опять же вызывает удивление: языки, математика, фортификация... И все это – среди множества дел, военных и гражданских; и учился сам, свое было желание – учиться...

Мы можем сказать, что именно при Петре основной единицей общества становится постепенно уже не род-клан, а именно семья, и начинается формирование личности, ее потребностей и свобод. В этом смысле важно то, что указами Петра была введена в общество женщина, и, соответственно, явилась необходимость дать девушке образование; была сведена к минимуму унижительная возрастная зависимость младшего от старшего, столь характерная для клановой системы и, конечно, тормозящая развитие «служилого» общества. Все это, разумеется, прежде всего, назначалось для «высшего класса», для аристократии, но естественным образом проникало во все общественные слои. И для самого Петра довлеют, в первую очередь, не клановые, но семейные и личностные привязанности. На основе взаимопонимания строились его отношения с сестрой Натальей, которая была на год моложе его. Сохранился ее портрет в европейском костюме – все тот же романовский тип: высокорослая, темноглазая и темноволосая красавица. Ей приписывают несколько дошедших до нас стихотворений – любовная лирика – в народном стиле песенном. Возможно, она сама писала пьесы для домашнего театра, устроенного ею в Преображенском. Около 1710 года она переехала в Санкт-Петербург, где также учредила общедоступный бесплатный театр. Умерла в 1716 году. Ее покровительству поручает Петр свою возлюбленную Екатерину. И, когда традиция династических браков возрождена, «обустроить» в Москве житье молодой супруги царевича Алексея, Софии-Шарлотты, снова поручается все той же Наталье Алексеевне...

Здесь нам как раз будет уместно обратиться к семейной жизни Петра, о которой также написано очень много, и книг исследовательского характера, и просто романов, повестей, поэм и т. д. Но прежде всего будем помнить, что семейная жизнь правителя не есть некий пикантный довесок к его внешне- и внутривластной деятельности, но она непосредственно с этой деятельностью связана.

О первом браке Петра мы уже говорили. Евдокия Лопухина была сослана в суздальский Покровский монастырь, но в монахини пострижена не была, то есть сохраняла права на престол. Известен и ее достаточно мирской образ жизни в монастыре, и ее связь интимная со Степаном Глебовым. Впрочем, кто бы имел право бросить в нее за это камень? В 1718 году, во время следствия по делу царевича Алексея, мать его была пострижена под именем Елены и переведена в отдаленный Ладожский монастырь.

Но почему же супруга Петра была сослана? Ведь подобная ссылка царицы отнюдь не внутрисемейное, но государственное дело. Ссылка царицы в Суздаль связана хронологически с последним выступлением Софьи. Но столкновения и конфликты с представителями клана Лопухиных начинаются еще до первого Азовского похода (1695). В

1693 году рождается третий сын Петра и Лопухиной – Павел. В 1694 году умирает мать Петра, поддерживавшая Лопухиных. Петр отказывается от «клановой практики». Если, например, его поддерживают представители Апраксиных (клан вдовы Федора Алексеевича), то Лопухины, напротив, решаются на конфронтацию с новыми, «служилыми» сотрудниками Петра и, в частности, с кукуйскими выходцами. Лопухины поддержали Софью. Может ли это показаться странным? Нет, если вспомнить, что подобную «антицарскую» политику пытались проводить и прежде «кланы цариц» – Салтыковы и Стрешневы. То есть, не видя для себя возможности возвышения при своей ставленнице на троне, клан смело пускался в дальнейшие интриги. Каково же было в подобном случае положение женщины, царицы (или как в случае с Ксенией Ивановной – старицей Марфой, матери царя)? Конечно, ее положение было трудным. Ведь будучи «женой мужа», она оставалась и «человеком своего клана». Старица Марфа вступалась за Салтыковых, так же поступала в отношении своих родичей и Евдокия Стрешневых. Только после смерти Марьи Милославских окончательно пал ее клан Милославских-Морозовых. Позднее Петр напишет о своей первой жене, что был ей «несносен» и что она «была глупа». Возможно, он видел в том, что она поддержала своих родичей, именно глупость, не более того. Но уже в деле царевича Алексея Лопухина действует совершенно четко и осознанно: цель ее – престол...

Но, может быть, у царицы имелись личные мотивы для неприязни к мужу? Например, его интимная связь с известной Анной Монс... Но и тут нас ожидает кое-что любопытное. Когда родилась Анна Монс, мы сказать не можем. Была ли она ровесницей Петра? Кукуйская слобода, конечно, не столь обширный край, но никаких следов знакомства, а тем более интимной связи Петра с Анной Монс в период его семейной жизни мы не имеем. Один за другим рождаются в царской семье дети. С 1695 по 1698 год Петр в постоянных разъездах. Два Азовских похода, важная заграничная поездка – Голландия, Англия, Вена. Петр знакомится с Европой, Европа знакомится с Петром, знакомится с династией Романовых, которой предстоит сыграть значительную роль в европейской истории.

С женой Петр переписывается. Ни поддержки, ни ободрения она, конечно, ему не выражает в своих письмах. Более того, оставленная на столь длительный срок молодая женщина все более делается в полной мере «человеком своего клана». С Анной Монс Петр не переписывается. Вернее всего, у них еще нет никаких отношений. Мог ли он вступить с ней в близкие отношения в короткий промежуток, когда после Азова приехал в Москву и весной 1697 года вновь уехал за границу, в Европу? Переписки с Анной и на этот раз нет. Начинается между ними переписка, только когда царь отправляется в новый Азовский поход (1698–1699). С этого времени возможно говорить точно о близких отношениях Петра с Анной Монс.

Об этой женщине пишут очень многие, в основном те, что и не могли быть с нею знакомы. Например, австрийский посланник Гварьент или супруга английского посланника леди Рондо. Они пишут об Анне и ее отношениях с Петром уже по слухам. Каким ремеслом занимался отец Анны, чем кормился, – не установлено. Не надобно думать, что въезд и выезд, переезд из одной страны в другую были в семнадцатом веке таким простым делом – требовалось обзавестись порядочным числом всевозможных разрешительных бумаг. Из братьев и сестер Анны нам известны Модеста-Матрена, Филимон и Виллим. Последний, судя по всему, моложе Анны. Роман Анны с Лефортом – полнейшая область сплетен. В первые наезды Петра в Кукуй Анна, вернее всего, – еще совсем маленькая девочка.

Необходима ли была какая-то особенная интрига, чтобы свести Петра с Анной? Едва ли.

Вернее всего, здесь Петр выбирал сам. Психологически совершенно ясно было, что именно здесь, в Кукуйской слободе, он и найдет себе женщину близкую, принадлежащую одновременно и Европе и России. Не видно, чтобы выбор Петром именно Анны был кому-то выгоден, кроме, разумеется, ее братьев и сестры. Впрочем, один из них, Виллим, уже входил в круг близких Петру людей и мог способствовать знакомству царя с Анной. Потомки Матрены (в замужестве Балк) составили один из российских дворянских родов (любопытно, что в дальнейшем Балки породнились с Лопухиными).

Никаких следов влияния Анны Монс на государственные дела нет. Всего лишь несколько просьб по поводу частных лиц. И, разумеется, никаких следов баснословного богатства. Кажется, ничего достоверного, кроме денежного обеспечения Анны и ее матери (отца ее уже давно нет в живых).

В 1703 году утонул саксонский посланник Кенигсек, находившийся в России с 1702 года. После его смерти якобы в его бумагах обнаружили письма к нему Анны Монс. Как замечает суровый Семевский: «Новая связь была искусно скрыта, и недостойная подруга Петра была до такой степени нагла...» Вероятнее всего, «новая связь» была скрыта столь искусно, что о ней не знали и сами непосредственные ее участники – Анна Монс и столь кстати погибший Кенигсек. Обвинялась ли Анна Монс в государственной измене? С 1704 года она содержится под домашним арестом, с 1706 года ей дозволяется посещать церковные службы (она оставалась лютеранкой). Известно, что за нее просили Головин и прусский посланник Кайзерлинг. Известен и конфликт последнего с Меншиковым, не желавшим освобождения Анны (находившаяся вместе с ней замужняя сестра была освобождена по просьбе Головина). Инициатором хлопот об освобождении сестер Монс был муж Матрены, Федор Балк...

Наконец Анну освобождают. Точных сведений о ее замужестве за Кайзерлингом нет. Он умер в 1711 году. Сама Анна – в 1714. Являются ли ее детьми мальчик и девочка, упоминаемые в письмах ее матери, и «сирота», которой она завещает жемчуг, неизвестно. Судя по письмам Анны и ее матери, последние годы жизни Анны прошли в бедности. Подаренный ей некогда Петром его портрет она сохраняла до смерти...

Обвинять Анну в крушении семейной жизни Петра с его первой супругой было бы нелогично, просто даже исходя из хронологии. Современники об Анне почти не писали (еще одно доказательство того, что ее не полагали играющей значительную роль в делах государственных). Писания о ней «по слухам» – и доброжелательные, и менее доброжелательные (открыто негативных оценок не было) – можно, вероятно, отнести к разряду «сплетен» и не принимать в расчет...

Точное начало интриги против Анны, то есть «уличение ее в измене» нам неизвестно. Но в 1704 году у Петра уже отношения с другой женщиной, с которой он знакомится в доме Меншикова. С 1705 года она уже при дворе. В 1706 (или в 1707) году рождается первый ребенок ее и Петра – дочь Екатерина.

Кому же могла быть выгодна интрига против Анны? Останавливаясь невольно на двух личностях: Меншиков и пастор Глюк, перешедший на русскую службу. Вот, например, что сообщает о нем М.А. Голубцова в статье «Московская школа петровской эпохи», помещенной в сборнике «Москва в ее прошлом и настоящем»: «Препозит Глюк» – очень интересная личность. Это был человек образованный, интересовавшийся школьным делом. Поселившись в Лифляндии в 1680 г., он был сперва пастором, а затем пробстом и усердно заботился об умножении школ, в том числе и среди русских раскольников восточной части

Лифляндии... Глюк... составлял школьные учебники на русском языке, переводил Библию. Последнее время Глюк жил в Мариенбурге: при осаде этого города русскими войсками он вместе с семьей попал в плен и был привезен в Москву... По прибытии Глюка в Москву, его, как полоняника, ведал Разрядный приказ, и его держали под караулом. Вскоре, однако, он был передан в ведение Посольского приказа и сдан на поруки пастору Немецкой слободы Фагециусу... С 20 января 1703 года Глюк уже числился на службе и получал «государево жалованье»...» До самой своей смерти в 1705 году Глюк ведал московской «немецкой школой», в которой «российские юноши» изучали иностранные языки, геометрию, географию и т. д. Это в его семье была домоправительницей и воспитательницей его детей юная особа, точное имя которой нам неизвестно (по одним источникам – Марта, по другим – Елена). «Schones Madchen von Marienburg». Осталось неизвестным и происхождение имени Екатерина (это имя она получила при крещении в православие, крестным отцом ее был ее сверстник – царевич Алексей, отсюда отчество – «Алексеевна»). Кто был ее отец? Лифляндский обыватель? Крестьянин? Небогатый землевладелец? Нет точных данных. Однако от приведенных ею во дворец родственников пошли дворянские роды Гендриковых, Скавронских, Шепелевых. Когда Екатерина Алексеевна оказывается при дворе, рядом с нею – Анна, сестра Меншикова, и Дарья и Варвара Арсеньевы; впоследствии Дарья станет женою Меншикова.

С Екатериной Алексеевной Петр прожил всю свою дальнейшую жизнь, она стала его второй женой. Как видим, основной чертой интимной жизни Петра были верность и постоянство в привязанностях. Мы можем с уверенностью говорить только о трех женщинах в его жизни: о Евдокии Лопухиной, Анне Монс и Екатерине Алексеевне. Двор Петра не знал женского фаворитизма. Глухие слухи о его коротких романах с фрейлиной Екатерины, Марией Гамильтон, с Анной Крамер или с дочерью перешедшего на русскую службу валашского князя Дмитрия Кантемира Марией (сестрой поэта и дипломата Антиоха Кантемира) и по сей день остаются не более нежели глухими слухами. Мы можем предположить, что сторонник женского просвещения Петр не любил, когда любимые им женщины пытались играть некую роль в жизни государства. Так, за поддержку своего клана удалена была Евдокия Лопухина. Возможно, именно обвинения в государственной измене или даже просто в попытке вмешательства в государственные дела сыграли главную роль в опале Анны Монс. Умный Меншиков не выставляет напоказ свое безусловно имевшее место влияние на Екатерину Алексеевну. Но едва к ней входят в доверие Матрена Балк и Виллим Монс, Меншиков начинает против них интригу, завершившуюся для них весьма трагически: для Монса – казнью, для семьи Балков – ссылкой, из которой они, впрочем, были спустя недолгое время возвращены. Сохранились русские стихи, писанные Виллимом Монсом. Его, не преувеличивая, можно назвать первым русским лирическим поэтом.

Был ли Монс возлюбленным Екатерины? Верил ли в это Петр? Получил ли он письмо с подобным доносом на любимую жену? Об этом сведений нет. Как, впрочем, нет сведений о том, что до Петра она была возлюбленной Боура и Меншикова. В круг Меншикова входил пастор Глюк, к домочадцам которого принадлежала будущая императрица. Нет, конечно, и никаких данных о первом замужестве будущей Екатерины Алексеевны. Во всяком случае, она находится в Мариенбурге именно в семействе Глюка, а не с мужем.

И еще – чтобы покончить с пикантной темой любовных походов Екатерины: уже будучи признанной возлюбленной Петра, она спокойно переписывается с Меншиковым, его сестра, его жена и свояченица – близкие ей люди; в одном из писем, например, она просит

прислать няньку для своих маленьких детей. Именно к Меншикову обращается Петр, прося его передать Екатерине и ее маленькой дочери деньги в случае, если Петр погибнет (1708 год, идет война с Карлом XII). Предположим, Екатерина действительно была в свое время возлюбленной Меншикова. Но тогда или Петр – человек редкостной терпимости, или, может быть, Меншиков дал ему честное слово, что «больше никогда-никогда не будет»... Или же просто сказки о «мариенбургской солдатской девке» сильно преувеличены...

С таким же недоверием можно отнестись к предполагаемому «роману» Екатерины с Монсом. К этому времени она уже родила Петру восьмерых детей, прежде уличаема в изменах не бывала; и, наконец, если сопоставить сведения, выйдет, что «роман с Монсом» протекает на фоне резкого ухудшения ее здоровья (она всего на два года пережила Петра).

Вот, кстати, перечень детей Петра и Екатерины. Воспользуемся случаем и приведем его, поскольку он приводится крайне редко.

Екатерина (1707/6—1708); Анна (1708—1728); Елизавет (1709—1761); Мария (1713 – умерла в том же году); Маргарита (1714—1715); Петр (1715—1719); Павел (родился в 1717 году во время заграничного путешествия родителей, скончался через несколько дней после рождения); Наталья (1718—1725 – умерла вскоре после смерти отца, гроб ее был выставлен в той же траурной зале).

Как бы там ни было, но сколько раз Екатерина, не желая надолго разлучаться с мужем, отправлялась к нему, беременная, в дурно устроенных каретах, по неудобным и небезопасным дорогам. Именно ей он писал:

«Мы, слава Богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо левшую не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо; а помочников сколько, сама знаешь!» Едва ли он ждал в ответ ценных советов, ему важны были просто любовное тепло и ласка, понимание того, как ему нелегко...

Екатерина уже была «женщина семьи»; у нее были, конечно, родственники, и, явно, она о них позаботилась, но того, что возможно было назвать «кланом», у нее не было. Никогда не стоял перед ней выбор: «свои» или муж. Муж был единственно важным лицом в ее жизни...

До сих пор остается загадкой так называемое «дело царевича Алексея». Мы достаточно легковерно относимся к версии об Алексее – «защитнике старины». Но все же попытаемся понять, кто был Алексей Петрович и что с ним произошло. Хотя, если честно признаться, понять это непросто, да, пожалуй, что и невозможно.

В год Полтавской победы (1709) Петр отправляет сына за границу продолжать образование. Из письма отца к сыну ясно, что французский и немецкий языки Алексей уже изучает. Отец предполагает, что сын должен изучить геометрию, фортификацию, а также «политические дела» (основы дипломатии?). А через полтора года князь Трубецкой и граф Головкин отписывают царю, что сын его вполне преуспевает в изучении геометрии и прочего. Таким образом, мы знаем теперь, что Алексей Петрович получил европейское образование. Затем следует важная для Петра и для династии Романовых женитьба царевича. Наконец-то Петр достойно завершает усилия прадеда и деда: традиция династических браков восстановлена. Женой Алексея Петровича становится София-Шарлотта Бланкенбургская, сестра которой Елизавета замужем за австрийским эрцгерцогом Карлом, будущим императором Карлом IV. Возможно, именно с этой Елизаветой связано то, что третья дочь Петра от Екатерины получает редкое в России имя – Елизавет. В 1714 году рождается царевна Наталья Алексеевна, в 1715 году – царевич Петр Алексеевич. И вскоре после его рождения молодая мать умирает.

Недолгая семейная жизнь царевича не была благополучной. Еще при жизни Шарлотты явилась при нем другая женщина, точное происхождение которой неизвестно. Познакомил с ней царевича его первый учитель грамоты Афанасий Вяземский. Есть сведения о том, что Ефросинья была финкой, крепостной Вяземского.

Между тем, толки о дурном обращении с принцессой Шарлоттой в Москве ширятся за границу и особенно усиливаются после ее смерти. Петру эти толки были крайне невыгодны. Ведь не так легко это было; устроить династический брак, найти компромиссный вариант решения щекотливого вопроса о вероисповедании (принцесса оставалась лютеранкой, но дети ее должны были воспитываться в православной вере). Крайне необходимо было России войти твердо в «контекст» европейской политической жизни. Продолжалась Северная война, определялась линия стабильной конфронтации России и Османского султаната. В первое десятилетие XVIII века продолжают попытки регионов, недостаточно интегрированных в состав государства, проводить антигосударственную политику (выступление Булавина на Дону, волнения в Астрахани, волнения башкирцев).

В 1715 году произошло событие в царской семье, крайне неприятное для царевича. Почти одновременно с его сыном рождается первый сын Петра от Екатерины. Теперь Алексей Петрович справедливо может опасаться, что ни он сам, ни дети его не унаследуют престол. (А закона о престолонаследии все нет.)

Здесь необходимо сделать оговорку: очень трудно понять, какую политическую программу выдвигала «партия» царевича. Совершенно ясно, что речь не шла о приостановке идущих реформ. Любопытно и то, что «род-клан» в качестве политической силы, кажется, окончательно сошел со сцены российской истории. За царевичем стоит уже, что называется, «партия», «группировка». Интересно также участие матери царевича в этой интриге. Теперь и с ней уже не «клан», а «группировка», в которой главные роли принадлежат ростовскому епископу Досифею и ее возлюбленному Степану Глебову.

В 1716 году царевич тайно, в сопровождении Ефросиньи и ближних людей покидает Россию. Если бы мы даже и верили безоговорочно в миф о царевиче – «защитнике старины», нас все равно очень удивил бы его маршрут. Вена, Неаполь, Рим... Зачем же «защитник» так рвется даже и не просто в Европу, а в самое сердце католической Европы? И еще один, достаточно логичный вопрос: а где возможно было Алексею Петровичу приобщиться к так называемой «старине» (назовем это «допетровским образом жизни»)? Ведь его воспитанием руководила сестра Петра, Наталья Алексеевна, горячая сторонница брата...

Петра в то время, как Алексей бежит из России, также в России нет, он в Копенгагене, в Дании.

Выступая соперником отца, Алексей Петрович явно желает заручиться поддержкой в Европе. Прежде Романовы ни с чем подобным не сталкивались. Петр единолично представлял в Европе Россию и династию. Сведения о некоторых «европейских жалобах» Алексея Петровича мы имеем. Он жаловался на дурное обращение в Москве с его покойной супругой и на то, что он сам и дети его ущемлены в правах, а ему даже грозит гибель... Почему царевич оказался в Вене? Вспомним хотя бы, за кем была замужем сестра его жены... Насколько царевич был прав в своих жалобах? По крайней мере, в одном его правота, вероятно, бесспорна: с рождением сына Петра и Екатерины положение Алексея и его детей как возможных наследников престола делалось весьма шатким.

Интересно также и продолжающееся «дробление» династии на противостоящие линии. При Алексее Михайловиче сложились линии Романовых-Милославских и Романовых-Нарышкиных. При Петре линии эти представлены, прежде всего, разумеемся, потомством самого Петра и потомством Ивана Алексеевича (незамужние сестры Ивана и сестра Петра Наталья – как бы не в счет). И вот оформляются уже внутри «Петровской линии» две новые – потомство от Лопухиной и потомство от Екатерины Алексеевны. Следует отметить, что подобное династическое «дробление» вовсе не является произвольным, зависящим всецело, например, от личностных брачных пристрастий. Нет, оно в истории любой династии закономерно и неминуемо.

Можно вообразить себе тревогу и даже отчаяние Петра. С «внутренним выступлением» справиться было не так трудно. Но то, что сын пытался потеснить его с внешнеполитической арены, подорвать его репутацию, – вот это было для Петра очень и очень серьезно и опасно. Надо сказать опять же, что обо всей дальнейшей закулисной дипломатии нам доподлинно ничего неизвестно. Однако с помощью Петра Толстого, человека незаурядных дипломатических дарований, удастся убедить Вену и Неаполь не поддерживать Алексея Петровича. Вероятно, он был серьезно дискредитирован в глазах тех, что могли стать его потенциальными сторонниками. Наконец царевич возвращается в Россию. За ним везут его беременную возлюбленную. Сохранилась их короткая переписка, и если переписка эта не является поддельной, то из нее можно заключить о глубокой привязанности Алексея Петровича к женщине, известной под именем Ефросиньи: он тревожится о ее здоровье, об их будущем ребенке. И еще раз хочется повторить: нам кажется, что мы очень даже осведомлены обо всей этой истории; особенно, конечно, благодаря известному фильму «Петр I», в котором были заняты прекрасные актеры. Но на самом деле известно очень и очень мало. Кто была Ефросинья, кто стоял за ней, какую роль она сыграла в зарубежном вояже царевича – все тайны. Здесь мы ненадолго отвлечемся, чтобы сказать несколько слов о воздействии кинематографа. Например, в реальности у нас нет никаких оснований полагать царевича слезливым и безвольным. Но с одной стороны – скупые свидетельства, дающие образ человека, ведущего свою «политическую игру», а с другой – одаренный актер, создающий силою своего таланта характер убедительный, хотя и не имеющий отношения к реальной истории. И еще одна забавная деталь: трудно отыскать на территории бывшего СССР человека, который не был бы знаком с фильмом «Петр I»; и, разумеется, Екатерину Алексеевну мы все представляем в обличье актрисы Аллы Тарасовой – разбитной блондинкой. А между тем, портреты Екатерины Алексеевны, хотя и не так часто, но воспроизводятся в репродукциях и изображают смуглолицую брюнетку с вьющимися черными волосами... Поэтому будем всегда помнить, что исторический роман, кинофильм, пьеса не есть источники информации для нас, но прежде всего – проявления творческой фантазии авторов, придерживающихся определенных исторических концепций... И невольно вновь и вновь вспоминаешь Пушкина: «Полтава», «Медный всадник», «Арап Петра Великого», «Капитанская дочка»... Как он умел, уйдя от «выраженной концептуальности», показать историю в ее трагической противоречивости...

А между тем, царевич у нас уже в Москве. Кажется, он уже понял, что его игра проиграна; кажется, он желал бы сделаться «частным лицом» и жениться на своей возлюбленной. Точных данных нет. Но судьбы Романовых, проигравших «свои игры», будут оставаться еще долго жестокими и страшными. Почему? Потому что реально упорядочивает престолонаследование только Павел I. Его потомки уже не ссылают друг друга в далекие

северные края и не моряют в крепостях; уже есть возможность опереться на четко сформулированный закон. Ни у Петра I, ни у его преемников, до Екатерины II и Павла I включительно, такой возможности еще нет. Вот отсюда – страшная участь, постигшая Алексея Петровича, маленького Ивана Антоновича, его мать Анну Леопольдовну и прочих ее детей. И вот почему впоследствии Константин Павлович кончил свои дни действительно «как частное лицо», а не в каком-нибудь северном узилище в вечной ссылке под охраной...

А покамест Петр начинает «московский сыск». Арестованы люди из «партии» Алексея: Василий Долгоруков, Никифор Вяземский. Казнены Кикин, дьяк Воронов, ближний человек царевича Большой-Афанасьев, сопровождавший Алексея за границу. Казнены и люди из «группировки» Евдокии Лопухиной: Степан Глебов, расстриженный епископ Досифей, Пустынский, Журавский и др. Петр и царевич отправляются в Петербург, туда же должны привезти для допросов и Ефросинью...

Интересно, что казни эти – публичные... Но можем ли мы полагать, что Петр действовал с какою-то особенной жестокостью? Ну, конечно, нет. Эта расправа с политическими противниками не приняла характер «всеобщего сыска». Никаких «народных выступлений» в поддержку Алексея Петровича и его сторонников не произошло... Приведем цитату из Соловьева:

«Перед Петром не был сын, неспособный и сознающий свою неспособность, бежавший от принуждения к деятельности и возвратившийся с тем, чтоб погребсти себя в деревне с женщиной, к которой пристрастился. Перед Петром был наследник престола, твердо опиравшийся на свои права и на сочувствие большинства русских людей, радостно прислушивавшийся к слухам и замыслам, имеющим целью гибель отца, готовый воспользоваться возмущением, если бы даже отец и был еще жив, лишь бы возмутившиеся были сильны. Но этого мало: программа деятельности по занятии отцовского места уже начертана: близкие к отцу люди будут заменены другими, все пойдет наоборот, все, что стоило отцу таких трудов...»

Очень «концептуально характерная цитата». Перед нами очередная попытка Романовской концепции «сесть на два стула»: опереться разом и на национальную доктрину, прокламирующую идею о некоем «народе, стороннике стародавних обычаев», и на концепцию интеграции России «в европейский контекст». Но мы уже знаем, что никакой стабильной «старины» не было в русской истории, особенно в истории первых Романовых, да и ни в какой истории не вычленишь период «старины». Что же касается «большинства русских людей», или лучше назовем это: «сторонники кардинальной смены политического курса», то можно смело предположить, что большинство среди лиц, имеющих значение для политических мероприятий внутри и за пределами страны, составляли именно сторонники Петра. Более того, «партия» Алексея Петровича также вовсе не намеревалась «кардинально менять курс». И после Петра уже никто и никогда не предпринимал попыток изменить этот самый «курс» резко и кардинально. Оснащенный Петром корабль двигался в одном направлении при всех преемниках Петра. А существовали они вообще, эти «сторонники смены курса»? И если бы они существовали, то в какое «назад» они могли бы желать повести Россию? Куда? К чьим порядкам? Софьи? Федора Алексеевича? Алексея Михайловича? Михаила Федоровича? Бориса Годунова? Или уж прямо к Ивану IV Грозному?.. И ведь все это разные правители, различные исторические периоды... Куда «назад»? Назад к засилью родов-кланов, которые, подобно Хованским, готовы сами претендовать на престол и власть? Назад к разрыву с Европой? Но это было бы уже и не

«назад», а какое-то новое «вперед», ведь Романовы всегда понимали насущную необходимость единения с европейской правящей аристократией... Интересно, а что еще могло ожидать именно Романовых на этом пути «вперед»? Гибель, конечно. Россия, отъединенная от Европы, гражданской ли войной, политикой ли «железного занавеса», для Романовых была гибелью. В такой России, не прошедшей «школу» конституционной монархии и сбалансированной системы образования и просвещения, неминуемо (в традициях развитого феодального демократизма) должен был прийти к власти «лучший человек» – тоталитарный диктатор...

А покамест царевич уже в Санкт-Петербурге. Допросы его и его возлюбленной. Кажется, ее показания дают делу новый ход... Что случилось с их ребенком? Вероятно, он родился мертвым, умер при рождении или... был при рождении убит!..

Далее... Царевич умирает, и его торжественно погребают рядом с останками его покойной супруги. Был ли царевич убит? Находился ли он в заключении в Петропавловской крепости или же под «домашним арестом»? Ясно, что смерть старшего сына решала для Петра многие проблемы. Конечно, молодые Романовы еще не играли в такие жестокие игры. Но в истории Рюриковичей, которых Романовы прокламируют как своих предшественников, прецеденты были, была уже даже и своего рода «модель» расправы с непокорным и, соответственно, «недостойным» сыном (вариант: братом). Так, по приказанию Александра Невского (личность крайне значимая для Петра) казнен за поддержку выступления новгородцев его старший сын Василий. Иван III жестоко расправляется с младшим братом Андреем Горяем и сыновьями последнего. Елена Глинская, вдова его сына Василия Ивановича, уничтожает деверей – Андрея и Юрия. Впрочем, до этого интригами Зои-Софьи Палеолог были уничтожены сын Ивана III от первого брака Иван Молодой и его сын Дмитрий. Уничтожение Иваном IV Грозным семейства Старицких (династическая линия его дяди Андрея), убийство Грозным сына Ивана довольно нам известны. И мы вновь напоминаем обо всем этом для того, чтобы показать: если Петр действительно принял решение о тайном убийстве сына, то вот на какие прецеденты он мог опереться...

В 1905 году в августовской книжке «Русской старины» было опубликовано сообщенное А. А. Карасевым письмо Александра Румянцева к Дмитрию Ивановичу Титову. Это письмо содержит подробное описание убийства царевича, тайно осуществленного по тайному же приказу царя Румянцевым, Толстым, Бутурлиным и Ушаковым. Имеется ли оригинал этого послания и где он хранится, мне неизвестно...

И снова и снова приходится напоминать о том, как мало мы на самом деле знаем о событиях, которые кажутся нам очень и очень известными. А на самом-то деле не так уж много опубликовано материалов и слишком уж о многом мы можем говорить только предположительно. Пушкину, например, первому было позволено заглянуть в некоторые материалы петровского времени. Его «История Петра Великого» так и не была написана, осталась в набросках. Написана была позднее книга о Петре Устрялова... Вот оно как: вроде бы написано очень-очень много, а все выходит, что мало и темно... Впрочем, не с одним лишь Петром – и с другими из династии Романовых не проще. Кажется, до сих пор не переиздано в полном объеме увидевшее свет в 1885 году в Англии сочинение В. А. Бильбасова «Екатерина Великая»...

Но возвратимся к нашему Петру. Итак, в 1718 году умирает Алексей Петрович. А в следующем году скончался и четырехлетний сын Петра от Екатерины, Петр Петрович. Теперь единственная мужская «отрасль» Романовых – четырехлетний Петр Алексеич,

внук Петра, сын Алексея и Шарлотты Бланкенбургской... Мы уже много раз вспоминали о неопределенности порядка престолонаследия. Вспомним еще раз. Конечно, рождение сыновей, появление именно мужского потомства приветствовалось не только в российской царской, но и в любой русской или европейской семье (патриархат, что поделаешь!). Но... В Англии, например, где женщина, выйдя замуж, лишалась права распоряжаться своим «приданым имуществом» (это право переходило к ее мужу), не существовало законодательства, которое запрещало бы женщине вступление на престол... И в России «такого закона не было». Ирина Годунова, как мы уже говорили, едва не попала на престол. И Софья не стала царицей вовсе не вследствие своего пола. Таким образом, каждый из Романовых, окружавших Петра (включая его жену) мог (вернее, могла) мысленно примерять на себя корону. Во всяком случае, никаких законодательных препятствий к этому не было. Более того, над Екатериной Алексеевной был совершен торжественный обряд коронации, помазания на царство. Но еще до этого, в 1722 году, был обнародован указ, согласно которому правитель сам избирал наследника. Подданные присягнули в том, что воля государя будет исполнена. Это была первая серьезная попытка гарантировать государству невозможность «смуты» после смерти очередного правителя. И опять – вспомним: поспешное удаление Алексеем Михайловичем датского жениха Ирины Михайловны, ссылка князя Хованского; далее – попытка посадить на трон маленького Петра «в обход» старшего брата, Федора Алексеевича; далее – после смерти Федора – трое претендентов: Иван, Петр и Софья... Указ Петра закреплял, по крайней мере, то, что будущий правитель не будет «избираться», но получит власть непосредственно по четкому распоряжению правителя предыдущего. Однако сам Петр медлил с подобным распоряжением. Надеялся ли он иметь еще детей? Царевна Наталья Петровна родилась в 1718 году... Почему он короновал Екатерину? То, что она уже была его венчанной женой, не давало ей никаких прав. Официальная коронация закрепляла за ней и ее детьми определенные права, включая их на более или менее «законных» основаниях в круг претендентов...

В сущности, Петру выбирать было не из кого. Вспомним, как заботился он в свое время о том, чтобы старший сын получил образование, достойное идеального будущего правителя: языки, математика, фортификация, военное дело, знания в области политики... Познаниям в военном деле, не только теоретическим, но и практическим, Петр придавал особое значение. И вот... Вместо взрослого сына, уже выученного, рядом оказались одни лишь женщины да внук, маленький мальчик... О потомстве Ивана Алексеевича, конечно, речь вовсе не шла. Младшую дочь, Елизавету, Петр, кажется, намеревался выдать замуж за границу, во Францию. «Кажется», потому что никаких твердых, невозможных к отмене решений он так и не принял. Впрочем, здесь дело зависело не только от него, но и от французских политиков. А подобный брак был бы очень важен для Петра и Романовых, и сейчас мы узнаем, почему... А пока – еще о возможных наследниках. Вторая дочь, Анна... Более пяти лет Петр держит при дворе молодого Карла-Фридриха, разоренного многолетней Северной войной герцога Шлезвиг-Гольштайн-Готторпского. В 1721 году, скоро после своего приезда в Россию, герцог впервые видит юную Анну Петровну. Если верить писаниям приближенных герцога, «Дневнику» Берхгольца и «Запискам» Бассевица, юноша и девушка понравились друг другу, и чувства их все возрастали... Имел ли Петр в виду Карла-Фридриха и Анну в качестве вероятных своих наследников? Во всяком случае, при его жизни они не были обвенчаны.

А корона, которую все петровское окружение уже мысленно примеряло – каждый

(вернее, каждая) на себя, – это уже была не шапка Мономаха, не азиатский головной убор, увенчанный византийским крестом и опущенный русским мехом; и даже не простая европейская корона. Нет, в последние годы царствования Петра Великого это была уже корона всероссийской империи!..

В 1721 году заключен был Ништадтский мир, знаменовавший окончание более чем двадцатилетней Северной войны. Россия получила Балтику, столь желанный, столь необходимый ей морской европейский путь! По этому случаю, кстати, особым указом были прощены все преступники, «кроме разбойников и святотатцев», прощены были также государственные должники, отменена была выплата задолженностей, накопившихся с начала войны (1700 год) до 1718 года. В 1721 году, осенью, Сенат постановил единогласно поднести государю титул Императора, Отца Отечества и Великого. Однако тотчас признали Россию империей только Пруссия и Голландия. В Вене австрийский император Карл (муж Елизаветы, родной сестры несчастной Шарлотты, супруги царевича Алексея) не проявил энтузиазма. Между прочим, это у него Алексей в свое время искал покровительства... В Париже регент Филипп Орлеанский намеревался «подумать»... Польша и Дания требовали территориальных уступок... В конце концов, конечно, все признали: Швеция – в 1723 году, Османский султанат – в 1739, Англия и Австрия – в 1742, Польша – в 1764. Франция признала Россию империей лишь в 1754 году... Вот теперь, кажется, понятно, как важен был бы для Петра «французский брак» его дочери; ведь этот брак означал бы если не признание Российского государства империей, то уж, в любом случае, – первый шаг к подобному признанию...

Мало было объявить свое детище – крепнущее Российское государство – империей Всероссийской, надо было еще добиться признания. Но и с обычными своими детьми обстояло у Петра дело не так просто. Ведь обе его дочери, Анна и Елизавет, были рождены до вступления их родителей в законный брак, до венчания, и были, что называется, «привенчаны», что, впрочем, по старым российским, московским законам все равно не давало им никаких прав. Петр меняет законодательство, облегчая положение незаконнорожденных: теперь и они могут наследовать по распоряжению родителей. По указу Петра устроены были и приюты при богадельнях, где возможно было оставить незаконнорожденного ребенка, не открывая своего звания и имени, тайно. Это должно было предотвращать детоубийства. С этим, вероятно, была связана и «показательная» казнь несчастной Марии Гамильтон по обвинению в детоубийстве, отослать своего ребенка в приют фрейлина Екатерины не рискнула. Побоялась огласки? И воспользовались ли подобным приютом для незаконнорожденного ребенка царевича Алексея Петровича и женщины, известной под именем Ефросиньи?.. Да, трагикомедия... Все ближе мы подходим к концу петровского царствования. Снова припоминаем, перебираем события, удивляемся... За каждым указом, за каждым действием, за каждой вроде бы мелочью стоит четкое желание ввести Россию «в мир» и взять «у мира», у Европы именно то, что способствовало бы именно развитию российской самобытности... Вот указ о том, чтобы «считать лета не от сотворения мира, а от рождения Христова», и новолетие, начало нового года полагать не с 1 сентября, как прежде, а с первого января. Так начался для России XVIII век, 1700 год... Вот известный указ о непродаже «русского платья». Но дискриминирует ли он национальную самобытность, и что он вообще означает? Прежде всего, «русское платье» означало те разновидности одежды, что существовали на период XVI–XVII веков, то есть, в сущности, модифицированные формы монгольского, азиатского костюма. По этому поводу любопытно

заметить, что всякая попытка «отстоять исконное» всегда на самом деле является попыткой «законсервировать» некий период, этап развития. И потому стоит напомнить противникам какого-нибудь тяжелого рока о том приятном времени, когда полька являлась в роли очень-очень неприличного танца...

А с петровской «одежной реформой» еще сложнее. Наш самодержавный революционер – снова впереди прогресса, он желает реформировать одежду таким образом, чтобы по возможности нивелировать именно сословные различия. Как это часто с ним бывало, Петр где-то на столетие обогнал свою любимую Европу. Ведь в современной ему абсолютистской Европе, как в допетровской Московии, по форме шапки, длине рукавов и цвету каблук можно определить именно сословную принадлежность. Но мы уже ведь знаем, какая именно Европа нравилась Петру... Интересно, что стойкое сохранение сословного принципа привело в России к довольно любопытной ситуации: даже в XX веке европейские формы одежды маркируют принадлежность к «образованному, городскому» населению, а так или иначе модифицированные разновидности костюма российского XVI–XVII веков продолжали носить в сельской местности, где население фактически не имело возможности получать образование... Приведем один пример из дневника известной Марии Башкирцевой за 1876 год. Эта молодая аристократка почти всю свою недолгую жизнь провела за границей, на родине побывала всего несколько раз. Итак: «...я отложила в сторону книгу, чтобы видеть Москву, нашу настоящую столицу, истинно русский город... Попадается много национальных костюмов – весь народ носит их, и не видно этих противных немецких курток...» Что за «противные немецкие куртки»? Европейский костюм, все тот же, нивелирующий сословные различия. По «национальным костюмам» можно распознать «народ», «низшие сословия». Естественно, сама Башкирцева станет носить «национальный костюм» только на маскараде, как впоследствии придворные Александра III и Николая II. А почему такая характеристика Москвы? А потому что «либеральный период» царствования Александра II окончился, конфронтация Российской империи с Османским султанатом резко обострилась; идеологическая ситуация в стране требует усиленной эксплуатации национальной доктрины... Но, разумеется, «национальные костюмы», «родные избы» и невозможность изучать языки, математику и фортификацию – это все «для народа». Сами пропагандисты и апологеты национальных доктрин, будь то доктрина русская, греческая, иудео-центристская, вовсе не спешат наряжаться в армяки, черные сюртуки и чалмы; Париж и европейский, нивелирующий сословные различия костюм вполне их устраивает, когда дело касается лично их...

Но мы об этом еще будем говорить. А покамест скажем, что все попытки Петра нивелировать сословную систему должны были быть напрасными. Крепостная-то зависимость ведь не только оставалась, она только-только начала интенсивно развиваться!.. И в итоге (снова повторяем) – общество, расколотое на «просвещенных» и «народ», и та любопытная попытка привить к сословному дереву небезопасный для него цветочек национальной доктрины, которую мы видим в дневнике Башкирцевой... Кстати, так сошли на нет и петровские ассамблеи, и было бы очень даже странно, если бы они привились. Но вместо них были приняты формы времяпрепровождения абсолютистской Европы – сословно замкнутые салонные собрания и балы...

Петр I Великий... О нем возможно говорить бесконечно. Он оснастил корабль Российского государства. И поплыл этот самобытный корабль среди всех бурь и треволнений истории...

Легенда о кончине Петра... нацарапанные на аспидной доске слабеющей рукой слова: «... отдать все...» (или – «... отдайте все...»)... Кому? О Господи! Да тому, кто сможет, сумеет это самое ВСЕ удержать!.. Или иное думалось гению? Нечто такое, что и по сей день еще не понято?..

Первые преемники Петра – Екатерина I (правила с 1725 по 1727) и Петр II (правил с 1727 по 1730)

Правление вдовы Петра и затем его внука продлилось столь недолго, что, кажется, и говорить не о чем. Но для истории династии Романовых этот короткий период, пожалуй, не менее важен, нежели довольно длительный период правления первых Романовых. Тогда Романовы только еще улаживались, обустроивались на российском престоле. Теперь предстояло уладиться на императорском троне, будучи уже, что бы там ни происходило, европейской державой.

Прежде всего, наверное, следует отметить, что никаких коренных изменений не произошло и, вероятно, и не могло произойти (что, возможно, лишний раз доказывает гениальность Петра). Не были снова введены в обращение стрелецкие слободы и боярские кафтаны. Хотя... Симптоматично, например, то, что при Петре II двор переезжает из Санкт-Петербурга в Москву. Вспомним, что еще жива была бабка юного императора, старица Елена, бывшая царица Евдокия Лопухина... Но, опять же, никакой ломки внутри- и внешнеполитического курса, никакого изменения его общей направленности не произошло...

Нетрудно было понять, что произойдет после смерти Петра. Конечно же, очередная «смута». Закона о престолонаследии нет, государь «никого не назначил», а претендентов даже слишком довольно. Но – хоть какой-то стабилизации, хоть какой-то видимости законности Петр добился. Да и борьба за власть сейчас не означает борьбу за какие-то коренные изменения. Наверное, потому все дело решают два полка на площади перед дворцом. Меншиков дождался своего звездного часа. Екатерина Алексеевна, его протеже, – императрица. Теперь – закономерно – следует ослабить совещательный орган – Сенат. При императрице создан Верховный тайный совет, куда вошли те, с кем Меншикову волея-неволей покамест приходится разделять сладкое бремя власти – Толстой, Апраксин, Голицын...

Что собой представляет вдова Петра в эти два последних года своей жизни? Как мы уже говорили, судя по свидетельствам, она больна. Однако позднее возникнет иная точка зрения, иной взгляд на вдову Петра и первую императрицу; этот взгляд, в частности, нашел отражение в прекрасной прозе Юрия Тынянова. Но будем помнить, что произведения Тынянова отражают определенный, резко негативный взгляд на династию Романовых. Впрочем, писатель вовсе не обязан быть исторически точным. Да и попробуйте быть исторически точным в отношении Романовых, где что ни шаг, то загадка, проблема, несколько версий одного и того же события... Во всяком случае, как-то все же трудно представить себе эту, еще недавно преданную жену и заботливую мать, вдруг ударившейся в такой загул, что даже умерла якобы от пьянства и излишеств...

О «французском браке» Елизаветы уже нет и речи. Да и кому этот брак улаживать? Екатерина вовсе не политик. У Меншикова другие заботы, и очень важные для него и его семьи заботы. Но Карл-Фридрих, герцог Голштинский, и Анна Петровна, они вот, они здесь, под крылом заботливой матери. И она устраивает их торжественное бракосочетание, в честь коего учреждает орден Александра Невского. Однако молодая пара не спешит в город Киль,

столицу герцога. Карл-Фридрих нанимает роскошный дом графа Апраксина (ныне на месте этого дома – Зимний дворец). Почему не уезжают герцог и герцогиня? Уж не мечтает ли Карл-Фридрих о том, что, возможно, не удалось другому голштинцу, Вольдемару, – занять российский (нет, теперь уже всероссийский) престол? Впрочем, у герцога и другие есть дела в России. Согласно брачному договору Анне Петровне должны выплатить значительную сумму, однако Сенат не спешит принять решение о выплате. Во время Северной войны одно из владений герцога – Шлезвиг – отошло к Дании. Конечно, герцог еще при Петре надеялся, что сильная Россия поможет ему вернуть Шлезвиг. Может быть, он и теперь продолжает надеяться? Но, откровенно говоря, Карл-Фридрих не производит впечатления личности с широкими политическими планами и прожектами. Он в родстве со шведским королем, а теперь и с российской, императорской уже фамилией. Он бы мог на многое претендовать, но, кажется, он претендует только на свой Шлезвиг... Бассевиц и Берхгольц, приближенные герцога, бывшие с ним в России, кроме того, рисуют Карла-Фридриха страстно влюбленным в Анну Петровну, а ее, совсем еще юную, изображают натурой сильной, властной, во многом похожей на отца. Они пишут и о ее образованности (все то же – математика, языки) и о намерении Петра оставить престол именно ей... Насколько они объективны?..

А вот Ключевский, говоря о «беспризорной второй семье Петра», наверняка необъективен. Существует довольно много свидетельств современников о том, что Петр и его жена стремились дать своим дочерям лучшее по тому времени образование. Вот Екатерина с гордостью указывает мужу, что в письме шестилетняя Аннушка «своею ручкой» приписала свое имя. Вот Петр слушает, как его дочери читают и разбирают книгу мадам Ламбер, французской писательницы просветительского направления. Не только самые последние дамские моды, но и литературные новинки скоро попадали в Санкт-Петербург...

По распоряжению Екатерины I назначаются учителя и к внуку Петра, к Петру Алексеевичу. Грамоте его обучает Семен Афанасьевич Маврин, бывший камер-паж Екатерины, а математике – близкий друг Маврина, Абрам Петрович Ганнибал, которого особо представлять не надобно. Для своего ученика Ганнибал пишет учебник геометрии и фортификации, по которому возможно учиться и сегодня. Этот свой труд Ганнибал посвящает и подносит императрице. Впрочем, юный Петр Алексеевич учился недолго, вскоре у него появились иные заботы, учителя были, в сущности, разогнаны...

Но не идеализируем ли мы Екатерину? Быть может, инициатором обучения Петра Алексеевича был светлейший князь Меншиков? Известно, что своим детям он дал очень тщательное образование. При дочерях его, Марии и Александре, как и при дочерях Петра, состоят учительницами и воспитательницами французские дворянки. Эти девочки получали, стало быть, образование в стиле французских традиций женского просвещения – романы и стихи Мадлен де Скюдери, салоны «жеманниц» – так прозвали увлекающихся литературным творчеством дам, книги той же мадам Ламбер, предназначенные специально для ознакомления девиц с науками и добрыми нравами и правилами...

Но что за дело Меншикову до малолетнего Петра Алексеевича? К чему заботы?

Меншиков заботится о закреплении своего семейства в кругу аристократии самого высшего полета. Первым женихом своей старшей дочери Марии он делает графа Сапегу, вероятного претендента на польскую Корону. Сапега богат и знатен, и от России, естественно, ждет помощи определенного вида. А покамест живет во дворце Меншикова, постепенно сближаясь с его дочерью, которой нет еще и четырнадцати. И после смерти

Петра Сапегу и семейство Меншиковых осыпает милостями императрица. Сапега торжественно обручается с Марией Меншиковой. Но планы самого Меншикова меняются и определяются. Нет, не гипотетическая польская, а реальная всероссийская императорская корона должна быть возложена на голову его дочери!

И вскоре княжна Мария объявлена невестой подростка Петра Алексеевича. Не сразу удалось этого добиться. И, вероятно, мешала не столько Екатерина, заинтересованная, конечно, в том, чтобы престол достался одной из ее дочерей. В сущности, именно императрица, первое в государстве лицо, и не обладает властью. Меншиков мог опасаться интриги своих «коллег» по Верховному совету, а они, в свою очередь, разумеется также опасались возможной бесконтрольной власти сильного Александра Даниловича. Однако покамест ни Андрей Иванович Остерман, ни Дмитрий Михайлович Голицын не препятствуют Меншикову открыто. Кто знает, вполне вероятно, что поднимаясь все ближе к трону, Меншиков вспоминал возвышение хундородных Романовых...

А что же сами жених и невеста? Как это часто случается в браках, которые суть «дела державные», именно чувства мальчика и юной девушки никого не интересовали. Но благодаря писаниям приближенных герцога Голштинского, мы знаем, что Мария Александровна впала в отчаяние, она успела искренне привязаться к молодому Сапеге. А Петр Алексеевич умолял свою старшую сестрицу Наталью спасти его от брака с девушкой, которая была старше его и не нравилась ему. Но покамест спасенья неоткуда было ждать и свадьба неумолимо приближалась. Меншиков уже позаботился и о завещании императрицы, согласно которому не только престол доставался внуку Петра, но и вменялось в обязанность Верховному совету и Сенату способствовать бракосочетанию Петра Алексеевича с Марией Александровной.

Императрица умирает.

Чего не предусмотрел Меншиков? Конечно, императрица, само ее существование, было для него неким гарантом. Тотчас после ее смерти складывается очень неблагоприятная для Меншикова ситуация. Вот когда чувства вдруг начинают играть важную роль. У мальчика Петра есть друг, немного старше его, Иван Долгоруков. Петр очень привязан к нему. Иван – сын одного из «верховников», князя Алексея Григорьевича Долгорукова, младшая сестра Ивана, Екатерина, изумительно красива (сохранился ее портрет). А Мария Меншикова не нравится Петру. Теперь, силою своего влияния на подростка-императора, Долгоруковы могут сделать с Меншиковым все, что захотят. Ему предъявлено серьезное обвинение в казнокрадстве. И вот уже вся семья – сам Александр Данилович, его жена, две дочери и сын – идут в ссылку. Место определено – сибирский деревянный городок Березов.

Семейство было лишено всего своего состояния, в коем, кроме всего прочего, находилось: сто тысяч душ крестьян, более миллиона сорока пяти фунтов золота в слитках, семнадцать домов в Москве и Петербурге, множество драгоценностей. И все это было конфисковано. Падение с такой головокружительной высоты невольно вызывает симпатию к павшему. Около трех лет спустя юный император смиловился над молодыми Меншиковыми. Им было дозволено жить в имении их дяди Василия Арсеньева, во владение им отдавалось сто крестьянских дворов, появляться в Москве им запрещалось, сына Меншикова приказано было записать в полк. Александра Даниловича уже не было в живых. Эти приказания Петра II осуществила уже Анна Иоанновна. Она оказалась очень милостива к опальному семейству. Сыну Меншикова пожаловала чин прапорщика в привилегированном Преображенском полку; младшую дочь Александру выдала замуж за

Густава Бирона (брата известного Эрнста) и назначила фрейлиной. Что же касается старшей дочери Меншикова, незадачливой невесты императора, то с нею, с ее смертью связана одна странная тайна. Тайна эта, вероятнее всего, не имеет отношения к Романовым, но достаточно любопытна и занята...

Спустя почти сто лет после смерти Меншикова была предпринята попытка тобольским губернатором Д. Н. Бантыш-Каменским отыскать его могилу. По приказанию губернатора могила была вскрыта, в ней обнаружен был гроб с трупом. Губернатор приказал отслужить заупокойную службу, и могила была вновь засыпана землею. Но спустя еще двадцать лет березовский краевед Абрамов обнаружил об этом захоронении занятные подробности. Местные жители якобы рассказали ему о том, что в захоронении, вскрытом в 1825 году, находились, кроме гроба для взрослого человека, два крохотных детских гробика. По описанию, сделанному Абрамовым якобы со слов березовских старожилов, одежда трупа – капор, матерчатые башмаки – напоминала скорее женскую, нежели мужскую. Было ли это погребение Марьи Александровны, скончавшейся в 1729 году, где-то месяц спустя после смерти отца? И что означали детские гробики?

Сын Меншикова впоследствии передавал, что отец его в ссылке сделался очень набожен; по его указанию дети читали вслух священные книги и также записывали с его слов подробности его жизни; записки эти не сохранились; ни сын, ни дочь Меншикова, кажется, не сделали попытки восстановить их. Ни о каком браке Марии Александровны ее брат и сестра никогда не поминали. Березовские предания о Меншикове, записанные со слов местного старожила Матвея Бажанова, также ничего не говорят о замужестве Марии Александровны. Однако Абрамов утверждал, что в Березове сохранилось предание о тайном приезде туда некоего князя Федора Долгорукова, влюбленного в нее, об их тайном же венчании и о рождении от этого союза близнецов, скончавшихся вместе с матерью. Все это занятно, но... Семейство Меншиковых помещалось в Березове в городском остроге под караулом. В подобных условиях едва ли возможен приезд стороннего лица, к тому же столичного аристократа. И еще одно немаловажное обстоятельство – загадочный «князь Федор» никак не идентифицируется ни с кем из многолюдного рода Долгоруковых. Кто знает, какую зловещую тайну скрывало странное погребение! А, может быть, Абрамов решил на мистификацию, или же сам сделался «жертвою» местных мистификаторов...

Однако, как ни занята тайна дочери Меншикова, а нам надо возвращаться к особам, более нам интересным сейчас, – к Романовым.

Нам известно, что тотчас по смерти императрицы герцог и герцогиня Голштинские оставляют Россию. Перед отъездом им все же удается получить часть денег, но не тех, что назначены Анне Петровне в приданое, а тех, что завещаны ей матерью. Тайный совет объявляет, что для разбора личных вещей покойной императрицы будет назначена особая комиссия, которая выделит причитающуюся Анне Петровне долю, которая и будет переслана в Киль. Ни денег, ни вещей Анна Петровна так и не получила. Уже после ее смерти герцог периодически отсылал в Россию письма с напоминаниями о том, что не худо было бы выслать деньги, или вещи, или помочь ему отобрать у Дании Шлезвиг. Его, конечно, третировали как зануду; и в этом качестве третируют его и некоторые современные историки; хотя он был по-своему несомненно прав. Но почему герцогская чета покидает Россию столь поспешно? Почему герцог и герцогиня махнули, что называется, рукой на положенные им денежные выплаты? И кстати уж, почему им так упорно не платили, почему тянули?

Значит так, Анна Петровна и ее супруг фактически высланы из России, как только раскрывается заговор, во главе которого стоит некий Франц Матвеевич Сантий (Санти), выходец из Пьемонта, герольдмейстер; по некоторым свидетельствам, он состоял при венском дворе и был приглашен Петром для составления гербов российских городов. Заговор, естественно, составлялся с целью самую простую: посадить Анну Петровну на трон. Впрочем, известно об этом заговоре крайне мало; заговор этот – одна из романовских тайн. Мы не знаем, какое участие принимал в заговоре герцог. Нам неизвестно: а вдруг помимо желания сделаться императрицей Анна Петровна имела еще и некие права, удостоверенные завещательными распоряжениями ее матери (а может, и отца)... Об изъятии из герцогского дворца в Киле таинственных бумаг мы еще будем говорить...

Почему этот заговор провалился? Очень возможно, что Анне Петровне просто не хватило денег на его порядочное устройство. Разумеется, она была у Меншикова «на подозрении», и он вовсе не торопил Тайный совет принять решение о выплате... Вполне вероятно, что именно европейская известность Петра Великого сдерживала решимость династических соперников его дочерей расправиться с ними. Анна Петровна была просто удалена из России, «на родину мужа», что называется. Ни Анна Иоанновна, ни Анна Леопольдовна так и не решились применить какие бы то ни было суровые меры в отношении Елизавет Петровны, несомненной претендентки на трон. Более того, когда будущая Екатерина II все же решилась разделаться с внуком Петра, сыном Анны и Карла-Фридриха, это вызвало волну возмущения; и ей пришлось немало потратить сил (а вернее, чернил) для того, чтобы своими писаниями дискредитировать Петра III, заставить Европу забыть о его прямом родстве с Петром Великим и доказать всем, что истинной преемницей последнего является именно она...

После своего отъезда из России Анна Петровна уже не являлась на историческую арену. Через год она сделалась матерью и умерла спустя несколько месяцев после рождения сына. Ей не минуло еще и двадцати лет. Эта мало прожившая дочь Петра – тоже в чем-то загадка для нас. Приведем отрывок из Бассевица: «Щедрая и очень образованная, герцогиня говорила, как на своем родном языке, по-французски, по-немецки, по-итальянски и по-шведски. С детства показывала она неустрашимость героини, а в отношении присутствия духа она напоминала своего великого отца...» Конечно, это описание панегирическое, но все же...

Однако проводив Анну Петровну и ее супруга в Киль, мы остаемся в России, теперь формально подвластной мальчику-подростку... (Да, между прочим, участники заговора в пользу Анны Петровны были сосланы в северные края и помилованы лишь по восшествии на престол ее сестры Елизавет...)

А покамест при дворе – настоящий «детский праздник». Кажется, еще никогда не собиралось у подножья трона столько юных персон. Молодая династия только недавно преобразилась из царской в императорскую, и теперь представлена людьми совсем юными. Рассмотрим их поближе.

Подросток-император и его сестра – погодки. Наталья и Петр Алексеевичи – дети известного царевича Алексея и Софии-Шарлотты Бланкенбургской. Родителей они не могут помнить. Мать умерла после рождения сына, когда дочери едва минул год. Затем скоро дети лишились и отца. Дед, кажется, мало интересовался ими. Но они похожи на него, крупные, темноволосые и темноглазые. Они привыкли быть вместе и очень привязаны друг к другу. Неотлучно рядом с императором – Иван Долгоруков. Он старше Петра и всецело предан

буйным удовольствиям, какие только могут быть доставлены молодостью, высоким происхождением, властью и богатством. Пышные охоты, балы и пиры сменяются чередой. На Москве кличут Ивана Долгорукова «гостем досадным и страшным». Но для девочки Натальи Борисовны Шереметевой, дочери одного из близких сподвижников Петра Великого, Иван – обожаемый жених. Когда фортуна отвернется от семейства Долгоруковых, Наталья добровольно пойдет за Иваном в ссылку (кстати, все в тот же Березов). Эта одаренная женщина оставит интересные и трогательные воспоминания, на страницах которых будет звать мужа «товарищем» своим и «сострадальцем». А Иван кончит жизнь свою на плахе.

Но покамест еще не пришло время трагическим событиям. Долгоруковы в фаворе. Красавица Катенька, меньшая сестра Ивана, официально объявлена невестой Петра II.

На личность молодого Ивана Долгорукова стоит обратить внимание, потому что явление подобной личности знаменует одну, становящуюся характерной, черту дома Романовых. Выше мы уже отмечали, что отношения Софьи Алексеевны с Василием Голицыным были как бы первым явлением столь значимой для Романовых в будущем модели: «государыня и фаворит». Но, по справедливости, первым российским царским фаворитом предстал любимец не женщины-правительницы, а правителя-ребенка, подростка, Иван Долгоруков. Дело в том, что Голицына Софья ценит не только за то, что он ей «нравится». Правильнее даже сказать, что он ей «нравится» именно потому, что его есть за что ценить: он образован, умен, он действительно полезен в делах правления. И при Петре I речь еще не идет о фаворитизме. Петр ценит своих сподвижников, вовлекает новых людей в свое окружение именно за их умения и знания. Совершенно иная картина отношений Петра II с Иваном Долгоруковым. Сам Иван, его отец, братья, сестры не отличаются ни умениями, ни дарованиями. Не за то юный Петр ценит своего любимца. Их отношения связаны с государственной деятельностью очень косвенно. Иван просто нравится Петру, как одна личность может нравиться другой личности. Петру с Иваном интересно! Но Петр не простая личность, а личность, облеченная властью. Поэтому он дарит своему другу самое лучшее и дорогое, что может подарить, – первое место после него самого, после императора. Другу и – соответственно – семье друга. Можем сказать, что Иван Долгоруков – первый российский фаворит. Это уже не феодальный приход к власти какого-либо «рода-клана», но именно европейский абсолютистский фаворитизм, подобный, например, фаворитизму, процветавшему при дворах французских королей Людовика XIV и Людовика XV... Да уж, не по «голландско-швейцарскому пути» двинулась Россия после Петра Великого!..

Вероятно, не без влияния Ивана Петр отказывается учиться и проводит время в балах, пирах и охотах. Иван – старший, и здесь может дать своему царственному другу соответствующее образование. В системе фаворитизма делается значима именно личность фаворита, его прихоти и причуды. Но, кажется, Иван Долгоруков вовсе не был злым человеком. Так, после смерти Меншикова, он напоминает Петру о возможности прощения детей этого врага семейства Долгоруковых. А вот еще одно характерное предание об отношениях Петра и Ивана: император должен был подписать смертный приговор; внезапно Иван обхватил его за шею, укусил за ухо и воскликнул:

– А когда голову отрубают, еще больше!

Преступник, подлежащий смертной казни, был прощен... В любом случае, сценка очень живая, так и видишь этих юношу и подростка... Но при Петре I, например, такое не было бы возможно. Петру никогда не пришло бы в голову действовать исходя не из логики

избранного им способа управления государством, но из прихотей Анны Монс или Екатерины Алексеевны...

Целые тома исписаны пылкими суждениями о вреде фаворитизма подобного рода; о том, как это ужасно, когда государством правит Иван Долгоруков или какая-нибудь мадам Дюбарри, и все зависимо от их прихотей и причуд... И действительно, на первый взгляд, власть сосредотачивается в руках подобных личностей. Но так ли это на самом деле? Вспомним известное толстовское из «Войны и мира» – о ребенке, который с гордостью держит игрушечные вожжи, а по-настоящему-то экипажем правит все же взрослый кучер... Так и влияние Долгоруковых, Дюбарри и прочих «помпадуров и помпадурш» чисто внешнее. Иначе, недалекие, необразованные, просто неумные, они за короткий срок разнесли бы в щепки любое государство. Но этого не происходит. Не могут Иван, Катенька и их отец изломать Россию, как игрушечный кораблик. Потому что Петр Великий успел наладить систему, при которой в «управленческом аппарате» худо-бедно все же собираются «служилые люди», в действительности способные к делам правления. Много подобных личностей выдвинулось при Петре I – тот же Петр Толстой, Антиох Кантемир, Головкин. Особо следует отметить Андрея Ивановича Остермана, выдающегося дипломата, трудившегося для расширения Российского государства и при Петре I и при его преемниках, вплоть до Елизаветы, которая не простила ему службы при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне и отправила в северную ссылку (все в тот же Березов, между прочим), где этот «государственный ум» и окончил свою жизнь...

Среди личностей, окруживших трон, нельзя не заметить и молодую тетку императора, Елизавет Петровну. После незадавшегося «парижского сватовства» ей посватали родственника молодого мужа ее сестры, тоже голштинца, Карла-Августа. Возможно, это инициатива Меншикова, которому вовсе не улыбается, чтобы дочери Петра вступали в «престижные браки» или оставались незамужними в России. Жених прибывает в Санкт-Петербург, но умирает почти одновременно с Екатериной I. Современники уверяют нас, будто цесаревну и ее жениха связывали отношения весьма близкие. Скорее всего, это не клевета...

Вообще, характер молодой Елизавет Петровны для нас довольно ясен. Сильная, живая, любящая развлечения, она умеет быть обворожительной на самый рафинированный парижский манер и пишет очень неплохие для своего времени русские любовные стихи. После своей тетки Натальи Алексеевны и бедняги Виллима Монса она, пожалуй, третий русский лирик... Характер Елизавет Петровны и ее времяпрепровождение при дворе ее племянника Петра II ярко проясняются особенно из писем Мавры Шепелевой. Эта бойкая и одаренная девушка была назначена сопровождать Анну Петровну в Киль, входила в ее придворный штат и возвратилась на родину после ее смерти. Мавра переписывалась с цесаревной. Переписка эта велась на русском языке. Стиль Мавры Шепелевой – живой, энергичский, яркий...

«...Еще ш уведомились мы, что ваша высочество веселится, и желаем мы, чтоб вашему высочеству боле веселья иметь, а печал николи бы боле не иметь...»

Мавра Шепелева навсегда осталась близким и верным Елизавет Петровне человеком. Она вышла замуж за графа Шувалова и была матерью Андрея Шувалова, екатерининского вельможи, человека выдающейся образованности; несомненно его участие в литературном творчестве Екатерины II в качестве «редактора и помощника»; вероятно, он, что называется, руку приложил и к последнему варианту ее мемуаров...

Но до этого всего еще далеко. А покамест при дворе множатся слухи о весьма близких отношениях молодой свободной тетки с ее юным племянником-императором. И действительно, она разделяет все его забавы. Толкуют о возможности их брака, что уж совсем не может нравиться Долгоруковым. При дворе формируется «антиелизаветинская» партия. Елизавет Петровна поспешно ретируется из окружения Петра II. Очень скоро уже заговорили о ее романе с человеком «низкого происхождения», прапорщиком Алексеем Шубиным. Долгоруковы могут теперь быть спокойны. Впрочем, афишируемые отношения с Шубиным – явно не простой «дипломатический ход», но именно то, что зовется любовью. Елизавет Петровна в этого человека влюбляется со всей романовской женской страстностью, как некогда ее тетка Софья Алексеевна влюбилась в Голицына. Вероятно, Шубину посвящены стихи Елизаветы, приводимые Бантыш-Каменским в его «Словаре достопамятных людей». Вот они:

Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить?
Что всегда разлучно и без тебя скучно
– Легче б ты не знати, нежели так страдати
Всегда по тебе...

А во дворце готовятся к свадьбе Петра II с Екатериной Долгоруковой. Но неожиданно романовский «детский праздник» прервался. Сначала умирает старшая сестра императора, Наталья Алексеевна. Затем и он сам – от какого-то заболевания вроде оспы. Неотлучно сидит у его постели Иван Долгоруков. О возможности заразиться он и не думает. Вся его дальнейшая жизнь и жизнь его близких поставлена на карту. И кроме того, он, судя по всему, искренне привязан к Петру...

Что это за новые загадочные смерти? Тут у нас их скопилось, по меньшей мере, три: смерть голштинского жениха Елизавет Петровны, смерть Натальи Алексеевны и, наконец, – смерть молодого императора. Первая, пожалуй, действительно случайная; она, кажется, никому не несет никаких выгод. Наталья Алексеевна умирает скоропостижно, в подмосковном селе Всесвятском. При дворе она очень влиятельная личность, родная единственная сестра императора, первый близкий ему человек, имеющий на него очень большое влияние. Но кому может быть нужна ее смерть? Долгоруковым? Но она вовсе не против них, детская еще дружба связывает ее с Иваном и Екатериной. Елизавет Петровне? Но ей эта смерть ничего не даст. Это не Наталья Алексеевна, это Долгоруковы – и понятно, почему – не желают видеть Елизавету при Петре II... Смерть самого Петра? О, она слишком многим развязывает руки для борьбы за власть! Потому что завещания снова нет. Странно, что Долгоруковы не позаботились о завещании... Надеялись на выздоровление государя? А, может быть, смерть его была обыкновенной, естественной смертью – от болезни... Или все же нет? Ведь смерть его и его сестры означает для Романовых пресечение линии потомства Петра I от Лопухиной. Теперь борьба может вестись только между потомством Ивана Алексеевича (помните?) и потомством Петра I от Екатерины Алексеевны...

Анна Иоанновна (правила с 1730 по 1740). Загадочная «попытка конституции» и «студент Калининградского университета»

Да, существуют, существуют в государстве Российском люди, готовые на все. Пожалуй, они и отравить могут – руки не дрогнут. Об отце их Романовская концепция стойкого мнения как о личности безобидной и не склонной к тому, чтобы добиваться власти, славы, престола. Впрочем, они и не знают отца; он умер, когда они были совсем маленькими. Матери их посвятил специальное сочинение архивист и историк Семевский. В целом, он относится к ней благожелательно. Однако очень красочно рассказывает, как «старушка царица» жгла лицо и голову живому человеку в пыточном застенке. Чего ждать от дочерей, воспитанных этой милой матерью?

Вы уже, конечно, догадались, о ком мы говорим. Да, о потомстве Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой. Выдав замуж двоих их старших дочерей, Петр I убивал (стремился убить, во всяком случае) сразу нескольких «зайцев»: возрождал традицию династических браков, укреплял положение России на севере Европы и, по возможности, стремился удалить из России вероятных претенденток на престол. Но полюбуемся еще раз на эту занятную детородную гонку.

Команда Романовых-Милославских
Иван Алексеевич + Прасковья Салтыкова

Дети
Мария (1689 – умерла в первые годы жизни)
Феодосия (1690 – умерла в первые годы жизни)
Екатерина (1691–1733)
Анна (1693–1740)

Команда Романовых-Нарышкиных
Петр Алексеевич + Евдокия Лопухина

Дети
Алексей (1690–1718)
Александр (1691 – умер в первые годы жизни)
Павел (1693 – умер в первые годы жизни)
В 1694 году рождается последняя дочь Ивана Алексеевича – Прасковья.

Во многих трудах историков приводятся точные даты смерти маленьких детей Петра и Ивана, но на самом деле даты эти невозможно установить в точности, потому в этой табличке мы и воспользовались формулировкой: «умер (умерла) в первые годы жизни». Старших дочерей Ивана Алексеевича Петр выдал замуж за небогатых и не самых знатных (спасибо, что и эти согласились!) представителей немецких княжеских домов. Владения

обоих были достаточно скромными, но (не забудем, что Северная война уже идет) удобными, что называется, тактически и стратегически. Впоследствии эти территории вошли в состав Российской империи. Екатерина Ивановна стала женой Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского. Анна была выдана замуж за Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского. Скажем несколько слов и о судьбе последней дочери Ивана, стоявшей несколько в стороне от престола. Прасковья Ивановна вышла уже после смерти Петра I замуж за Дмитрия Мамонова, от которого еще до брака имела ребенка.

О браках Екатерины и Анны Романовская концепция ограничивается замечаниями о том, что бедняжкам не повезло с мужьями; у одного якобы был дурной характер, а другой совсем скоро умер (действительно, Анна Ивановна не пробыла замужем и года – с 1710 по 1711). Интересно, а как вели себя сами новоиспеченные герцогини? И зачем они вели себя так, а не иначе?

Дочери Ивана Алексеевича почти двадцатью годами старше дочерей Петра. И, разумеется, образование, полученное ими, было куда хуже. Парижские гувернантки-дворянки при них не состояли. Все же, по настоянию дяди-царя, обучали его племянниц иностранные учителя: француз Рамбур и немец Иоганн-Дитрих Остерман (при нем находился его младший братишка, которому царица Прасковья и придумала закрепившееся за ним прозвание – «Андрей Иванович»). Успехи, кажется, были средние. Впоследствии, во всяком случае, никто не распространялся о том, что герцогини говорят на каком бы то ни было иностранном языке, «как на своем родном». Но обе явно были пристрастны к театру. Быть может, это пристрастие и явилось результатом учения?..

Вопрос о вероисповедании решился очень просто. Дочери Ивана не переменяли веру, но дети их должны были уже сделаться от рождения лютеранами. Прошло совсем немного времени, и Екатерина Ивановна, просто-напросто бросив мужа-герцога, явилась с двухлетней дочерью к своей матери. Что случилось? Такой дурной характер был у герцога? Или просто желательно было обрестись поближе к российскому престолу, о своих правах на который сестры никогда не забывали...

Супруг Анны умер так скоро, что даже не успел проявить свой «дурной характер». Но и Анна предпочитает держаться поближе к трону. Для этого изобретаются свои причины, и Романовская концепция относится к этим Анниным причинам очень доверчиво. Анна то и дело обращается с письменными прошениями к Петру и Екатерине, жалуется на недостаточность, то и дело выпрашивает деньги. И все оборачивается так, что ей надобно приехать в Россию. Уже ее курляндские подданные жалуются Петру, что совсем и не видят свою правительницу. Но неужели Анна в Митаве жила настолько недостаточно, настолько скудно? Неужели она и ее сестры пользовались в России более богатым житьем? Все тот же Берхгольц описывает житье во дворце Прасковьи Федоровны как житье безалаберное, бедное, грязное и не шибко нравственное. Писано это очень живо, но, между прочим, этому безалаберному и безнравственному житью мы некоторым образом обязаны развитием только еще нарождающегося русского театра. Может, Екатерина Ивановна и не была шибко нравственной женщиной, но театральные представления, устраивавшиеся по ее инициативе в Измайловском дворце вдовой царицы Прасковьи, давали жизнь театральным традициям в России. Наверное, в Измайлове было веселее, чем в Митаве, курляндской столице, но уж не богаче!..

Но так ли уж неожиданно было избрание Анны Иоанновны Верховным тайным советом? Не явилось ли это долгожданным плодом долговременной интриги?

До этого Алексей Григорьевич Долгоруков пытается добиться престола для своей дочери Екатерины, на том основании, что она была официально объявлена «невестой государя». А что делает Елизавета? О, это очередная романовская тайна, тот случай, когда «известий осталось мало и они крайне темны». Во всяком случае, едва вступив на престол, Анна Иоанновна ссылает Долгоруковых и арестовывает кое-кого из ближнего окружения Елизаветы, Алексея Шубина, в частности...

Но покамест Анна Иоанновна еще в Митаве и туда отправляется депутация в составе князя Михаила Голицына, князя Василия Долгорукова и генерала Леонтьева. В Митаву везут условия, на которых Анна Иоанновна избирается императрицей, те самые «пункты и кондиции»... Было ли это прообразом конституции, долженствующей ограничить самовластие монарха?.. Здесь любопытно то, что ведь Романовы лишь недавно этого пресловутого «самовластия» добились; еще памятно время, когда они плотно зависели от аристократических кланов и высшего духовенства... Что же сулят «пункты и кондиции»? Прежде всего, они прокламируют расширение прав Верховного совета. Вероятно, потому и складывается партия «антиверховников», включающая видных сановников: князя Черкасского, графа Апраксина, Салтыкова, Лопухина.

В Митаве Анна Иоанновна подписывает условия, предъявленные депутатами Верховного совета. Была ли здесь интрига (тот самый, как формулирует А. К. Толстой в своей поэме, «уговор»)? Знала ли новоиспеченная императрица, что в Москве к ней явится уже новая депутация (от «антиверховников») и настоятельно попросит, чтобы она вступила на престол не как избранная и ограничившая себя особыми условиями правительница, но именно как законная наследница и самодержица... Была ли интрига?..

Анна Иоанновна «кондиции» разорвала. Точный текст их не сохранился, попытки реконструировать этот текст достаточно произвольны. Верховный совет Анна Иоанновна разогнала. Теперь управление государством препоручалось Кабинету министров...

В сущности, государством управляют прежние сподвижники Петра I.

Придворная жизнь при Анне Иоанновне обретает необычайные пышность и блеск. Столица была вновь перенесена в Санкт-Петербург. Вот описание бала, сделанное супругой английского посланника леди Рондо в 1734 году:

«Большая зала дворца была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, оставляя довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи, в которых были расставлены скамейки, давали возможность танцующим отдыхать на свободе. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще – тогда как из окон были видны только лед и снег – казались чем-то волшебным и наполняли душу приятными мечтами. В смежных комнатах подавали гостям чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в роскошных платьях. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь среди фей, и в моих мыслях в течение всего вечера восставали картины из «Сна в летнюю ночь» Шекспира...»

Но гораздо более нам известны «домашние забавы» Анны Иоанновны. В своих покоях она окружила себя шутами и уродами, «в лучших традициях» первых Романовых и европейского «непросвещенного абсолютизма». Среди этих шутов были «профессионалы», такие, как Педрилло и Лакоста, были и личности знатного происхождения, из которых были известны граф Апраксин, племянник известного адмирала, сподвижника Петра, и князь Михаил Алексеевич Голицын, герой известной потехи с «ледяным домом». Кстати, а что

сталось с ним и с его женою-калмычкой, состоявшей при дворе императрицы? Представьте себе, у них явилось двое сыновей, затем князь похоронил жену, женился снова (в четвертый раз) и умер глубоким стариком...

И вот давайте-ка от знаменитого (прославленного романтическим повествованием Лажечникова) Ледяного дома перейдем к очередному романовскому парадоксу – к пресловутому «засилью иноземцев» при Анне Иоанновне.

Довольно длительное время десятилетнее ее правление было единственным периодом, который позволялось критиковать за некие необычайные происходившие тогда «народные страдания и бедствия». Вот когда ограбленный народ помирал голодной смертью и за каждое неосторожное словцо людей хватили прямо на улицах и волокли в Канцелярию тайных розыскных дел...

Никому, разумеется, не пришло бы в голову объявить царствование Анны Иоанновны периодом чрезвычайно благодетельным для народа; хотя (между прочим) были сделаны первые шаги к «Манифесту о вольности дворянства», объявленному впоследствии Петром III. Именно освобождение дворян от обязательной службы в течение всей жизни привело вскоре к расцвету российской дворянской культуры. Но первые шаги к этому – ограничение обязательной военной службы для дворян двадцатью пятью годами, смягченное, к тому же, возможностью записывать в полки несовершеннолетних (то есть мальчик рос и учился, а срок обязательной службы тем временем шел), – были сделаны именно в царствование Анны Иоанновны.

Но почему-то именно это царствование было объектом самой суровой и горячей критики в позднейшее время; именно о царствовании Анны Иоанновны позволялось писать как о времени народных бедствий и предельного общественного недовольства. Даже строжайшая цензура Николая I (справедливо полагавшего, что бранить, пусть даже косвенно, кого бы то ни было из Романовых, отнюдь не идет во благо династии) ненадолго приостановила и чуть охладила критический азарт в адрес правления Анны Иоанновны.

Но, вероятно, в этот десятилетний (с 1730 по 1740) период страна была охвачена бурными волнениями, народными выступлениями? Оказывается, нет. А пресловутая Канцелярия тайных розыскных дел – давнее романовское изобретение, при Петре оно именовалось Преображенским приказом, при отце его – Приказом тайных дел. Повторяем: очень смешно было бы утверждать, будто именно при Анне Иоанновне вдруг пришло то, что никогда не приходило – ни прежде, ни после – всеобщее благоденствие. Но и никаких из ряда вон выходящих жестокостей также не происходит в это десятилетие.

Но откуда же этот дозволенный восторг критицизма? И кого, в сущности, критиковали позднейшие историки и романисты, кто это так не угодил Лажечникову и Ключевскому?

Ларчик открывается просто. Оказывается, при Анне Иоанновне произошло ужасающее «засилье иноземцев», и вот они-то своими злонамеренными действиями и разорвали несчастное государство... Это самое «засилье иноземцев» (немцев) Романовская концепция спокойно принесла и в советские учебники истории. Еще бы! Каким удобным это оказалось, например, для разжигания антинемецких настроений во вторую мировую...

Кажется, механически повторяя утверждение о «немцах у власти» при Анне Иоанновне, мы не вполне отдаем себе отчет, какого рода обвинение предъявляем. А ведь выходит, что мы обвиняем сановников императрицы прежде всего не в злоупотреблениях или нерадивости, а именно в том, что они были немцами и, стало быть, уже по одному тому были плохи... Вообще-то странноватое обвинение. Но, может быть, оно справедливо? Может быть, и

вправду окопались в государстве какие-то «немцы-вредители»? Попробуем разобраться, о ком же идет речь.

Конечно, прежде всего это курляндский приближенный Анны Иоанновны, которого она взяла, что называется, с собой в Москву и далее – в Санкт-Петербург. Всем известный Эрнст Бирон. Классический фаворит (именно в стиле «Дюбарри-Долгоруков»). Основные его обязанности: быть возлюбленным императрицы. Он был амбициозен, жаден до чинов и богатства, лелеял, подобно Меншикову и Долгоруковым, мечту о всероссийском троне. Порою Бирона просто путают с Меншиковым, когда, например, называют его «сыном придворного конюха».

Сыном конюха (не курляндского, конечно, а московского, дворцового) был именно Меншиков. Бирон же был сыном небогатого дворянина, управляющего одним из имений курляндского герцога. Но в определенном смысле немудрено их перепутать: оба сделались «светлейшими князьями». Зачастую также историки и романисты зовут Бирона «грубым и невежественным». Едва ли возможно упрекнуть Бирона в излишней нежности и деликатности, но «невежественным» он, кажется, не был; имел обширную библиотеку немецких, французских и русских книг. Между прочим, он был единственным при дворе и в управленческом аппарате лицом, имевшим высшее образование (незаконченное, правда), в свое время он учился в Кенигсбергском университете.

Кто же другие немцы? Это петровские еще выдвиненцы: Остерман; командующий армией Миних (сын его, кстати, оставил очень интересные мемуары); возглавлявший Академию наук Шумахер (при нем был заложен в Санкт-Петербурге ботанический сад); а также братья Левенвольде, тоже сыновья одного из «служилых людей» Петра. Но, может быть, все эти люди составляли некую особенную партию, основанную на «национальном принципе»? Но подобного принципа еще просто не существовало. Крижанич и более поздние авторы поминают доходившие до драки конфликты в Кукуйской слободе между выходцами из различных немецких земель. Что же касается вышеназванных лиц, то у них явно наличествовал менталитет российских подданных. И они не только не составляли единой партии, но даже и зачастую входили в группировки, враждующие друг с другом (как, например, Миних и Остерман в период регентства Анны Леопольдовны). Кроме того, численно в управленческом аппарате вовсе не преобладали «лица лютеранского вероисповедания». О Бироне можем не говорить, это «фаворит». А иначе – на Остермана и Миниха приходились кабинет-министры: князь А. М. Черкасский и А. П. Бестужев-Рюмин, генерал-прокурор князь Н. Ю. Трубецкой и, наконец, – начальник Тайной канцелярии, известный Андрей Иванович Ушаков.

А как же казнь кабинет-министра Волынского, так хорошо известного нам по «Ледяному дому»? Да, это была жестокая и кровавая расправа. Только ни о каком возмущении «немецким засильем» речь не шла. И не Волынский был главным лицом. Потому что это была окончательная расправа с Долгоруковыми, уже хорошо известными нам (вот тогда и до Ивана добрались). Казнены были: Иван Алексеевич, Василий Лукич, Сергей и Яков Григорьевичи Долгоруковы. Долгоруковых было много, они были «род-клан», Анна Иоанновна опасалась их; с ними были связаны толки о завещании Петра II, которое якобы все же было составлено и где-то спрятано тайно, и согласно которому престол доставался Екатерине Алексеевне Долгоруковой, «объявленной государевой невесте». Мог ли Бирон в этой расправе участвовать? И как еще! Ему ведь тоже не были нужны «лишние» претенденты на престол. У него имелись свои прожекты, очень напоминающие нам о

соответственных планах Меншикова. Бирон мечтал женить своего сына Петра на Анне Леопольдовне, племяннице императрицы...

Что до мифа о «немецком иноземном засилье», то уже и скучно рассуждать о его позднем происхождении. Но что вообще означали эти определения – «русский», «немец» – в России середины XVIII столетия, в частности? Они не были «национальными», но «конфессиональными». «Русский» означало «православный», «немец» – «лютеранин». Но что могло быть общего у таких разных Миниха, Остермана, Бирона? Одно: они оставались лютеранского вероисповедания. Именно это делало их «немцами» и могло вызывать определенную неприязнь, из чего в дальнейшем и вырос миф об «иноземном засилье при Анне Иоанновне». Ведь того же Шафирова, православного во втором поколении, никто никогда не называл «жидом». И православные сыновья того же Остермана не были «немцами» в глазах общества. А, впрочем, Петр I в свое время заметил, что безразлично «крещен или обрезан» – «лишь бы дело разумел». А вот это самое «дело» Миних и Остерман «разумели» отлично! Последнего, человека очень талантливого, особенно жаль; хотя, может, и напрасно: разве не получил он от России самое лучшее, что только бывает в судьбе – любящее сердце близкого человека, женщины, Марфы Ивановны Стрешневой, которая пошла с ним в сибирскую ссылку и по смерти его поставила над его могилой часовню с православною иконой...

Здесь необходимо сказать несколько слов об этом элементе «стороннего взгляда» в русском менталитете. В сущности, каждый вельможа считался родством если не с норманнскими князьями, то уж с Ордой во всяком случае! Самой прославленной после Петра правительницей оказалась принцесса Ангальт-Цербстская, Екатерина II. Смутные балканские материнские корни влекли Жуковского к переводам восточных поэм. «Под небом Африки моей...» – восклицал Пушкин. Подобный «элемент стороннего взгляда» давал как результат особо изощренное развитие культуры, привносил эту особенную страстную любовь, смысл которой с такой точностью выражен в словах Пастернака: «... Превозмогая обожанье, я наблюдал, боготворя...» Но за такую любовь убивают или берут к своему сердцу. А скучного пресного «спасибо» не говорят, и не нужно.

И, стало быть, мы переходим к следующей романовской драме.

Правительница Анна Леопольдовна (правила с 1740 по 1741) и «самый русский император»

Женить своего сына на Анне Леопольдовне Бирону не удалось. Ее выдали замуж за герцога Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Однако престол Анна Иоанновна оставляла по завещанию не племяннице и ее супругу, а их сыну, грудному младенцу Ивану Антоновичу. Теперь Бирон желал быть хотя бы регентом, формальным правителем при этом крохотном императоре. Но и из этого желания не вышло ничего хорошего. Бирона и его семейство ожидала судьба Меншикова и Долгорукова. После предъявления ему классических обвинений в казнокрадстве (наверняка небезосновательных) он и его семья были сосланы в городок Пелым Тобольской губернии. Впрочем, имелось одно лицо в государстве, с которым у Бирона сохранялись «теплые дружеские отношения». Лицо это было, между прочим, цесаревна Елизавета Петровна. Это когда она взошла на престол, она распорядилась перевести Бирона из Тобольской губернии в Ярославль и приблизила к своей особе его дочь. В отличие от Меншикова и Долгоруковых, Бирону вообще повезло. При Петре III он был возвращен в Петербург, при Екатерине II вновь получил корону Курляндского герцогства, пожалованную ему некогда Анной Иоанновной. Умер он в глубокой старости, пережив четырех правителей...

В рамках поздней модификации Романовской концепции историки обычно пишут, что Анна Иоанновна завещала престол «своим немецким родственникам». Все та же песня, стало быть! Вот были у нее «русские родственники» (Елизавета Петровна, да?), а она возьми да и завещай престол не этой двоюродной своей сестрице, а внучатому племяннику...

Но почему, действительно, императрица не оставила престол племяннице, а именно сыну племянницы, грудному младенцу? Допустим, племянница ей не нравилась, муж племянницы (за которого императрица сама ее и выдала) тоже не нравился. А двухмесячный Иван Антонович ей больше нравился? Она не сомневалась в том, что он будет править наилучшим образом?

А ее вообще не волновали подобные соображения. Она была – Романова-Милославская, весомый результат детородного соревнования между Иваном и Петром. Это мы, окруженные бальным вихрем парижских мод в залах московских и Санкт-Петербургских дворцов, совсем позабыли о борьбе: Романовы-Нарышкины против Романовых-Милославских. Царевна Софья Алексеевна, царь Иван Алексеевич – какая (уже!) старина... А вот Анна Ивановна ничего не забыла. И за «своими», за Романовыми-Милославскими намеревалась закрепить престол. Это и не казалось так уж трудно. Елизавет Петровна оставалась незамужней и вроде бы компрометировала себя связями с возлюбленными низкого происхождения. Правда, в Киле подрастал внук Петра, сын Анны Петровны, Карл-Питер, мальчик, имевший прямые права на две короны – шведскую и всероссийскую. Многочисленные свидетельства прямо говорят о ненависти Анны Иоанновны к двоюродному племяннику. Она в сердцах звала его «чертушкой» и досадовала на то, что он жив, не умирает. Вскоре после смерти отца мальчика (герцог Карл-Фридрих умер в 1739 году) уже известный нам кабинет-министр А. П. Бестужев-Рюмин внезапно явился в Киль и безнаказанно изъял из герцогского архива какие-то важные бумаги. Что это было? Неужели

завещательные распоряжения Петра I и Екатерины I?..

Любопытно, что к концу царствования Анны Иоанновны относится возникновение толков о тайном венчании Елизавет Петровны с очередным фаворитом низкого происхождения, Алексеем Разумовским, заменившим сосланного Шубина. Подобные слухи, конечно, вовсе не должны были способствовать укреплению репутации дочери Петра...

Но вернемся все-таки к проблеме «немецких родственников» Анны Иоанновны. Цитата из любимого «Ледяного дома»:

«...Позади этой кареты несколько других с великими княжнами и придворными дамами. В одной из них – посмотрите – настоящая русская дева, кровь с молоком, и взгляд и привет царицы, это дочь Петра Великого, Елисавета. Она дарит толпу улыбкой, будто серебряным рублем. Кажется, сердце хочет сказать: «Желанная, царствуй над нами!» Как ей легко увлечь эту толпу. Невыгодно сравнение с нею для Анны Иоанновны, смуглой, рябоватой, с длинным носом, тучной, мрачной... Заметьте и эту молоденькую женщину в придворной карете – милое, дутое личико, на котором набросано кое-как простодушие, доброта, ветренность. Это Анна Леопольдовна, супруга герцога Брауншвейгского...»

Это опубликовано в 1834—35 годах, то есть уже при Николае I. Да, кажется, Романовых отличала хорошая память. Уже и помину нет о «Милославской линии» – выведена вся! А Романовская концепция все еще сводит счеты с прежними соперниками Романовых-Нарышкиных. Обратим внимание на некоторые симптоматичные моменты. С точки зрения «национальных определений» «русская дева Елисавета» вообще-то лишь наполовину русская; а вот в «смуглой, рябоватой Анне Иоанновне», дочери Ивана Алексеевича Романова и Прасковьи Федоровны Салтыковой, русская кровь не разбавлена разными «сторонними примесями». Но об этом как будто забыто. Также симптоматично забыто и о том, что Анна Леопольдовна – родная внучка все того же законного царя Ивана Алексеевича; она очень не случайно названа «супругой герцога Брауншвейгского». Таким образом, «русской деве» очень удачно противопоставлены «смуглая рябоватая Анна Иоанновна» и «супруга герцога Брауншвейгского Анна Леопольдовна...»

Кто же такая эта последняя? Самое занятное здесь, вероятно, то, что Анна Леопольдовна, хотя по крови, что называется, такая же всего лишь наполовину русская, как и Елисавета, но зато совершенно русская по воспитанию. Мать ее, Екатерина Ивановна, выданная Петром за Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского в 1718 году, уже в 1721 году окончательно возвращается к своей матери Прасковье Федоровне. При рождении будущая Анна Леопольдовна получила имя – Елисавета-Екатерина-Христина, но бабушка в письмах к дочери с самого начала зовет внучку «Аннушкой». Официально имя «Анна» девочка получает уже при православном крещении. Детство ее проходит в Измайлове, в деревянном бабушкином доме, среди материнских театральные затей и бабушкиных юродивых и шутих. Далее Анна получает примерно такое же образование, как и дочери Петра в свое время, то есть в стиле «французского девического просвещения». Но, как и Елисавета, Анна религиозна, серьезно наставлена в православии. Кстати, духовником и наставником Анны был известный Феофан Прокопович. Как видим, по воспитанию и образованию Анна Леопольдовна – совершенно русская женщина своего времени и своего сословия.

Обычно об Анне Леопольдовне и ее муже судят по мемуарам Миниха-отца и Миниха-сына, оценивающих ее негативно. Хотя и они отмечают ее добросердечный характер. Интересная подробность: Анна Леопольдовна упразднила штат придворных шутов, саму должность дворцового шута. Может быть, это и незначительная подробность, но довольно

показательная, своего рода шаг к «просвещенной монархии». Интересно также, что в домах аристократии долго еще шуты оставались неперемнной принадлежностью быта...

Вот что писал об Анне Леопольдовне Миних-отец в своем «Очерке, дающем представление об образе правления Российской империи»: «Эта принцесса, воспитанная под присмотром своей матери, цесаревны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, с ранней юности усвоила дурные привычки...

Характер принцессы раскрылся вполне после того, как она стала великой княгиней и правительницей. По природе своей она была ленива и никогда не появлялась в Кабинете; когда я приходил к ней утром с бумагами, составленными в Кабинете или теми, которые требовали какой-либо резолюции, она, чувствуя свою неспособность, часто мне говорила: «Я хотела бы, чтобы мой сын был в таком возрасте, когда мог бы царствовать сам». Я ей всегда отвечал, что, будучи величайшей государыней в Европе, ей достаточно лишь сказать мне, если она чего-либо желает, и все исполнится, не доставив ей ни малейшего беспокойства.

Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, идучи к обедне, не носила фижм и в таком виде появлялась публично за столом и после полудня за игрой в карты с избранными ею партнерами...»

Отметим, что регентство Анны Леопольдовны продолжалось год. Из этого срока она девять месяцев была беременна вторым ребенком.

Пожалуй, Миних-отец не совсем справедлив (или совсем несправедлив) к Анне Леопольдовне. Вот один пример, касающийся ее интимной жизни. В 1741 году в Петербург прибывает граф Линар и обручается с любимой фрейлиной Анны Леопольдовны, Юлией Менгден. Миних по этому поводу замечает, что Линара, посла Августа III, короля Польского и курфюрста Саксонского, связывали с императрицей вполне интимные отношения, а знаки орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского она вручала Линару в своей спальне. Но к моменту приезда Линара Анна Леопольдовна уже ожидает второго ребенка, а вручение орденов приходится на последний период этой ее беременности...

Анна Леопольдовна обвиняется не только в интимных отношениях с графом Линаром, которые якобы начались еще до ее замужества; но делаются и намеки на некое подобие гомосексуальной связи все с тою же Юлией Менгден – якобы, когда явились по приказанию Елизаветы арестовывать Анну Леопольдовну, то нашли ее не в супружеской спальне, а в одной постели с фрейлиной... Это последнее, вероятно, так же правдиво, как и легенда о том, что Елизавета арестовывала Анну Леопольдовну и ее мужа самолично, надвинув гвардейскую треугольную шляпу на куафюру...

Но одна подробность интимной жизни правительницы, кажется, ускользнула от суровых критиков ее нравственности. Или ускользнула только для российских историков?..

В немецком издании «Записок» Якоба фон Штелина, мастера фейерверков и академического профессора, говорится об Анне Леопольдовне кое-что интересное. Эти «Записки» – собственно, книга о русской живописи. И вот, об одном из первых русских художников, замечательном портретисте Андрее Матвееве, Штелин дает кое-какую любопытную информацию. Андрей Матвеев (по отчеству то ли «Матвеевич», то ли «Меркурьевич») был в молодых своих годах послан Петром учиться живописи в Италию и в Голландию. Вернулся уже после смерти Петра. Среди работ особенно замечателен автопортрет с женой. Родился Андрей Матвеев предположительно в 1701 году... Штелин уверяет, что Матвеев был незаконнорожденным сыном Петра. Но это еще не все. По словам

Штелина, Андрей Матвеев был в близких отношениях с Анной Леопольдовной, и именно он был отцом ее старшего сына, императора Ивана Антоновича. Можно ли подобному сообщению верить, и может ли иметь значение подобный факт? Или следует воспринять это как пикантную анекдотическую подробность и просто пожать плечами?

Андрей Матвеев действительно написал потрет парный, двойной – Анны Леопольдовны и ее жениха, герцога Брауншвейгского (писание парных, семейных портретов, характерных для голландской школы, кажется, привлекало художника; любопытно, что на автопортрете с женой Матвеев изобразил себя очень похожим на изображения Петра I; но, впрочем, живопись ведь все же не фотография, и мы не должны ждать от картин фотографической точности).

Портрет принцессы и ее жениха действительно очень выразителен. Его экспрессивность, ярко выраженное отношение художника к натуре напоминают уже не голландцев и итальянцев, но Гойю... Так, в частности, фигура герцога написана как бы небрежно и равнодушно. Что же до Анны Леопольдовны, то она на портрете Матвеева представлена очень красивой и обаятельной. Сохранилось еще несколько ее портретов, писанных другими художниками, на этих портретах она далеко не так хороша.

Умер Матвеев в 1739 году, точная дата его смерти неизвестна. Штелин утверждает, что художник был убит на улице неизвестным лицом, ударом ножа. Иван Антонович родился 12 августа 1740 года. Значит, для того, чтобы действительно оказаться его отцом, Матвеев должен был умереть по крайней мере в начале 1740 года или в самом конце 1739.

То, что Елизавета приказала выслать Анну Леопольдовну на север, в Холмогоры, где та и содержалась со всем своим семейством, это, пожалуй, не заключало в себе ничего необычного. И Петр ведь сослал в монастыри своих единокровных сестер и жену. Необычно было то, как поступает Елизавета (а затем и Екатерина II) в отношении Ивана Антоновича, коронованного императора. Из ссылки переводят его в крепость, то есть в тюрьму. В инструкции по его содержанию именуется он то «важным арестантом», то «невеликой важности»; инструкция эта предусматривает возможность обращаться с ним грубо и жестоко: заковывать в кандалы... В Европе о положении Ивана Антоновича известно, и он ведь там «не чужой» – герцоги брауншвейгские в родстве со многими владетельными домами, немецкими и итальянскими. Однако никто не вступает за юного узника. Почему? Вспомним, как поступит позднее Екатерина II в отношении своего сына, когда не пожелает передавать ему престол по его совершеннолетию. Первый ее довод был: отречение его отца, Петра III, от престола; а второй важный довод в пользу отстранения Павла от престола заключался в ее прозрачных намеках на то, что ее сын вовсе и не сын своего «законного» отца. Эти намеки она зафиксировала в своих мемуарах (за свою репутацию – смелая женщина! – стало быть, не боялась)... Возможно, и в «деле Ивана Антоновича» обе императрицы имели в запасе, что называется, «козырную карту незаконного происхождения». И тогда он оказывается «не тем лицом, за какое себя выдавал», не сыном своего отца... Но, разумеется, никаких точных доказательств «незаконности» Ивана Антоновича у нас нет и, вероятно, никогда и не будет...

Но что же собой представляла Анна Леопольдовна именно в качестве правительницы империи? Конечно, положение ее было нелегким. Она была всего лишь «заместительницей» своего маленького сына до наступления его совершеннолетия. Уже одно это делало ее положение достаточно зыбким. Должно быть, и муж ее не мог оказать ей существенную поддержку. Вот он-то действительно был в России чужим: приехал совсем недавно и едва ли

так хорошо ориентировался в окружающей обстановке.

Но ведь должны были наличествовать в управленческом аппарате лица, способные к управлению государством и действительно управляющие этим самым государством! Таким человеком был при Анне Леопольдовне Андрей Иванович Остерман. Но она не исполнила самого важного его совета, который, кажется, вполне возможно было исполнить, – не пресекла интриги Елизаветы. Почему Анна Леопольдовна не заключила цесаревну под арест? Что помешало? Добросердечие или страх? Анна Леопольдовна не имела никаких оснований питать в отношении своей двоюродной тетки добрые чувства. А вот опасаться Елизаветы она могла, вероятно, прежде всего потому, что Елизавета успела заручиться поддержкой Франции. Арест, изоляция Елизаветы уже могли привести к «международному скандалу». Через французского посланника в России, маркиза де Шетарди, Елизавета уже получала денежное «обеспечение» будущего прямого заговора. Конечно, едва ли во всем этом играли важную роль ее близкие отношения с маркизом. Людовик XV предоставлял Елизавете средства на заговор как бы в обмен на будущий союз с Россией, суливший Франции определенные выгоды. Кстати, Елизавета свои обещания исполнила, и именно в ее царствование Франция признала Россию империей. В короткое правление Анны Леопольдовны Россия ведет очередную войну со Швецией, русские войска под командованием фельдмаршала Ласси одерживают серьезную победу, Россия приобретает часть финских земель. Об этой войне в рамках Романовской концепции часто пишут, что она была «непопулярна в русском обществе». Что это, в сущности, может означать? И почему подобные же войны, которые велись Петром I, а в дальнейшем Елизаветой и Екатериной II, вовсе не трактуются как «непопулярные»? А ведь все это военные действия совершенно одного порядка – борьба за расширение государственной территории. Даже у самого заядлого «концептуалиста» не повернется, что называется, перо приписать этим войнам какой-нибудь, например, «освободительный» или иной «справедливый» смысл... Но если мы вспомним, что союзницей Швеции являлась Франция, и сопоставим этот факт с «французской интригой» в Санкт-Петербурге, которую ведут Елизавета и де Шетарди, и вспомним, что в салон Елизаветы активно вхож и шведский посланник, тогда нам, пожалуй, станет ясно, кто и почему усиленно муссировал и распространял мнение о «ненужной» и «непопулярной» войне, столь благополучно и бездумно дошедшее до учебников и в наши дни...

Но было бы, наверное, неправильно полагать, будто Анна Леопольдовна уж совсем ничего не предпринимала для «нейтрализации» соперницы. Например, в Санкт-Петербург приглашен был в качестве возможного претендента на руку и сердце зрелой красавицы Людвиг Вольфенбюттельский, брат герцога Брауншвейгского. Но было бы уже неестественно предполагать, что Елизавета оставит свои интриги и покинет Россию. Кстати, как только она взошла на престол, незадачливый жених был с пренебрежительной поспешностью выслан на родину...

Достаточно много написано о захвате Елизаветой престола. Это был самый обыкновенный разбойный захват, свержение законного императора. Уже не требуются в качестве псевдовыборных органов никакие земские соборы, сенаты, верховные советы. Чтобы получить всероссийскую императорскую корону теперь довольно поддержки кучки авантюристов в мундирах... Как же легко осуществляется после Петра I вся эта чехарда воцарений! Индифферентность, равнодушие так называемых «широких слоев населения» поражает. Кажется, последний раз «население», «народ» активно действует аж при Софье

Алексеевне! Но почему так? Вероятно, мы имеем две причины. Первая: интенсивное развитие крепостного права. И вторая причина, даже более важная: кто бы ни оказался на престоле, никаких кардинальных изменений не происходит; идет постепенное развитие в русле, намеченном Петром; интенсификация крепостного права и на этом фундаменте – развитие дворянской культуры, войны за расширение государственных границ, ведущиеся посредством армии, которая основана на рекрутских наборах и последующей полнейшей зависимости солдата... Но это что же, так все хорошо и потому не вызывает никакого возмущения?.. А в каких вообще случаях возникают эти самые «возмущения»? Мы уже отметили начало интенсивных «возмутительных выступлений» вовсе не там, где люди особенно закрепощены, а там, где они свободны – на Дону... Стало быть, эти самые «выступления» возникают не тогда, когда особенно тяжело, а когда возможно выступить. Вспомним хотя бы выступления стрельцов при Софье; эти выступления – вовсе не стихийный «народный бунт», стрельцы еще представляют собой достаточно организованную военную силу, а Петр решается на коренную ломку – на уничтожение «кантонистской армии» стрельцовой...

Но, повторяем, при его преемниках не происходит никаких коренных изменений. И никакой организованной силы, которая могла бы противиться институту абсолютной монархии, нет в России...

Мы уже говорили и еще будем говорить о том, как Романовская концепция в свое время «пожертвует фигуру Петра». С тех пор историки неоднократно попадали в некий трагикомический «просак». С одной стороны, утверждалось, будто реформы Петра «были чужды народу»; с другой – выходило, что Елизавету «народ поддержал» именно как «дочь великого Петра» и продолжательницу петровских традиций... Это смехотворное противоречие благополучно дожило до современных учебников. Кроме того, мы, конечно, имеем давнюю уже традицию, бездумно воспринятую позднейшими историками; традицию доказывания того, что Романовы-Милославские на троне были дурными и чуждыми России правителями (а целая череда немецких принцесс на всероссийском престоле оказалась в дальнейшем вполне «своей»)... Но что же на самом деле осуществляли Анна Иоанновна и Анна Леопольдовна? Конечно, «продолжали петровские традиции»! За вычетом демократических кунштюков типа ассамблей. И невозможно было «не продолжать эти самые традиции». И в управленческом аппарате оставались именно прежние сподвижники Петра...

Итак, заговоры в пользу того или иного претендента остаются внутренним делом. Заговорщиков всегда сравнительно небольшое число. Но романовский страх перед заговорами, действительными и вероятными, только крепнет, стимулируя дальнейшее развитие романовской же системы тотальной слежки, системы тайного следствия и тайного же наказания. Кажется, затаенное мучительное ощущение себя «чужими» на престоле сделалось фамильной чертой романовской психологии. Может быть, отсюда легенда об Александре I, ушедшем от престола в отшельничество под именем «старца Федора Кузьмича»; отсюда типы Павла I, Николая I, Николая II – императоров, стянувших свою растерянность жестким мундиром, жестоких от робости и неуверенности. Да и на что опираться Романовым? Сплошные мнимости позади. Национальная доктрина отнимает у них Петра, а и сам Петр, при ближайшем рассмотрении, оказывается опасным демократом. Величайшая императрица – разбойная захватчица трона и убийца мужа. И на каждом шагу в истории Романовых – опасные для них тайны, все приходится переиначивать, прятать,

сжигать...

История Ивана Антоновича после свержения, судьба его матери, отца, братьев и сестер – еще один романовский «секрет на весь свет». Обошлась ли Елизавета с ними слишком жестоко? О нет! Когда речь идет о короне и троне, «слишком жестоко» с соперниками не бывает! И, несмотря на то, что «государственные умы» при Анне Леопольдовне – Остерман, Головкин – тотчас сосланы, внутренняя угроза для Елизаветы не миновалась. Свидетельство тому, например, – заговор 1743 года, во главе которого стояли отец и сын Лопухины и графиня Бестужева-Рюмина; заговор в пользу Ивана Антоновича.

При Анне Иоанновне в северную ссылку ушло около сорока тысяч человек. При Елизавете – уже свыше восьмидесяти тысяч. Подобные цифры будут все возрастать при последующих императорах. Романовым страшно, у них нет уверенности в завтрашнем дне, они пытаются обезопасить себя...

Но вернемся к «секрету» ссылки Ивана Антоновича и его родных. Драматическая эта история подробно описана в исследовании барона Модеста Андреевича Корфа «Брауншвейгское семейство». Этот Корф был потомком того самого барона Корфа, который был одним из непосредственных исполнителей приказа о ссылке, и маленький мальчик – свергнутый император – запомнил его как доброго человека. Судьба рукописи труда М. А. Корфа показательна. Хранилась эта рукопись в библиотеке Зимнего дворца, и читать ее могли фактически только члены императорской фамилии. Уже перед самой революцией семнадцатого года опубликованы были две главы. Затем рукопись была забыта аж до 1993 года!..

Исходя из документов, с которыми ему удалось ознакомиться, Корф рисует тоскливую картину жизни ссылке в Холмогорах. Такая это скудная, отупляющая, лишенная развлечений, наполненная мелочными злобными интригами охранников и малочисленной прислуги, такая это тоскливая жизнь! И все это – в тесных комнатах, при невозможности выйти за пределы двора... И как, наверное, мучительно было терпеть такое падение... Впрочем, Анна Леопольдовна терпела недолго. За время ареста и ссылки у нее родилось еще трое детей (Иван и Екатерина родились еще «на свободе»): Елизавета, Петр и Алексей. При пятых родах она скончалась. Тело ее было отправлено в Благовещенскую церковь при Александро-Невской лавре, где погребены многие представители семьи Романовых, причем места их погребений не были означены ни памятниками, ни надписями. На рапорты императрице о необходимости для Анны Леопольдовны повивальной бабки ничего из Петербурга не отвечали, начальники охраны вынуждены были действовать на свой страх и риск. Вдовый герцог прожил еще долго. Четверо его детей уже в преклонном возрасте высланы были в Данию по договоренности с их родственниками по отцу, датским королевским семейством. Там, в Дании, в Горсенсе, они и умерли. Обращают на себя внимание внешние проявления полнейшей покорности Брауншвейгской семьи. Герцог шлет Елизавете, а затем Екатерине II униженные письма-прошения. В частности, он просил о возможности для его детей получить хоть какое-то образование. Этой возможности ему не предоставили.

Обратим внимание также на имена детей Анны Леопольдовны. Первые двое названы «по Милославской линии»: сын – в честь «родоначальника», Ивана Алексеевича; дочь – в честь матери Анны, Екатерины Ивановны. Далее имена круто «сворачивают на линию Нарышкиных». Елизавета – в честь царствующей уже императрицы, Петр и Алексей...

Но это была, пожалуй, лишь внешняя покорность. Корф приводит донесения о том, что

супруг упрекал Анну Леопольдовну, зачем она не ставила его в свое время в известность о все ширившихся толках о заговоре Елизаветы. Он также пытался общаться с солдатами-охранниками. Солдаты эти носили ему в свои именины пироги и называли «сам батюшка». Из чего, однако, наверняка, не следует, будто Антон-Ульрих намеревался поднять бунт. Впрочем, Елизавета подобным же образом налаживала отношения с преображенцами...

Была, однако, в семье Анны Леопольдовны одна личность открыто бунтарская. Это, конечно, вероятный сын придворного живописца Иван Антонович. Наверное, другой такой незаурядной личности после Петра Великого не было у Романовых. С самого раннего детства он был отделен от родителей, затем заключен в Шлиссельбургскую крепость. Кто воспитывал его, остается неизвестным. Но по воспитанию своему это был самый, да нет, что уж там, единственный настоящий русский император за всю историю всероссийской империи. Он знал, кто он, связно рассуждал, умел читать по-церковнославянски, был наставлен в православии и едва ли не склонялся к «древнему благочестию», к «раскольничьим» убеждениям. У него была хорошая память, он помнил раннее свое детство, цитировал читанное. Когда он был еще крохотным младенцем, Елизавета и ее сторонники распространяли слухи о его слабом здоровье. Но вырос он сильным человеком, обладавшим, по всей вероятности, поистине железным здоровьем – такую жизнь он выносил! И бунтовал, не сдавался, отстаивал свои права, в которых был уверен...

Цитата из Корфа:

«20 июля Овцын писал Шувалову: «Доношу вашему высокографскому сиятельству, лекарь был и арестанта видел. (Перед этим Корф упоминает, что это единственный раз, когда прислали к заболевшему узнику врача, до того Иван Антонович вынужден был сам перемогать свои болезни.) Когда лекарь к нему вошел, он весьма оробел, и пока лекарь здесь был, он был смирен и с лекарем говорил весьма порядочно (между прочим, Иван Антонович, как первые Романовы и его дедушка Иван Алексеевич и бабушка Прасковья, никакими языками, кроме своего родного русского, не владел. – Ф. Г.), а как лекарь отъехал, то опять беспокоиться начал и был в великой амбиции, а особливо против меня. А сего числа по полудни в 6-м часу, когда ему воду на чай подали, он требовал, чтоб ему в чашку наливали, а когда в чашку воду наливать не стали, то он закричал: «Пошлите мне сквернаго своего командира!» Когда ж я к нему вошел и спросил, кого он спрашивал, то он стал меня бранить всякими сквернословиями; я закричал, чтоб он не беспокоился, на что он закричал: «Смеешь ли ты на меня кричать? Я здешней империи принц и государь ваш!» Я ему сказал, чтоб он такой пустой бредни не врал, а ежели спокоен не будет и станет врать, то будет крепче содержан и его бить станут...» А вот что писал об Иване Антоновиче в своем исследовании о семье Анны Леопольдовны В. В. Стасов: «Нам представляется молодой человек, с сильным, неукротимым характером... перед нами является юноша, узнавший, вопреки всем предосторожностям и запрещениям под смертной казнь, о царственном своем происхождении и непреклонно, бесстрашно, с достоинством заявляющий о нем, несмотря ни на какие угрозы; наконец, юноша, точно так же, по секрету, контрабандой бог знает от кого и когда научившийся грамоте и познакомившийся твердо и примечательною памятью, со священным писанием и множеством книг религиозного содержания...»

Впрочем, для нас, вероятнее всего, навеки останется тайной, кто же воспитывал и образовывал несчастного Ивана Антоновича. Вероятно, мы многого не знаем и не узнаем. Поскольку «модель Федора Алексеевича» продолжала действовать и развиваться. Так, по вступлении на престол Петра III был издан на основании его устного распоряжения указ о

том, чтобы «имеющиеся с известным титулом дела» (то есть все документы периода Ивана Антоновича – от 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 года)... что сделать?.. Вы правильно угадали: конечно, сжечь! Предварительно, впрочем, сняв копии, которые предписано было хранить «в запечатанном виде».

Есть, однако, сведения о том, что Петр III посетил узника и строил планы его освобождения. Но, разумеется, эти намерения исполнены не были, слишком мало сам Петр III пробыл на престоле.

Но романовские тайны, хотя и надежно сокрытые в подробностях, в сути своей оказывались «секретами, известными всему свету». Так, во второй половине XIX века появляются популярные «художественные» версии трагических судеб Ивана Антоновича и самозванки, известной под именем «княжны Таракановой». В 1864 году на академической выставке представлена была всем нам теперь известная «Княжна Тараканова» молодого художника Флавицкого. Картина художника Ф. Е. Бурова «Шлиссельбургский узник», изображающая посещение Петром III Ивана Антоновича в Шлиссельбургской крепости, была написана в 1885 году. В 1879 году выходит в свет роман об Иване Антоновиче «Мирович» писателя Г. П. Данилевского, роман этот представляет собой как бы первую часть дилогии (второй частью явился роман «Княжна Тараканова»). Интерес к трагическим судьбам «царственных узников» вполне соотносился с определенными либеральными настроениями в обществе.

Иван Антонович был убит в 1764 году, двадцати четырех лет от роду. Формальным поводом к убийству узника явился странный заговор некоего Василия Яковлевича Мировича, служившего в военной службе, поэта, и внука одного из сподвижников известного малороссийского гетмана Мазепы, противника Петра I и союзника Карла XII. Заговор Мировича был так странен, так выгоден Екатерине II, что невольно приходит мысль о ней как об «организаторе» этого заговора. Причем, роль Мировича понять не так просто, если не невозможно. Ведь он был казнен. Интересно рассуждает об этих событиях современный писатель Владимир Соснора...

Впрочем, как мы уже знаем, заговор Мировича был не первым заговором в пользу Ивана Антоновича. О заговоре 1743 года мы уже говорили. Уже летом 1742 года в Москве пытался организовать заговор прапорщик Преображенского полка Петр Ивашкин. Причем, в качестве доводов при вербовке сторонников Ивашкин приводил то, что Иван Антонович происходит по прямой линии от старшего романовского «колена», от царя Ивана Алексеевича; в то время как Елизавета – от младшего, от Петра Алексеевича, и, к тому же, прижита «до венца», во внебрачном союзе... Да, еще невозможно было для Елизаветы выставить Анну Леопольдовну и Ивана Антоновича «немецкими родственниками» Анны Иоанновны; еще слишком хорошо помнилось, кто есть кто...

Но загадочный заговор Мировича в пользу Ивана Антоновича погубил и этого последнего, и самого Мировича. Существовало предписание, согласно которому, если будет предпринята попытка освобождения узника, следует охранникам убить узника; что и было сделано, едва Мирович проник в крепость.

Так погиб самый русский из всех российских императоров, человек, чьи незаурядные способности смогли проявиться лишь в сопротивлении унижениям, которым подвергли его захватившие престол соперницы – императрицы Елизавета и Екатерина II.

Но еще раз хочется подчеркнуть, что чехарда узурпаций оставалась делом, что называется, «внутренним»; заговоры и захваты не вовлекают большого числа людей, не

приводят к тому, что именуется обычно «массовыми выступлениями».

Елизавета (правила с 1741 по 1761). Звезды «гарема» императрицы

Для захвата престола Елизавета Петровна помимо поддержки Франции и Швеции желала заручиться поддержкой военной элиты, привилегированных армейских частей (такowymi являлись поддержавшие ее преображенцы). Романовская концепция часто опирает на ее «симпатии к народу», проявлявшиеся, впрочем, в том, что она охотно принимала от гвардейцев именинные пироги и бывала на свадьбах и крестинах в их семьях крестною и посаженою матерью. Обычно говорится также, что и Анна Иоанновна, и Анна Леопольдовна всячески третировали ее, и потому бедняжка принуждена была к скудному житию в Покровской и Александровской слободах, где и сблизалась со страшной силой «с народом». Разумеется, и это всего лишь очередной всплеск романовского мифотворчества. Зачем? Затем, что Елизавета – узурпатор, незаконно захвативший престол, и потому в системе ее апологетики нужны некие «моральные обоснования» подобного захвата. Отсюда и романовские мифы о том, что при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне государство управлялось дурно и жестоко, а бедняжка Елизавета терпела всевозможные утеснения. На самом же деле, она помимо доходов со своих владений получала содержание из казны – почти пять десятков тысяч рублей – и большую часть своего времени проводила в интригах на балах и приемах...

Система «служилости», созданная Петром, продолжает действовать. Поэтому и при Елизавете в управленческом аппарате оказываются одаренные политики, такие как Лесток и Иван Иванович Шувалов. Продолжается политика активного участия России в европейских военных действиях, имеющая своей целью прежде всего закрепление за империей ряда территорий европейского севера. Этот политический курс уже катился как бы сам собой по накатанной колее. При Елизавете, с 1756 по 1763 год, ведется Россией в союзе с Австрией, Францией и Швецией Семилетняя война. Война эта была направлена против Пруссии, то есть против политического курса прусского короля Фридриха II, действовавшего в интересах объединения немецких земель. Фридрих II, незаурядная личность, талантливый политик и полководец, надолго становится едва ли не самым важным лицом во внешней политике Российской империи. Не так трудно было понять, что, способствуя уничтожению в зародыше будущей Германии, Россия, прежде всего, ослабит себя. Наследовавший Елизавете на престоле Петр III заключает с Фридрихом мир и союз. Этот договор супруга Петра III (будущая Екатерина II) всячески пыталась представить как предательство интересов Российской империи. Узурпировав власть, она демонстративно разрывает этот договор, но затем... восстанавливает договор с Пруссией, конечно же, без всякого шума и демонстративных заявлений...

Царствование Елизаветы можно назвать временем «расцветшего» фаворитизма. Выпячивание личности правительницы, окружившие ее роскошь и пышность, – все это напоминает нам о правлении во Франции Людовика XIV, известного «короля-солнце». Великолепные кареты, несколько тысяч нарядных платьев, балы и приемы... При Елизавете получает дальнейшее развитие то, что принято именовать «двором», «придворной жизнью». В сущности, «двор», «придворная жизнь» по французскому и английскому образцам

начинают свое интенсивное развитие уже в недолгое царствование Екатерины I, отчасти по инициативе Меншикова: ему, выскочке, просто необходимо окружить себя роскошью и блеском, ведь надобно заставить забыть о своем происхождении... Но если углубиться еще далее, то возможно, пожалуй, открыть истоки российского «двора» уже в известном Кукуе, в Иноземной слободе. В основе своей уклад жизни здесь являлся бюргерским, но выделялось и кое-что совсем иное. Так, после прихода к власти в Англии в 1649 году вождя английской буржуазной революции Оливера Кромвеля поселились в Иноземной слободе несколько семейств английских роялистов. В их числе было и семейство Гамильтонов, впоследствии принявших православие; на Евдокии Григорьевне Гамильтон женат был Артемон Матвеев, воспитатель Натальи Кирилловны Нарышкиной, некоторое время фактически правивший государством...

Петра, как мы уже знаем, развитие придворной жизни не привлекало. Но, развиваясь все более в дальнейшем, «двор» достигает расцвета при Елизавете Петровне. Окончательно оформляется и получает особое значение институт фаворитизма. Особую пикантность этому периоду российского фаворитизма придает то, что речь идет не о женщинах-фаворитках, но о некоем блестящем «вельможном гареме» при особе императрицы. Впоследствии то же самое мы увидим при Екатерине II; причем, она царствовала дольше и оттого «гарем» был пышнее, многочисленнее и более блистателен. Из числа фаворитов Елизаветы можно сразу выделить одаренного и образованного И. И. Шувалова. Того самого — из Ломоносова —

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов...

Или еще —

Чертоги светлые, бряцание металлов
Оставив, на поля спешит Елизавет:
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет.

Это — об очередной поездке императрицы на лето в Царское Село... За Шуваловым стоят его родичи: граф Петр Иванович и его супруга Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, давняя доверенница, наперсница Елизаветы... Но сказать, что к власти на время пришел «род-клан» Шуваловых, мы уже не можем, те времена миновали; Петр и течение времени уже сделали свое дело, общественная структура изменилась, родов-кланов как таковых уже нет более...

Но Шувалов — интересное исключение. Для Елизаветы характерен именно «личный» фаворитизм. Так же, как и в случае с Петром II и Иваном Долгоруковым, Елизавета возвышает фаворита не за его заслуги в управлении государством, не за его способности, но просто за то, что ей импонирует он как личность. Проще говоря, юному Петру II «интересно» было дружить с Иваном Долгоруковым; Елизавете «интересно» находиться в интимной связи со своими фаворитами. Как видим, российская придворная жизнь приобретает черты открытости интимной, которые были так свойственны французским дворам от Людовика XIV до Людовика XVI, английской придворной жизни при Елизавете I и Карле II и т. д. Например, из той же самой оды Ломоносова о поездке императрицы в Царское Село, совершенно недвусмысленно делается понятно, какие

отношения связывают Елизавету и Шувалова; ода эта была написана в 1750 году. Любопытно отметить, что при таком образе жизни современники, писавшие об императрице, отмечали чрезвычайную набожность этой пышной белокожей красавицы, не стеснявшейся являться в маскарадах в мужском костюме. Так, Елизавета строго блюла посты, потому по средам и пятницам ужины ее бывали очень поздними: она не любила постного масла, и скромное кушанье подавалось с таким расчетом, чтобы сесть за стол, когда время постного дня уже завершилось...

Любопытен самый ранний портрет Елизаветы: на фоне горностаевой мантии совершенно голенькая девочка лет шести, в позе лежащей Венеры, поднимает ручку с медальонным изображением Петра. Портрет этот писан художником Каравакком. Кто заказывал эту картину – сам Петр или Екатерина Алексеевна, – мы, конечно, никогда не узнаем. Но это совершенно беспрецедентное изображение девочки, маленькой принцессы...

Осыпaeмый милостями и богатством фаворит, возвышающийся лишь благодаря своей внешней красоте, делается характерной фигурой царствования Елизаветы. Об Алексее Шубине мы уже говорили. Интересно, что тотчас по своем воцарении Елизавета посылает на Камчатку, куда он сослан Анной Иоанновной, отыскать его. Это может раскрыть нам представления императрицы о долге. Она не забыла человека, в которого, судя по всему, искренне была влюблена, который, вероятно, пытался в меру своих небольших способностей и возможностей содействовать ей в ее интригах. В Петербурге Шубин произведен в майоры лейб-гвардии Семеновского полка, ему пожалована Александровская лента. И самое значительное – пожалованы ему богатые поместья. Однако близкие отношения между императрицей и ее прежним фаворитом уже не возобновились, при Елизавете уже обретается другой возлюбленный, о котором мы сейчас скажем. Шубин удаляется в одно из своих поместий, в село Работки Макарьевского уезда Нижегородской губернии, где и проводит дальнейшую свою жизнь...

Место фаворита при Елизавете уже занял другой красавец, Алексей Розум из малороссийского села Лемеша, привезенный в качестве певчего придворной церкви полковником Вишневецким, посланным в славившуюся хорошими голосами Малороссию для набора певчих. К церковному пению Елизавета, кажется, питала слабость; а возможно, и к хорошим голосам. Во всяком случае, Мавра Шепелева сообщает ей особо в одном из своих писем из Киль о смерти взятого в Киль в штате Анны Петровны певчего Чайки...

Судя по портретам, Алексей Розум был красив характерной малороссийской красотой восточного типа – особенно выделялись на его лице красивые черные брови. Алексей Розум возвысился до графа Разумовского. От брата его, Кирилла Григорьевича, пошел аристократический род графов Разумовских, потомки Кирилла Григорьевича и по сей день живут в Германии.

Алексей Разумовский был, что называется, классическим фаворитом; никаких талантов, кроме хорошего голоса и умения угодничать императрицу в качестве возлюбленного, за ним не водилось.

Впрочем, Разумовскому спустя некоторое время пришлось терпеть сильного соперника, все того же Ивана Ивановича Шувалова. И, наконец, обоим им пришлось терпеть недолгое возвышение красивого Никиты Афанасьевича Бекетова, о котором стоит коротко рассказать.

Бекетов, кадет сухопутного корпуса, был много моложе императрицы. Начальник сухопутного корпуса князь Юсупов завел нечто вроде драматического кружка. Ставились пьесы Вольтера и Сумарокова; Бекетов на сцене был очень хорош и в женских и в мужских

ролях (женские роли еще исполнялись мужчинами). Вероятно, юный кадет был одарен как актер, имеется отзыв о нем видного российского театрального деятеля Федора Волкова. Волков говорил трагику Н. А. Дмитриевскому: «Увидя Бекетова в роли Синава я пришел в такое восхищение, что не знал, где я был – на земле или на небесах. Тут во мне родилась мысль завести свой театр в Ярославле». Елизавета Петровна очень заинтересовалась кадетской труппой, состоявшей из юных мужчин. Как пишет Бантыш-Каменский, увидев Бекетова на сцене, она тотчас по окончании спектакля пожаловала его сержантом. Спустя шесть месяцев Бекетов уже полковник. Елизавета осыпает его дорогими подарками. Однако этот «фавор» не продлился долго. Слишком сильны были соперники у юного актера. Предание говорит, что Мавра Шепелева и ее супруг Петр Иванович Шувалов, легко вкравшись в доверенность к Бекетову посредством самой простой лести, подсунули ему притирание для кожи, от которого на лице явились угри и сыпь. Тотчас Мавра Егоровна уведомила императрицу о «дурной болезни» Бекетова. Он был удален от двора, заболел от отчаяния нервной горячкой и по выздоровлении принужден был удалиться от двора навсегда.

В этой занятной истории «классического фаворита» интересна его «феминная роль». Вероятно, «фаворит при правительнице», не обладающий ни малейшими способностями к вмешательству в государственные дела, всегда выглядит несколько женоподобным. История возвышения и падения Бекетова чем-то напоминает историю гибели Адриенны Лекуврер, актрисы, возлюбленной Людовика XV и Морица Саксонского, красиво описанную в драме Скриба «Адриенна Лекуврер».

Что касается легенды о тайном браке Елизаветы, то об этом мы расскажем немного позднее.

А покамест перейдем к внуку Петра Великого, сменившему на престоле его дочь.

Петр III – 186 дней, или Оклеветанный принц

Кажется, царствование этого императора было самым коротким. Мы уже говорили о Карле-Питере, родившемся в Киле от Карла-Фридриха, герцога Голштинского и Анны Петровны, старшей дочери Петра Великого. Само имя, данное мальчику, должно было подчеркивать его права на два престола, на две короны – всероссийскую (по матери) и шведскую (Карл-Фридрих был в родстве с Карлом XII). Однако жизнь вовсе не балует мальчика. Через несколько месяцев после рождения он теряет мать. А в одиннадцать лет остается круглым сиротой. Двоюродная тетка Анна Иоанновна проклинает само его существование, для нее этот мальчик – живая угроза упрочению династической линии Романовых-Милославских. В Стокгольме также не рвутся короновать подростка Карла-Питера. И, наконец, наследственные отцовские владения так и остаются урезанными со времени Северной войны: Шлезвиг все еще принадлежит Дании.

Мальчик получает образование, обычное для его времени и происхождения – история, языки, математика, военное дело. Следует особо отметить его любовь к музыке, в которой ему не отказывала в дальнейшем даже его супруга (будущая Екатерина II), нарисовавшая в своих мемуарах его портрет одною лишь черною краской. По свидетельствам других современников, он был недурным скрипачом.

Захватившая престол Елизавета так же озабочена упрочением династической линии Романовых-Нарышкиных, как ее предшественница и соперница Анна Иоанновна заботилась о Романовых-Милославских. Обе были бездетны и потому все династические надежды возлагали на племянников.

Тотчас же по воцарении Елизавета предпринимает шаги для переезда племянника из Киля в Санкт-Петербург. Тринадцатилетний мальчик едет инкогнито (так ехал когда-то в Россию и его отец). Сопровождают подростка два опытных дипломата, Николай Андреевич и Иоганн-Альбрехт Корфы. Елизавета справедливо опасается, что мальчика могут насильственно задержать в Стокгольме или в Копенгагене. Родственники «Брауншвейгского семейства» могут использовать наследника российской новоиспеченной императрицы в качестве заложника, могут потребовать освобождения Ивана Антоновича и его близких.

Однако путешествие проходит благополучно. Зимой 1742 года мальчик прибывает в Санкт-Петербург. В том же году в ноябре вдруг является из Стокгольма делегация с известием об избрании Карла-Питера наследником шведского престола. Но у Елизаветы уже не отнимешь «ее собственного наследника»; она заблаговременно приняла меры: Карл-Питер уже принял православное крещение, теперь он – великий князь Петр Федорович.

Продолжается образование мальчика. Русскому языку учит его дипломат Исаак Веселовский, точным наукам – Якоб Штелин. Последний отмечает способности Петра Федоровича к математике, фортификации и артиллерийскому делу, а также великолепную память.

В 1745 году семнадцатилетний великий князь вступает в брак с шестнадцатилетней принцессой ангальтцербстской, Софией-Фредерикой-Августой, в русском крещении она была наречена Екатериной Алексеевной. Брак этот – следование уже апробированной брачной модели – брак наследника российского престола с немецкой принцессой, отпрыском семейства весьма небогатого. Кандидатура Софии-Фредерики усиленно

навязывается Елизавете Фридрихом II прусским, с которым императрицу связывают сложные отношения дружбы-вражды. А мать будущей Екатерины II приходилась родной сестрой принцу Карлу, епископу Любекскому, тому самому, что должен был сделаться супругом Елизаветы, но так скоропостижно скончался... Сохранились письма новой Екатерины Алексеевны, они адресованы прусскому королю, и из них явствует, что юная особа отлично понимала, какую замечательную услугу оказал ей этот умный человек, способствовав ее «русскому браку». Он как бы поставил ее на трамплин, а далее уж она сама исхитрилась сделаться императрицей всероссийской. Романовская концепция часто подчеркивает тот факт, что Петр Федорович ценил Фридриха, «врага России», а Екатерина II, напротив, разорвала якобы унижительный для России договор с Пруссией о мире и военном союзе. Но уже через два года после смерти Петра II Екатерина преспокойно заключила этот договор заново; без лишнего шума, как мы уже отметили. Семейная жизнь юных супругов, кажется, не была особенно счастливой. После рождения сына Павла они и вовсе отдаляются друг от друга. Властная Елизавета не ладит ни с племянником-наследником, ни с его супругой. Новорожденного мальчика она отнимает от родителей и сама руководит его воспитанием, явно намереваясь оставить ему престол. Повторяется, как видим, история взаимоотношений Анны Иоанновны с племянницей и мужем племянницы. Однако по завещанию престол все же оставлен именно Петру Федоровичу.

25 декабря 1761 года император Петр III вступает на престол. В своем первом манифесте он подчеркивает именно то, что он – внук Петра Великого, и обещает «во всем следовать стопам премудрого государя, деда нашего императора Петра Великого». И действительно, недолгое правление Петра III богато, что называется, «первыми шагами»: здесь и меры по развитию промышленности, и меры по созданию условий для развития науки и культуры; именно с воцарением Петра III Ломоносов связывал возможности расцвета науки и культуры в России; и, наконец, Петр III начинает интенсивно реформировать армию... Одним из важных распоряжений Петра III было распоряжение о ликвидации печально известной Тайной канцелярии. Один этот шаг рисует императора как реформатора очень серьезного. Что говорить о «Манифесте о вольности дворянства», согласно которому дворяне имели право служить или же не служить вовсе. (Вспомним, что первый шаг к этой «дворянской вольности» предпринят был еще Анной Иоанновной.) Неизвестно, во что вылились бы в дальнейшем реформы Петра III. Но так или иначе, «Манифест» вписал свою строку в трагическое писание российской истории. С одной стороны, «дворянская вольность», конечно, способствовала развитию дворянской, аристократической культуры, наилучшими плодами этого развития явились, прежде всего, Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Баратынский – русский литературный язык и российская словесность. С другой же стороны, та же самая «вольность» дала новый толчок еще более интенсивному развитию крепостного права: «неслужащие» дворяне принялись интенсивно хозяйничать в своих поместьях... Кажется, впрочем, Петр III желал продолжить внутригосударственную политику своего деда в отношении нивелировки сословий, но наверняка сказать трудно. Во всяком случае, едва ли он намеревался отменить или смягчить крепостное право. Едва ли...

Однако фактически все начатые Петром III реформы не получили дальнейшего развития в царствование Екатерины II. Почему? Попытаемся понять хотя бы на примере попытки армейских реформ Петра III. Реформы эти были весьма рациональны. Так же, как некогда Петр I обращает внимание на устройство западноевропейских армий, так же его внук берет за образец целый ряд рациональных моментов в устройстве армии германской, прусской.

Реформируется устройство армии, полков, батальонов и рот. Вводится более рациональная военная форма. Особое внимание уделено медицинской помощи, полковым лекарям. Начинается борьба за ликвидацию непомерных обозов, тормозивших мобильность армии. Предполагается проводить военные учения, держать армию в постоянной боевой готовности. Составлен «Строевой Устав пехотного полку для Российской Императорской армии». Однако устав этот до армии так и не дошел... Но все же, почему?

Да, Петр III желал действовать «как лучше». Но своеобразие величия Екатерины II, вероятно, заключалось в том, что она знала, понимала, «как надобно действовать». Она принялась всячески муссировать пресловутую «антипатриотичность» своего супруга, хотя ведь и его дед, Петр Великий, перенимал устройство армии у своих европейских противников. Далее Екатерина отлично воспользовалась тем, что попытка Петра III интенсифицировать военную подготовку вызвала раздражение привилегированных гвардейских полков, уже привычных к вольготной, почти как в прежних стрелецких слободах, жизни. Тотчас же после смерти Петра Великого выявилась роль гвардейцев в начавшейся чехарде переворотов и узурпаций. Екатерина совершенно справедливо полагала, что гвардейцы еще пригодятся ей именно в этом качестве «помощников» и потому следует не раздражать их, а, напротив, ласкать и баловать. И, кроме всего этого, Екатерина понимала, как должна развиваться армия империи – не «качественно», а «количественно». Петр I дал российской армии корабли, пушки и рекрутский набор. Екатерина II поняла, что в армии растущей империи вполне возможно экономить на модернизации вооружения, на провианте и обмундировании. Ведь все равно главная сила этой армии – не пушка, не штык, не автомат и не ракетная установка, а всегдашний бесправный Андрей Иванович, это он будет переходить в немыслимых условиях через Альпы и закрывать своим живым сердцем амбразуры. И чем больше их в армии, безответных, бесправных, тем легче побеждать.

В семидесятые годы Екатерина смягчает требования к росту рекрутов: теперь в армию берут людей более низкорослых. С 1767 года рекрутские наборы распространены и на крепостных малороссов (в малороссийских губерниях Екатерина ввела крепостное право). Но по-прежнему, основная сила российской армии – русский крепостной, переведенный из крепостной зависимости в зависимость армейскую. Бесчисленные Андреи Иванычи будут заколоты штыками, пробиты пулями, разорваны порохowymi взрывами во имя расширения екатерининской империи на север и на восток. И Романовская концепция во всех своих видах оправдывает и превозносит это издевательство над русским человеком...

Несомненно, Петр не оценил дальновидности мышления своей супруги. Покамест он строил проекты и намеревался быть подобным великому деду, она действовала, всячески дискредитируя мужа слухами и порочащими сплетнями. Так же, как некогда Елизавета, Екатерина пытается выставить себя обиженной, гонимой, едва ли не жертвой. Личные отношения супругов, как мы уже говорили, весьма дурны. Кто в этом виновен? Скорее всего, Екатерина. Петр Федорович склонен смотреть на женщин, как смотрел его великий дед, обоим не импонирует вмешательство женское в государственные дела. Но Петр Федорович явно не понимает, с какой женщиной он имеет дело. Он – «человек прожектов», она – «человек действия», прагматик. Когда-то Петр Великий расстался с Евдокией Лопухиной, потому что она оказалась прежде всего не «женой мужа», а «человеком своего клана». Петр Федорович и Екатерина фактически уже давно не живут совместную семейную жизнью. Екатерина третирует Петра как нелепого чудака. Петр презирает ее за безнравственность, ханжество, двуличие... Имеет ли он право на подобное презрение? Вероятно, в какой-то

степени – да. Розная, раздельная интимная жизнь супругов протекает у каждого по-разному. Петр Федорович вступает в близкие отношения с Елизаветой Романовной Воронцовой. В сущности, даже нельзя сказать, что она его возлюбленная, фаворитка; нет, эти отношения более напоминают настоящий брак. (Имеются свидетельства о том, что ко времени переворота Елизавета Воронцова ожидала ребенка от императора. Что случилось с этим ребенком после воцарения Екатерины, родился ли он живым, неизвестно, разумеется. Замужняя сестра Воронцовой, Екатерина Дашкова – горячая сторонница, близкая подруга будущей императрицы. Отец их, прозванный за взяточничество «Роман – Большой Карман», принужден лавировать между Петром III и будущей Екатериной II; после переворота он, конечно, «вышел сухим из воды».) Отношения Петра с Воронцовой – личное пристрастие. Ее отец не может быть ему полезен в политических делах, ее сестра и вовсе на стороне Екатерины. Сама же будущая императрица строит свою личную жизнь на основах совсем иных. Ее «романы» продиктованы не личными пристрастиями, но политической выгодой. Таковы ее отношения с гвардейцами, братьями Орловыми. Такова, по сути своей, ее интимная связь с претендентом на польский престол Станиславом-Августом Понятовским. От этой связи рождается дочь Анна, объявленная законной принцессой, то есть дочерью Петра Федоровича, что, естественно, компрометировало его и делало смешным. («Царевна Анна», впрочем, скоро умерла.)

Летом 1762 года произошел очередной переворот, супруга императора незаконно захватила власть. Тотчас ею были предприняты шаги по легализации захвата. В газетах был опубликован и широко обнародован в публичных устных чтениях манифест Петра III об отречении его от престола; сам Петр был отвезен в Ропшу, где, согласно официальному объявлению, очень вовремя для Екатерины скончался. (Вскоре, как мы знаем, был убит якобы при «попытке к бегству» и другой, крайне опасный для Екатерины человек, Иван Антонович).

Судя по сохранившимся сведениям, Петр пытался вступить с Екатериной в переговоры и упустил несколько возможностей покинуть страну. Официально было объявлено, что он умер от геммороидального припадка, похороны были торжественные, но поспешные. Позднейшие исследователи уже не могли сомневаться в том, что свергнутый император был убит. Возможно даже, что убийство было совершено самолично Алексеем Орловым...

Романовская концепция признала факт убийства. Теперь задача историков была это убийство оправдать. Ситуация складывалась жуткая в своей пикантности. По приказу женщины убит был ее супруг, отец ее ребенка. Итак, чем же оправдать подобное убийство? Историки достаточно осторожно указывают на то, что Екатерине самой грозила опасность: якобы, не прими она вовремя меры (то есть не убей она вовремя мужа?), Петр настоял бы на ее заточении в монастырь. Это утверждение никакой критики не выдерживает и, более того, не соотносится с уже начатой Петром политикой огосударствления церкви. Мы не находим свидетельств о том, чтобы Екатерине грозила хоть какая-то опасность. Напротив, она совершенно не была стеснена в своих действиях. Совершенный ею переворот – лучшее тому доказательство. «Раздельная» жизнь «двумя дворами» вполне устраивала Петра, никаких радикальных мер в отношении своей жены он предпринимать не собирался. Кажется, он наивно полагал, что своим поведением, сменой «партнеров» она компрометирует себя. Он не понимал, что это ее поведение – часть ее практики вербовки сторонников. «Распущенности» Екатерины он наивно противопоставлял свою «прочную связь» с Воронцовой.

Второе оправдание совершенного убийства: «неспособность Петра к правлению». Выдвигая это оправдание, Романовская концепция создавала опасный для самих Романовых прецедент. Оказывалось, что человека, согласно чьему бы то ни было мнению, «неспособного к правлению», вполне логично и как бы и законно – убить! То есть незаконное убийство трактовалось как логичное, «правильное», и потому как бы и «законное» действие.

Но особенно упирает Романовская концепция, как мы уже говорили, на «антипатриотизм» Петра III. Сюда подверстываются, конечно, его армейские реформы и некоторые шаги к огосударствлению церкви. Любопытно, что в этом последнем Петр III мог опираться на трактат М. В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа», кстати и до сих пор не преданный широкой гласности. Почему? Вероятно, потому, что реформы, предлагавшиеся Ломоносовым, несли на себе явный отпечаток протестантизма. Он прямо предлагал: «Пусть примером будет Германия». Но, как бы там ни было, конкретные меры по огосударствлению церкви предприняты не были. Екатерина же, естественно, в числе обвинений, выдвинутых ею против Петра, на первое место поставила его якобы намерение ввести «иноверный закон». Привлекая на свою сторону церковных иерархов, она приостанавливает начавшуюся секуляризацию монастырских владений. Но через два года возобновляет ее без лишнего шума... Помимо прочих мотивов Екатерина в период, предшествовавший перевороту, и тотчас по воцарении, стремится заигрывать с церковью, отлично понимая, что в стране сплошной неграмотности человек, говорящий с амвона, – мощное оружие пропаганды...

Надо сказать, что для Екатерины было характерно определенного рода обращение с указами супруга. Так, она широковещательно подтвердила упразднение Тайной канцелярии, но создала Тайную экспедицию – аналогичное злое учреждение для борьбы с «внутренними врагами».

О перевороте, совершенном Екатериной, существует достаточно обширная литература. Впрочем, почти вся она, начиная хотя бы с известных «Записок» Воронцовой-Дашковой, носит по отношению к будущей императрице апологетический характер, оправдывает ее действия и всячески стремится очернить императора.

Записки очевидцев переворота, мемуарные свидетельства и оценки, например, секретаря французского посольства в Санкт-Петербурге Рюльера или секретаря саксонского посольства Гельбига императрица впоследствии всячески пыталась уничтожить. Авторы винят Петра за нерешительность и отмечают «равнодушие народа», столь, впрочем, характерное для всей чехарды послепетровских (после Петра I) узурпаций, как мы уже говорили.

Советские модификации Романовской концепции фактически полностью приняли сторону Екатерины. Советские историки волей-неволей фиксируют забавный парадокс: с одной стороны, они, конечно, третируют Екатерину II как «угнетательницу»; с другой – прославляются победоносные екатерининские войны, всячески критикуется и осуждается Петр III за свое «антипатриотичное» поведение, и фактически открыто оправдывается убийство Петра III. То есть открыто проводится мысль о возможности устранения «неспособного» политика-соперника посредством убийства; равно как и о том, что территориальное расширение посредством интенсивных военных действий есть политика наиболее «патриотическая».

Но самым интересным источником, всячески чернящим Петра III, являются мемуарные

записки самой Екатерины II. Записки эти многократно цитированы (чаще всего без указания источника), пересказаны, послужили источником большого количества прозаических произведений. При этом очень немногие осознают, что на достоверность этих воспоминаний едва ли возможно полагаться.

Ведь «Записки» Екатерины II созданы вовсе не для того, чтобы как можно более точно вспомнить о том, что было; но, прежде всего, для того, чтобы изложить и внушить читателям свою версию происходивших событий. «Записки» Екатерины II характерны изложением живым и ярким, изобилуют множеством ярких живых подробностей и, на первый взгляд, производят впечатление весьма убедительных свидетельств. Поражает то, что Екатерина не щадит собственную репутацию. Но видно, что она готова не пощадить себя, лишь бы в очередной раз выставить Петра в черном, дурном свете. Екатерина рисует мужа человеком неумным, болезненным, психически ненормальным. В ее повествовании разбросано множество деталей, так или иначеставляющих Петра жалким и смешным, долженствующим вызывать гадливость и неприязнь. В описании подробностей интимной жизни «Записки» Екатерины спокойно могут спорить с каким-нибудь современным эротическим изданием. Впечатление удивительной нечистоты остается от описания того, как Елизавета приставила к молодой супружеской паре, Петру и Екатерине, опытную чету Чоглоковых, с целью «научения» молодых супругов интимной жизни. Екатерина уверяет, что ее супруг долго не мог исполнить свои мужские обязанности вследствие определенного дефекта физического. Не стесняясь, намекает на то, что сын ее и Петра Павел – не сын своего отца... О своем романе с Сергеем Салтыковым Екатерина рассказывает так, что фактически у читателя не остается сомнений – Салтыков, а не Петр Федорович, является настоящим – «по крови» – отцом Павла.

Но зачем же это последнее? Зачем она компрометирует уже не только постылого супруга, но и сына? Ответ достаточно прост: ей ведь необходимо держать сына в отдалении от престола и всячески это отдаление обосновывать. Ведь она узурпатор не только по отношению к мужу, но и по отношению к сыну. В сущности, она вступила на престол в качестве регента, временного правителя при несовершеннолетнем сыне своем, но по достижении им совершеннолетия она ему престол не уступила. Естественно, в ее интересах изображать и сына «неспособным», «человеком дурного характера» и даже «безумным». И – как бы между прочим – еще и незаконным, не имеющим права претендовать на отцовский трон...

Для Екатерины все ее соперники – «дурно воспитанные и праздные»; люди, которые «заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих». Она была настоящим политиком; когда дело касалось престола и власти, для нее не существовало никаких чувств, даже материнских. И что еще ей оставалось делать, если по поводу ее воцарения французский посол в Санкт-Петербурге восклицал: «Что за зрелище для народа, когда он спокойно обдумает, с одной стороны, как внук Петра I был свергнут с престола и потом убит, с другой – как правнук царя Иоанна увязает в оковах, в то время как Ангальтская принцесса овладевает наследственной их короной, начиная царевубийством свое собственное царствование».

Все сказанное Екатериной в «Записках» было так или иначе повторено в мемуарах ее приближенных, и более близких, и более отдаленных. Вероятно, о Екатерине возможно сказать, что именно она положила начало жанру псевдомемуаров.

Уже в царствование Александра I, внука Екатерины, воспитанного ею и заложившего

краеугольные камни в здание культа «великой императрицы», были написаны интересные и очень стилистически своеобразные воспоминания Андрея Тимофеевича Болотова «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Вот как тщательно воспроизводит Болотов все «концептуальные доводы», которые Екатерина всячески распространяла, готовя переворот:

«...около сего времени ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его, которые чем далее, тем становились хуже, не только во всех знатных с часу на час увеличивалось, но начинало делаться уже почти и всенародным, и все, будучи крайне недовольным заключенным с пруссаками перемирием и жалея об ожидаемом потере Пруссии, также крайне негодуя на беспредельную приверженность государя к королю прусскому, на ненависть и презрение его к закону, а паче всего на крайнюю холодность, оказываемую государыне, его супруге, на слепую его любовь к Воронцовой, а паче всего на оказываемое отчасу более презрение ко всем русским и даваемое преимущество пред ними всем иностранцам, а особливо голштинцам, – отважились публично и без всякого опасения говорить, и судить, и рядить все дела и поступки государевы. О государыне же императрице, о которой носилась уже молва, что государь вознамеривается ее совсем отринуть и постричь в монастырь, сына же своего лишить наследства, изъявлять повсюду сожаление и явно ей благоприятствовать...»

Однако о готовящемся заговоре и о своей дружбе с Григорием Орловым Болотов пишет вот что:

«...дело сие и тогдашнее предприятие г. Орлова было такого рода, которого счастливый и отменно удачный успех не мог еще быть никак предвидим и считаться достоверным, то, напротив того, все сие отважное предприятие сопряжено было с явною и наивеличайшею опасностью, и всякому, воспринимающему в заговоре том соучастие, надлежало тогда, властно как на карту, становить не только все свое благоденствие, но и жизнь самую...

Нет! нет! Никогда бы и никак я на то не согласился, и как бы г. Орлов не стал меня уговаривать, но я верно бы его не послушался. А как бы скоро сие случилось, то подумайте, не подверг ли б я себя и самым сим превеликой опасности? Не вооружил ли б я всю их шайку на себя злобою? Не произвел ли б я во всех их опасение, чтоб я не донес на них государю и не подверг их всех опасности величайшей, и не могли ль бы они, для обеспечения себя от меня, предпринять против самого меня еще чего-нибудь злого и даже восхотеть сбить меня с рук и с света?

Да хотя б и того не было, как не мог ли б я и после, как хотевший быть с ними заодно, претерпеть какого-нибудь за то бедствия и опасности?.. Не стал ли б тогда меня самый долг присяги побуждать открыть столь страшный заговор самому государю? Но отважился ли бы я и на сие предприятие?..»

Однако далее – Болотов (именно благодаря известному Манифесту о вольности дворянства) получает возможность выйти в отставку и едет в провинцию, к родным – «Не прошло еще и одной недели с приезда моего, как вдруг получаем мы то важное и всех нас до крайности поразившее известие, что произошла у нас в Петербурге известная революция, что государь свергнут был с престола и что взошла на оный супруга его, императрица Екатерина II.

Не могу и поныне забыть того, как много удивились все тогда такой великой и неожиданной перемене, как и была она всем поразительна и как многие всему тому обрадовались, а особливо те, которым характер бывшего императора был довольно известен

и которые о добром характере нашей новой императрицы наслышались...»

Ну вот, мудрому, как говорится, довольно! Но о чем только думали творившие Романовскую концепцию историки, когда научали читателей радоваться разного рода «внезапным революциям», в результате которых, обходя понятия долга, чести, присяги, «лучшие» успешно заменяют «законных»...

Интересно, что уже в период Перестройки утвердившийся взгляд на Петра III как на «непригодного к правлению» и «антипатриота» начинает пересматриваться. В частности, выходят из печати: эссе В. Сосноры «Спасительница отечества» и исследование А. С. Мыльникова «Искушение чудом»...

Сохранившиеся портреты показывают Петра III как человека с довольно мягким выражением лица; брови и чуть закругленный кончик носа выдают фамильное сходство с Петром I, Елизаветой и Анной Иоанновной – романовское сходство...

И следует заметить напоследок, что, реабилитируя подобным образом принцев и императоров, «оклеветанных несправедливо», легко, что называется, «увлечься в их сторону» и начать идеализировать их (это, в частности, касается и известного популярного исследования Н. Я. Эйдельмана о Павле I).

Екатерина II (правила с 1762 по 1796). «Великая беззаконница»

Вот о ком мы, кажется, знаем все и даже и более того. Величайшая правительница из династии Романовых к самим Романовым имела отношение весьма своеобразное. Одного из них, своего законного супруга, императора, она просто свергла незаконно с престола и приказала убить. Другому, своему сыну Павлу, дала тщательное образование и воспитание, но к престолу при жизни своей так и не подпустила. И после ее внезапной смерти ему пришлось вступать (взбегать?!) на всероссийский престол, как бы оглядываясь, опасаясь: а вдруг сыщется завещание императрицы в пользу внука, Александра Павловича; а вдруг повредит Павлу известный манифест об отречении его отца от престола... Еще двух представителей династии Романовых, Константина и Александра Павловичей, своих внуков, императрица воспитывала и, кажется, в традициях французских просветителей XVIII столетия. Интересно, как могла она объяснять внукам свою собственную жизнь с позиций Дидро, Д'Аламбера и Монтескье?..

Свое детство и отрочество Екатерина описала в уже известных нам «Записках». Из этих ее собственных воспоминаний мы знаем, в какой простоте и невзыскательности ее воспитывали, как рано она увлеклась философией и как философически снисходительна была к этому экспансивному и простодушному мальчишке, своему будущему супругу...

Но все же повторим некоторые известные сведения о Екатерине Алексеевне – Софии-Августе-Фредерике. Она родилась 21 апреля 1729 года в городе Штетин в Померании. Отец ее, принц из княжеского рода Ангальтцербст-Бернбургского, был губернатором Прусской Померании, мать, как мы уже поминали, приходилась родною сестрой незадачливому жениху Елизаветы Петровны, епископу Любекскому.

С 1744 года София-Августа-Фредерика – в России. Здесь она принимает православие и имя Екатерины... Вспомним, как в свое время упрямылся граф Вольдемар, не желая принимать православие; еще бы, перемена конфессии отрезала бы его от Европы... Но теперь, после Петра I, подобное уже не может произойти. Теперь переход в православие не отрежет принцессу от Европы и, в то же время, даст возможность воспользоваться в будущем поддержкой российских церковных иерархов...

С шестнадцати лет Екатерина – супруга великого князя Петра Федоровича, объявленного наследника престола. В своих «Записках» она пишет о том, как скудно ей жилось при Елизавете (ну, конечно, в губернаторском доме захолустного Штетина жилось богаче!). Но мы цену подобным жалобам знаем. Так жаловались уже и Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская, и Анна Ивановна, герцогиня Курляндская, и сама Елизавета. Всем им, оказывается, жилось очень плохо и скудно и бедно... И наилучшим способом поправить свои обстоятельства было, конечно, взобраться на всероссийский престол...

К власти Екатерину, как мы уже знаем, привела «революция» – незаконный переворот. И вовсе не диво, что вместо упраздненной Тайной канцелярии пришлось ей учредить Тайную же экспедицию. Ведь это на ее глазах, вследствие ее действий целая страна изменила присяге, принесенной императору. И уж она-то знала, что, если не принимать вовремя меры, случиться может все что угодно...

Первым деянием Екатерины явилась известная Уложенная комиссия. Впрочем, решение созвать депутатов от дворянства и купечества для обсуждения проекта нового законодательства было принято опять же Петром III. Депутаты уже начали съезжаться в столицу, но в связи с переворотом все приостановилось.

Результатом екатерининской комиссии явились «Учреждения о губерниях» и «Жалованные грамоты дворянству». Эти документы не являли собою ничего экстраординарного. Продолжалось развитие именно того, что и должно было развиваться. То есть продолжалось дальнейшее развитие завоевательной армии, «берущей» именно количеством, а не «качеством»; равно как и развитие дворянской культуры. И все это, естественно, за счет еще более интенсивного развития крепостного права.

Внешняя политика Екатерины характеризуется окончательным завоеванием и закреплением за империей малороссийских, белорусских, а также курляндских и ливонских земель, то есть территорий современной Прибалтики.

Углубляется и расширяется конфронтация Российской империи со своей серьезной соперницей, империей Османской (Османским султанатом). Екатерина развивает намеченную все тем же Петром III линию поддержки балканских сепаратистов, способствуя ослаблению соперницы «изнутри». Известный «Греческий прожект» Потемкина, предусматривавший создание подконтрольного Российской империи греческого государства, которое бы управлялось одним из старших внуков Екатерины, Константином Павловичем, при всей своей видимой абсурдности всего лишь предвосхищал дальнейшее. Интересно, что Константин, родившийся в 1779 году, получает «византийское императорское» имя, по настоянию бабушки он изучал греческий язык; в числе занимавшихся воспитанием мальчика лиц было много греков. «Прожект», впрочем, так и остался «прожектом». Однако последовательная поддержка сепаратистов, расшатывание соперницы-империи «изнутри» хотя и обходились недешево, но приносили свои плоды. Центром для действий эмигрантов, «нужных России», должна была стать Одесса. В городе, не так давно основанном, уже находит приют экстремистская организация «Филики Гетерия», из Одессы начинается известное выступление Александра Ипсиланти. Впоследствии в Одессу щедро текут деньги Азиатского департамента, оплачиваемый таким образом болгарский писатель Иван Вазов пишет роман с характерным названием «Под игом».

Создаются особенные исторические сочинения, в которых всячески подчеркивается «единоверие» русских, греков и болгар; зависимость балканских народов от России (такими, например, были труды Юрия Венелина). Однако даже век с лишком спустя после рождения Константина Павловича не удалось установить контроль над Балканским полуостровом, новообразованные болгарское и греческое государства ушли из сферы российского влияния. Но можем ли мы сказать, что усилия Екатерины и ее преемников были напрасны? О нет! Именно должная «идеологическая обработка», начатая еще великой императрицей, позволила в конце второй мировой войны Советскому Союзу как модификации Российской империи закрепиться на Балканском полуострове...

Однако, хотя мы и забежали далековато вперед, нельзя было не отметить последствия столь важных начинаний императрицы. Еще одним важным деянием Екатерины явилась, конечно, ликвидация польского государства. При наличии на территории Польши развитого этнического и конфессионального единства, фактически гомогенной структуры, напрасными оставались все «проекты обрусения Польши»; таким образом, эта ликвидация

посеяла мучительную рознь между двумя славянскими народами – русскими и поляками; можно сказать, что в состав империи ввели (и все глубже вводили) своеобразную «бомбу замедленного действия»...

Екатерина правила Россией дольше всех предшествующих и последующих императоров и царей. Да уж, свершилось. Колокола рокового предначертания судьбы грянули над потомством бедного Андрея Ивановича Кобылы. Апогей! Величайшая правительница, небывало расширившая границы империи, – самый наглый в российской истории узурпатор...

Взойдя на престол фактически в качестве регента, временного правителя, Екатерина далее устраивает себе пышнейшую коронацию. Еще бы! Она – сама себе закон! «Над нею нет судей!» Запятнанная кровью, она интенсивно муссирует понятия «тиран» и «просвещенный монарх». Она переписывается с Вольтером. Она – «Семирамида севера» и «Тартюф в юбке и короне». С ее нелегкой руки Суворов дозволит российской армии такие зверства при известном взятии крепости Измаил, что о зверствах этих напишут Кольридж и Байрон. Фридрих II, естественно, станет союзником Екатерины, и никто не упрекнет ее за это в «антипатриотизме»...

Во имя своего «европейского имиджа» она принуждена заигрывать с европейским либерализмом. А между тем, выезд из России затруднен чрезвычайно, на российского подданного, приехавшего в Париж, взирают как на чудо. Впрочем, не так просто и въехать в империю, хотя для «полезных масс» и делаются исключения; так появляются при Екатерине в России греческие и немецкие колонисты.

А «вольное дворянство» между тем порождает своих, уже отечественных либералов. Начинается борьба с Новиковым и Радищевым по принципу: «я тебя породил, я тебя и убью»...

Первая, после Петра I, Екатерина предпринимает основательное, и даже, можно сказать, грандиозное, путешествие по своей империи, озаглавленное известными «потемкинскими деревнями». Увы, эта «модель поездки правителя» останется в действии надолго. Потому что при Екатерине уже четко обозначилось, насколько велик разрыв между действительностью реальной и тем, каковой эта самая действительность должна представляться в официозных писаниях...

И, конечно, правление Екатерины, само ее воцарение не могло не вызывать к жизни мощных самозванческих движений.

После Петра Великого Романовы – сами себе соперники. Их уже не свергают люди «со стороны». Усилиями Петра Великого Романовы обрели имя! И вовсе не случайно самые знаменитые самозванцы екатерининского времени – Пугачев и княжна Тараканова – именуют себя внуками Петра Великого.

Любопытно, что последним самозванцем, интриговавшим против Романовых и при этом активно искавшим помощи в Западной Европе, был некий Тимофей Анкудинов, выдававший себя за сына царя Василия Шуйского. Он так и не нашел поддержки в Риме и был после дальнейших странствий выдан в Москву (интересно, что из Голштинии), где и был казнен в 1653 году.

Несколько раз являлись в Европе лжесыновья сына Марины Мнишек, якобы чудесно спасшегося от казни. Но все это бывали явления незначительные, и след их пропал почти тотчас.

И вот наконец-то появились самозванцы, действовавшие уже именем самих Романовых.

Надо сказать, что разгадывание загадок самозванцев – очень увлекательное занятие и всегда и пребудет таковым. Нет, нет, успокойтесь, мы все равно сейчас не разгадаем тайну «княжны Таракановой». Но все-таки скажем несколько слов о том, каким закономерностям подчиняется такое явление, как самозванчество, то есть что должно быть обязательно, когда некое лицо решается выдавать себя за коронованную особу или за наследника престола. Во-первых, выдавать себя непременно следует за правителя или наследника, имеющего законные права на престол. Если брак родителей претендента признается незаконным еще в самом своем начале, то самозванцу приходится тратить дополнительные усилия для утверждения о законности этого брака (так, в частности, было с Дмитрием I). Выдавать себя за незаконного потомка царствовавшей особы просто не имеет смысла, это ведь все равно не даст никаких прав на престол.

От «безмужних цариц» на российском престоле произошел ряд легенд о «тайных браках» и рожденных от этих браков детях. И правда, для того чтобы объявить себя потомком такой «безмужней царицы», нужно, конечно, прежде всего, создать версию о ее тайном, но законном бракосочетании с одним из ее фаворитов. Но в случае известной «княжны Таракановой» подобная версия о своем происхождении еще вовсе не давала прав на престол. Ведь после Петра I права на российский престол обеспечивало только личное завещательное распоряжение правителя. Составить подобное завещание вовсе не так трудно. И женщина, выдававшая себя за дочь Елизаветы, подобное завещательное распоряжение при себе имела (кстати, это было завещание очень и очень любопытное, над ним явно потрудился человек, хорошо знакомый с принципами французского просвещения и понятиями о так называемой «просвещенной монархии». Но не так уже трудно было найти в Европе такого человека).

Конечно, «княжна Тараканова» вовсе не первая подобного рода «законная дочь». В известный Преображенский приказ уже попадали дела о детях царевны Софьи от тайного брака с Голицыным и от другого, конечно, не менее тайного брака с Федором Шакловитым. Там же рассматривались менее интересные дела о менее интересных детях царевен Марфы и Екатерины. Костомаров поминает о «деле», возбужденном по поводу слухов о том, что Анна Иоанновна ждет ребенка от Рейнгольда Левенвольде и намеревается этому ребенку завещать престол. Карла и Петра, обоих сыновей Бирона, также называли сыновьями Анны Иоанновны от ее «законного брака» с Бироном. В «сыновья» последней (от Бирона!) зачислен был даже один из фаворитов Елизаветы, Иван Иванович Шувалов. Впрочем, ни Карл, ни Петр, ни Шувалов не претендовали на российский престол.

И тут встает один занятный вопрос: а собственно, зачем создавать себе излишние хлопоты? Зачем это нужно: иметь детей от непременно законных и при этом очень тайных браков? Зачем при этом не показывать своих «законных детей», но писать в их пользу «тайные завещания»? А при этом Анна Иоанновна и Елизавета еще и оставили престол «вполне официально», одна – внучатому племяннику, другая – просто племяннику... А, может, проще, если уж так сильно захотелось, иметь незаконных детей и легализовать их специальными титулами и фамильными прозваниями? Но у Анны Иоанновны и таких детей, конечно, не было. Зато имелся такой ребенок у Екатерины II. И можно проследить его судьбу. Конечно, это ребенок внебрачный, никаких прав на престол не имеющий изначально. Положение его легализовано, у него есть титул, он – известное лицо (напомним, что в биографии самозванца всегда должны быть «чудесные спасения от попыток отравления» и «таинственные бегства». Вся жизнь самозванца до его внезапного появления «на люди»

полна «тайн и чудес»). Незаконный же сын Екатерины от Григория Орлова, известный граф Бобринский, был, кстати, и рожден не по любовной прихоти. Рожден он совсем незадолго до предполагавшегося переворота. Отец мог предполагать, что за этим рождением последует и сам брак и желанное право на престол и власть. А мать? Мать могла предполагать, что отец именно так предполагает. И она этого отца, конечно, обманула, воспользовалась им и его братьями как ступеньками, гарантирующими восхождение на трон, а после променяла на других фаворитов. И правильно сделала: фаворитов надобно сменять, пока не обнаглели вконец.

Но кто же мог быть отцом мифической дочери Елизаветы? Называется, как правило, единственный кандидат, он же – герой «легенды о тайном браке», Алексей Разумовский. Это классический фаворит, бесполезный в делах правления, зато любимая (и дорогостоящая) игрушка в интимной жизни. Непонятно только, зачем рожать от него детей и, к тому же, сочетаться с ним законным браком...

Вот, например, мнение С. Н. Шубинского, автора популярных исторических очерков: «Елизавете шел тридцать третий год, и она была в полном расцвете красоты. Разные принцы-авантюристы, вроде Эммануила, инфанта португальского, принца Конти, графа Морица Саксонского и т. п., начали домогаться разрешения приехать в Россию.

Необходимо было положить конец этим проискам, иначе могло случиться, что который-нибудь приглянется императрице и, чего доброго, наденет «венец и шапку Мономаха». Представлялся для достижения цели единственный способ: связать тесными узами самодержицу с чисто русским человеком, и притом таким, который был бы предан духовенству и наименее был бы способен влиять на дела управления. Разумовский был самым подходящим во всех отношениях. Умному и ловкому Дубянскому нетрудно было подчинить себе суеверную и богомольную императрицу и уговорить ее превратить незаконную связь с Разумовским в освященную церковью форму брака...»

Это очень занятный текст. Но что для нас интересно? Разумеется, все попытки выдачи Елизаветы замуж с целью удаления ее из страны как нежелательной претендентки на престол заканчиваются с ее воцарением. Все! Больше никому и ни к чему заманивать в Россию иностранных принцев. И самой новоиспеченной императрице вступать в брак вовсе не хочется, незачем ограничивать себя как бы то ни было. И – многозначительная деталь, долженствующая сразу уничтожить толки о тайных браках и тайных же детях, – тотчас по воцарении Елизавета принимает все возможные меры для того, чтобы заполучить в Россию племянника, сына сестры, Анны Петровны, затем заботливая тетка спешит женить юношу, чтобы как можно скорее получить потомство от него. Престол должен быть закреплен за Романовыми-Нарышкиными, но сама императрица уже, судя по всему, не рассчитывает вступать в брак или иметь детей...

Определение «чисто русский человек» должно по логике обозначать в тексте Шубинского лицо православного вероисповедания. Но интересно, что и Дубянский, духовник императрицы, и Разумовский – выходцы из Малороссии. Этакая «малороссийская интрига», чуть не насильно влекущая под венец запуганную и послушную бедняжку-императрицу...

Но, наверное, еще интереснее послушать современников Елизаветы, то есть, как звучат их голоса под пытками в Тайной канцелярии. Вот тогда окажется, что (как и в случае с Анной Иоанновной) Разумовский – не единственный «тайный супруг и отец». В березовских допросах князей Долгоруковых всплывает версия наличия детей «мужеска и женска полу»,

прижитых цесаревною от... Шубина. Тайная канцелярия разбиралась с толками и слухами о детях Елизаветы от Бутурлина. И на протяжении всего царствования Елизаветы не прекращаются преследования лиц, толкующих о тайном браке с Разумовским и тайных детях от этого брака. За подобные толки наказывали плетьюми и ссылали на дальний север. Распространению сплетен о детях императрицы от Разумовского способствовало и то, что среди ее окружения какое-то время находились племянники братьев Разумовских, сыновья их сестер; одна из которых была замужем за казацким полковником Ефимом Дарагановым.

Самозванка, впоследствии выдававшая себя за дочь Елизаветы, является в Европе в самом начале семидесятых годов. Это совсем юная женщина, не старше двадцати лет. Если следовать логике, то отцами ее, скорее, должны быть «наследовавшие» Разумовскому Шувалов или Бекетов. Версия о том, что эта женщина – дочь покойной императрицы и даже наследница всероссийского престола, формируется не сразу. Заметно, что в интриге самозванки активно участвуют польские аристократы... Далее, как нам хорошо известно, самозванка была захвачена и привезена в Россию, где и скончалась в заточении. Чего могла опасаться Екатерина? Разумеется, и ей и «всем» было ясно, что завещание, которое имеет при себе неизвестная женщина, подложное. (Любопытно, что, предоставив государю возможность избрать наиболее достойного наследника, Петр I положил начало детективу под названием «Подложное завещание»... Началось с возможного завещания самого Петра; завещание это якобы существовало и отдавало престол Анне Петровне и ее потомству. Петр завещание составить не успел. Но даже в тех случаях, когда завещание было налицо, это никого не смущало, потому что немедленно сочинялась легенда о другом завещании, тайном и «гораздо более правильном».) Было бы смешно думать, будто поверят самозванке и ее завещанию. Но бояться того, что Европа выйдет из повиновения, Екатерина могла. Ведь только что Россия четко заявила себя в качестве опасной для Европы соперницы при возможном разделе Балканского полуострова, который много позднее Бисмарк определит как «мягкое подбрюшье Европы». Уже ясно, что Османский султанат – умирающее, загнивающее политическое тело, «больной человек». Уже состоялся первый раздел Польши. Уже повержена Запорожская Сечь – «военное государство»... Вспомним сравнительно недавнее воссоединение Западной и Восточной Германий, по поводу которого европейские газеты заметили, что Европа проснулась, а в постели – слон... При Екатерине Европа также отлично поняла, что Российская империя – слон большой и беспокойный. И внешне, казалось бы, Европа все более признает Россию. Но история самозванки (немного напоминающая историю Дмитрия I) явно показывает, что Европа вовсе не против ослабления и развала Российской империи. Недаром самозванка получает явную поддержку в Париже, Лондоне и в столице католицизма – Риме. (Эта «поддержка», впрочем, осуществляется исключительно на словах и ни в чем «практическом» не проявляется...)

И, одновременно с появлением самозванки в Европе, является самозванец и в самой Российской империи. Этот человек выдает себя за Петра III. Впрочем, и до него являлись самозванцы, выдававшие себя за супруга Екатерины. Его свержение с престола, внезапная смерть, поспешные похороны – все это не могло не послужить питательной почвой для самозванчества. Новый «Петр III» (нам хорошо известно его имя – Емельян Пугачев) был, что называется, «профессиональным военным». Он вернулся в Россию, когда Петр III заключил мирный договор с Фридрихом II и соглашение о частичном отводе в Россию русских войск. Пугачевское движение, разумеется, начинается вовсе не там, где свирепствует крепостное право, а в регионах, все еще недостаточно интегрированных в состав империи,

Поволжье, Яик (после подавления Пугачевского выступления река была переименована в Урал). Здесь все еще живут свободные мелкие землевладельцы, потомки русских, бежавших «от государства». Здесь же – территории «инородцев» – татар, башкир, калмыков, сопротивляющихся имперскому «прессингу». Здесь уже разворачивалось антиромановское движение Степана Разина. Здесь еще помнят обещания первых Романовых, так и не исполненные. В своем Манифесте Пугачев и обещает исполнить эти обещания о возможности создания независимого кантонистского государства, обещает «вечную вольность». Причем, речь идет вовсе не о всей Российской империи, а именно об отделении от нее определенных регионов – Дон, Волга, Урал (Пугачев обещает пожаловать «башкирцев и казаков» «рекою»)...

Пожалуй ты нам, батюшка, Тихий Дон,
Со вершины до низу со всеми реками, потоками,
Со всеми лугами зелеными,
И с теми лесами темными...

Но уже для Пугачева и его сторонников символом «супротивной» династии выступает захватившая власть Екатерина. Что же касается «роли» имени Петра III, то она не так проста, как может показаться. Ясно, что Петр III заменяет в концепции Пугачева кого-то иного, «незаконно, несправедливо» свергнутого и погубленного первыми Романовыми; то лицо, за которое очевидно выдавал себя Степан Разин. При Разине речь открыто велась о «законности» Рюриковичей (будь то Дмитрий I, его жена Мария Мнишек или ее сын) и «беззаконности» узурпаторов Романовых. Но колоссальное явление личности Петра I не прошло даром. Теперь Романовы, как мы уже говорили, сами себе соперники. И все же выступление Пугачева и его сторонников – антиромановское по сути, грозящее династии свержением. Интересно, что сам Пугачев – «служилый человек», «шевалье», много повидавший, побывавший в Европе. Известно, что его поддерживали поляки, желавшие сохранить польскую государственность. Вольтер не исключал возможности того, что Пугачева поддержит Франция. И, наконец, самозванка, узнав о Пугачевском движении, начинает именовать Пугачева «братом», «кузеном» (ну, конечно, если он – «сын» Анны Петровны, то «дочери» Елизаветы Петровны он и приходится двоюродным братом!)...

Как же действует в этой опасной ситуации Екатерина? Восхищения достойно. «Великая беззаконница» принимает решительные меры. Она «сама себе закон и право». Громко, на всю Европу объявляет она о том, что против нее действуют самозванцы, «всклепавшие на себя чужие имена». Она смело ударяет по своим противникам единственной истиной, которой располагает – да, они действительно самозванцы, они поставили не на ту карту. Она объявила самозванцев вне закона. Незвестную, выдающую себя за дочь Елизаветы, она просто захватывает в плен. Сделать это не так сложно, ведь за неизвестной не стоят войска. Но, конечно, это действие незаконное. И тут встает занятный вопрос о том, насколько «законно» объявлять себя «представителем» какой бы то ни было монархической «фамилии», династии. Например, в конце XX века на территории Российской Федерации проживает по меньшей мере три человека, активно выдающих себя за... внуков Николая II, сыновей «чудесно спасшегося» царевича Алексея; один из этих самозванных «внуков» весьма активно претендует на несуществующий престол несуществующей Российской империи...

Екатерина уже объявила о том, что ее противники – самозванцы. Европа молчит,

никаким возмущением не реагирует, когда Алексей Орлов увозит самозванную дочь Елизаветы в Санкт-Петербург...

Никакими подлинными российскими документами о самозванке мы не располагаем; что же касается сведений, хранящихся в зарубежных архивах, то они все еще не описаны и, соответственно, не проанализированы. В российском заточении самозванка скончалась менее чем через год...

Могло интересовать Екатерину, кто и каким образом участвовал в «создании образа» самозванной дочери Елизаветы? В известных нам копиях допросных документов самозванка называет ряд имен известных лиц – европейских политических деятелей. Никого из них, впрочем, не волнует ее заточение в России, и проверять сведения, сообщенные неизвестной, Екатерина явно не намеревается. Самозванка домогается встречи с императрицей. О чем неизвестная желала сообщить? О своем истинном происхождении? Смехотворная тайна! Некие тайны европейской политики? Вполне возможно, что «выдав» нечто подобное, она желала под этим предлогом просить себе снисхождения. Аудиенции она не получила. Несчастливая уже никому не нужна: ни тем, которые «создали» ее в Европе, ни Екатерине в России. Похоже, «тайны» самозванки вовсе не заключают в себе ничего тайного для императрицы. Несчастливая теперь всем нужна только мертвой. Была ли ее смерть естественной? Но Екатерина отлично знала, что хороший политический противник и претендент на престол – это мертвый политический противник и претендент на престол...

С неизвестной все же было сложнее, нежели с Пугачевым. Этот был «свой», российский, местные его корни вскрывались просто. Но для острастки других таких «местных», которые могут вздумать повторить нечто подобное, надобно было казнить его, как и Разина, публично. Самозванка же – «человек со стороны», из-за границы империи, ее публичная казнь только вызовет нежелательные слухи и разговоры. Зато ее бесследное, смертное исчезновение в России – острастка для всех тех, кто за границей пожелают повторить подобную авантюру...

Из небытия самозванку вывел молодой российский художник (польского, между прочим, происхождения) Николай Флавицкий. Картина его экспонируется в 1864 году («либеральный» период царствования Александра II, как мы уже поминали). У самозванки появляются шансы сделаться «российскою Марией Стюарт» – таким романтическим символом борьбы с деспотизмом и тиранией (интересно, что именно в этом качестве – как мало мы меняемся! – выступит самозванка в пьесе советского драматурга Л. Зорина «Царская охота» с прозрачными намеками на советскую действительность семидесятых годов). Но тогда, во второй половине XIX столетия, посмертной судьбой самозванки занялось государство. Сначала появляется пространное описание авантурных походов неизвестной в Европе, сделанное Мельниковым-Печерским. Появится и известный роман Данилевского «Княжна Тараканова». В этом романе талантливый писатель впервые соединит легенду о «дочери Елизаветы» («княжне Таракановой», «Елизавете», «Алине», «Августе») с давно бытовавшей легендой о «таинственной монахини» («белая монахиня», «инокиня Досифея», «княжна Юсупова»). По Данилевскому, «истинная дочь Елизаветы» смиренно скончала жизнь в монастыре, а принявшая на себя ее звание и имя авантюристка окончила свои дни в заточении в крепости. Эта версия об «авантюристке и истинной дочери» в дальнейшем получила широкое хождение. Любопытно, что объявилась именно мнимая дочь, хотя Елизавете приписывали и детей «мужеска пола». А, впрочем, понятно: череда «женских правлений» Российской империи должна была закономерно вызвать

устойчивый образ именно императрицы, а не императора. Но это именно за рубежом. В России же, где понятия мужского патриархального приоритета держались стойко, все эти женские правления были определенного рода вызовом «общественному мнению». Отсюда – народный образ «императрицы» как женщины, прежде всего, вопиюще аморальной. И даже и не надо было фантазировать, российские правительницы действительно были таковы. И даже в Екатерине, величайшей после Петра I на российском троне, и до сих пор «народ» видит развратную «Катюку», незаконно свергнувшую законную мужскую власть. И кто посмеет сказать, что это неправда?..

Мы решили не разгадывать «загадку княжны Таракановой». И все-таки хочется сказать о некоторых фактах, не замеченных историками. В XVII веке на территории Османской империи распространилось религиозное движение, возглавлявшееся неким Саббатаем Цеви, своеобразно соединявшим в своих проповедях иудаизм и ислам. Движение саббатианцев распространилось среди иудеев Европы и постепенно переросло в секту так называемых франкистов – по имени уроженца Подолии Якоба Франка. Якоб Франк занимался мелкой торговлей, много переезжал из города в город в Германии, Польше и Османской империи. Он и его последователи занимали как бы промежуточное положение между католиками и иудаистами, будучи преследуемы и теми и другими. Учение Франка прибавило к теориям саббатианцев христианские компоненты. В 1759 году франкисты во главе с самим Франком торжественно принимают христианство. Восприимчиками новообращенных были представители польской знати; таким образом франкисты вступили в среду польского дворянства. Однако после доносов о том, что франкисты продолжают исповедовать свое учение, Якоб Франк был на тринадцать лет заключен в крепость (с 1760 по 1772 год). После освобождения он проживал последовательно в Моравии, Австрии, затем в Германии. В Германии он жил до своей смерти в Оффенбахе, называя себя «бароном Оффенбахским». После его смерти в 1791 году франкисты постепенно растворились среди католиков Польши и Германии. О Еве, дочери Якоба Франка, ходили слухи, будто она является отраслью династии Романовых, будто пьет из бокала, на котором оттиснуто: «Е. Р.». Разумеется, отождествить Еву Франк с «княжной Таракановой» не представляется возможным; Ева Франк – личность вполне определенная и известная. Но нельзя не обратить внимания на то, что франкисты явно являлись своеобразной «питательной средой» для самых разнообразных разновидностей самозванчества. Поэтому не такими уж безосновательными можно считать мнения о «княжне Таракановой»: князя Петра Долгорукова («польская израэлитка», то есть еврейка); английского посла Гуннинга («дочь пражского трактирщика»); английского консула в Ливорно, Джона Дика («дочь нюрнбергского булочника»). Современники отмечали равнодушие загадочной женщины равно к православию и католицизму; затруднялись определить, какую религию она исповедует. Она имела определенные связи с Османской империей. Когда допрашивавший ее Голицын попросил ее сделать перевод русской фразы на арабский и персидский, поскольку она говорила о своем знании восточных языков, узница написала несколько строк «непонятными знаками». Для екатерининских «экспертов» написанное самозванкой так и осталось непонятным; сама она почти иронизировала по поводу их невежества. На каком же языке она написала эти строки? На древнееврейском? Ну, в общем ей уж было нечего терять, и она могла позволить себе насмешку над своими тюремщиками. Любопытно и то, что за несколько лет до появления «княжны Таракановой» известна была юная самозванка, выдававшая себя за дочь императора Франциска I; в 1770 году она была освобождена из тюремного заключения.

Будущая «княжна Тараканова» (кстати, сама она никогда так не называла себя) впервые объявилась в 1770 году в Берлине и называла себя девицей Франк. Через год, в Генте, она уже называлась фамилией Шель. Что она имела в виду? «Schell» – «бубенец»? Или «schelm» – «плут»? Кажется, ей не чуждо было изощренное чувство юмора; и задолго до постмодернистов она воспринимала жизнь как некую своеобразную забавно-занимательную игру, этакий «стёб»... Ну вот, будем считать, что мы отдали дань непременно попыткам разгадать «тайну княжны Таракановой»...

Победа над Пугачевым была совсем иное, нежели победа над мнимой «дочерью Елизаветы». Выступление Пугачева, пожалуй, возможно назвать последним крупным антиромановским выступлением «внутренним», внутригосударственным. И снова «государственная армия» доказала свои преимущества над «войском вольных кантонистов».

4 декабря 1775 года умирает самозванка. 10 января 1775 года казнен Пугачев. Следствие по «делам» – самозванки и самозванца – велось, стало быть, одновременно, параллельно. Или все же это было единое следствие, потому что и дело было единое, одно?..

В любом случае, Екатерина одержала очередную победу.

Следует, конечно, остановиться и на частной, интимной жизни «Великой беззаконницы». Своими «Записками» она сама положила начало пристальному вниманию к ее интимной жизни. Достаточно назвать популярные книги Валишевского или менее известные книги автора, писавшего под псевдонимом «Мария Евгеньева». Но, впрочем, мы можем и не пользоваться достаточно вульгарными изложениями. Ведь у нас имеются воспоминания современников. Впрочем, их, скорее, следует называть «псевдомемуарами», авторы их не знают иного отношения к Екатерине, кроме апологетического. Однако все же интересно прочесть «Записки» Екатерины Романовны Дашковой, «Записки об императрице Екатерине Великой» одного из ее приближенных, А. М. Грибовского, а также «Записки» другого ее приближенного, А. В. Храповицкого...

Надо сказать, что при всей панегиричности интонаций авторам удается живое яркое изложение. Также можем мы получить множество в достаточной степени откровенных сведений об интимной жизни императрицы. Начало этой откровенности, как мы уже говорили, положила она сама. В этом она, безусловно, следовала традициям прекрасной французской мемуарной литературы, прежде всего – выдающемуся мемуаристу Сен-Симону, чьим портретом Петра Великого мы уже могли любоваться. В частности, изображая коронованных особ и лиц весьма знатного происхождения, Сен-Симон всячески подчеркивал их личностные, индивидуальные свойства и черты, как правило, не соответствовавшие занимаемому высокому положению; чрезвычайная живость портретных зарисовок достигалась и за счет своеобразного противопоставления неких «реальных черт» некоему заранее декларируемому мнению. Обычный стиль Сен-Симона: «она была прелестна, эта неуклюжая, нелюдимая, неряшливо одетая принцесса». Из мемуаристов екатерининского времени удастся достичь в полной мере подобного эффекта живости, пожалуй, лишь самой Екатерине, да еще Болотову, которого по праву следовало бы назвать «Сен-Симоном российской провинции». Остальным «вспоминающим» все же не дает полностью «расслабиться» всегдашняя внутренняя цензура (одному лишь Болотову удастся с удивительным очарованием перехитрить эту цензуру; стоит только вспомнить, как он сначала заверяет нас, что никогда не примет участия в заговоре против императора, затем с простодушием описывает свой поспешный выход в отставку и тотчас заявляет о том, какую неожиданностью для всех явились и сам заговор и успех заговорщиков)...

Но обратимся все же к интимной жизни великой императрицы. Фаворитизм в ее царствование сравним разве что с фаворитизмом парижским в царствование Людовика XIV, «короля-солнце». При этом можно отметить одну закономерность: если в первую половину царствования Екатерины фаворит – сильная личность, активно рвущаяся к власти, и в отношениях с этой личностью приходится лавировать, проявлять незаурядные дипломатические способности, особенно для того, чтобы удалить ее от себя, когда она уже исчерпала свои функции любовника и помощника, то во вторую половину царствования личность фаворита претерпевает естественные изменения. Положение Екатерины на престоле уже фактически неколебимо, одна лишь смерть может лишить ее трона и власти. И вот, энергических братьев Орловых и отчаянного прожектера Потемкина сменяют не столь требовательные юноши: Дмитриев-Мамонов, Ланской, Зубов... Хочется привести один отрывок из письма императрицы о смерти ее юного Ланского. Сколько простодушной искренности! И по сей день, кто решится на подобное откровенное признание: «я любила его за то, что он меня слушался»?..

«Я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь не то: я погружена в глубокую скорбь. Моего счастья не стало. Я думала, что не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости; он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усваивал себе мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям. Словом, я имею несчастье писать Вам, рыдая. Генерала Ланского нет более на свете. Злокачественная горячка в соединении с жабой свела его в могилу в пять суток, и моя комната, в которой мне прежде было так приятно, превратилась в пустыню...»

Впрочем, императрица знавала и чисто семейные радости. Вот она с удовольствием наблюдает, как старшие внуки, Александр и Константин, белят ограду; вот сожалеет о том, что семейство сына «умножается барышнями» и радуется рождению третьего мальчика-внука, «рыцаря-Николая» (будущего Николая I), вот заботливая бабушка тревожится о женихе для старшей внучки Александры... Но мы еще скажем о Екатерине – матери и бабушке, когда будем говорить о ее единственном сыне Павле Петровиче. Он, как никто, знал, что семейственные идиллии Екатерины могли иметь весьма зловещий подтекст...

И, конечно, говоря о Екатерине, нельзя не упомянуть о ее литературном творчестве. Помимо «Записок» она написала большое количество пьес, писала также сатирическую и нравоучительную прозу в стиле эпохи Просвещения; для старших внуков писала морализующие сказки. Была ли она интересным автором? Скорее, можно назвать ее небездарным подражателем. Как истинное литературное творчество, пожалуй, интересны только ее «Записки», в которых ей удалось создать яркий негативный образ собственного мужа и, тем самым, отчасти как бы обосновать совершенное ею его убийство. В этом смысле «Записки», пожалуй что, и беспрецедентное произведение.

Екатерина Великая прожила шестьдесят семь лет. Из них тридцать четыре года она правила Российской империей. В отличие от своего предшественника Петра Великого, она была очень невысокого роста, в юности даже хрупка, а в пожилые годы превратилась в маленькую кругленькую старушку. В быту ее, как и в быту ее предшественниц на российском престоле, сочетались непомерная роскошь и неряшливое равнодушие к элементарным удобствам. Но, впрочем, подобным парадоксальным бытовым устройством

поражали все блистательные дворы (тот же двор Людовика XIV или же Карла II английского). Кажется, рационально и удобно обустроенный быт – прерогатива правителей, не склонных к роскоши (таких, например, как современница Екатерины Мария-Терезия австрийская).

«Екатерина Вторая, по словам Пушкина, «умерла, садясь на судно». Государыня лежала, с царственным презрением демонстрируя всему миру то, что обычно скрывают. Вокруг нее суетились смущенные, жалкие рабы всех состояний – от лакея до канцлера, передавали о случившемся шепотком, скабрёзно поблескивая глазенками, а она была абсолютно спокойна. Ей было очень наплевать на все. Царица умерла, показывая людям, земле и небу даже не язык (мечта экзистенциалиста!), а прямо-таки жопу. Какая острая насмешка женщины-философа над земным величием собственной жизни!..» Из эссе Александра Севастьянова «Искусство умирать», журнал «Андрей»...

Ну вот, спасибо «Андрею», Александру Севастьянову и его тезке Александру Пушкину. Конечно, на совести «Великой беззаконницы» много такого, за что уважать вовсе и не стоит. Но все же она была великой, и легенда о ее смерти прелестна...

Павел I (правил с 1796 по 1801). «Русский Гамлет» или кто?

Павел I – Павел Петрович Романов – родился в 1754 году, на престол вступил в 1796 году, сорока двух лет от роду, соответственно. Умер в 1801 году – смерть насильственная...

Чем примечателен этот император? Единственный сын Екатерины Великой и нежеланный ею наследник. Он же – сын убитого ею супруга. Популярен миф о его психической ненормальности. Увлекался рыцарством («Русский Дон Кихот»), покровительствовал Мальтийскому рыцарскому Ордену. Желал «порядка и реформ», но в результате лишь настроил против себя и до крайности раздражил дворянское сословие. При Павле I Россия продолжает политику активного вмешательства в европейские военные действия. Опасаясь прежде всего влияния Франции на балканских сепаратистов, которых Россия всегда будет желать привлечь к себе, Павел поддерживает антифранцузскую коалицию, на недолгое время Российская империя даже примиряется со своим важным соперником, Османским султанатом (наши учебники упорно именуют его «Турцией», хотя государство с таким названием появилось лишь в XX веке). Именно при Павле действуют активно в армии Ушаков (на флоте) и Суворов (в сухопутных войсках). Между прочим, знаменитый «переход через Альпы» тоже осуществлен в правление Павла I – 1799 год. Рекрутские наборы проводятся чаще, и рекрутов забирается больше. Российская армия успешно доказывает преимущества армии, которую возможно легко пополнять и в которой солдат бесправен. Жизнь этой бесправной армейской единицы вовсе не имеет значения, «единиц» много; убитые «единицы» легко заменяются новонабранными. Конечно, подобная армия вызывает изумление европейцев и способна на невероятные деяния вроде пресловутого «перехода через Альпы», когда солдаты двигались, страдая от холода, лишённые самого необходимого для жизни (например, еды). Российский полководец – от Суворова до Жукова – прежде всего полководец, умеющий использовать эту многочисленную армию рабов; он «смело бросает» свои полки туда, где неминуемы огромные потери... К чести того же Суворова следует отметить, что он отлично понял, как необходим подобной армии элементарный «роздых». Отсюда его дозволение грабежа и всевозможных насилий над жителями «взятых» населённых пунктов. Впрочем, насилия чинятся и над «своими». «Солдат на постое» превращается в настоящее бедствие. Так было и при Екатерине, так остается и при Павле I. А. Ф. Ланжерон, описывая российскую армию в год смерти императрицы, пишет вот что о постоях: «Солдат не оставляет крестьянину ни хлеба, ни говядины, ни яиц, приказывает все подавать себе, держит открытый стол, приглашает своих товарищей и разыгрывает из себя большого барина... Если жалобы таковы, что их невозможно затушить, то входят в соглашение с помещиком или капитаном-исправником; этот последний должен бы быть защитником крестьян, но он всегда держит сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки. Он принимает на себя труд смягчить крестьян или затушить их жалобы и выдает общую расписку.

Если насилия зашли слишком далеко, то военный начальник и губернатор предписывают произвести дознание, а затем заминают дело, или же его затягивают на долгое время. Короче сказать, крестьянин никогда не пользуется ни спокойствием, ни правосудием, ни

справедливостью...» Но кто бы посмел обвинить солдат в этих злоупотреблениях? И сейчас – задним числом – кто бы посмел? Что были для солдата эти «яйца и говядина» в сравнении с теми невероятными опасностями, которым его подвергали!.. Но здесь российская армия представляет еще и казус психологический. Оказывается, вот такой солдат-раб, отдыхающий лишь в короткие периоды мародерства, – самый надежный солдат, без размышлений исполняющий все приказания начальников; и более того: у такого муштрованного солдата-раба – выраженная «психология победителя». Кстати, подобной психологии «не размышляющего победителя», конечно, лишен человек, имеющий понятие о гражданских правах и свободах. И против подобной армии мыслима одна лишь защита – из ряда вон выходящее развитие военной техники...

Но не слишком ли много внимания мы уделяем армии как таковой? Да нет. Ведь именно с развитием армии связано бытие династии Романовых и интенсивное расширение управляемой ими империи. Первые цари династии Романовых – лица сакральные. Начиная с Петра происходит как бы возврат к традициям Рюриковичей: отныне царь, император – непременно – с детства – в военном мундире, он полководец, наивысший воинский начальник. Понятия «государство» и «армия» смыкаются все теснее... Для того чтобы окончательно сомкнуться в тридцатые годы уже XX века, в модифицированной империи – Советском Союзе... При переписи населения Николай II поименовал себя «хозяином земли русской». Быть может, было бы логичнее назваться «хозяином армии русской», ведь именно такова была одна из основных функций императоров из дома Романовых. Павел I, как и его отец, Петр III, желает реформировать армию. Но, похоже, институт российской, имперской армии зажил уже сам по себе и подчиняет себе своих венценосных «хозяев». Армия фактически развивается эффективно лишь в одном направлении: все увеличивается ее численность, все большее количество людей из самых разных классов и слоев населения вводится в нее, интегрируется и воспитывается ею...

Но если было невозможно коренным образом реформировать армию, то не менее затруднительны оказались гражданские реформы. В свое время мы рассуждали о том, что могло бы произойти, если бы Петр I вдруг отменил крепостное право. Его правнук Павел всего лишь ограничил наивысшую норму крестьянского труда на помещиков тремя днями барщины в неделю. Но недовольство помещиков едва ли поддается описанию. Но это, разумеется, была полумера со стороны Павла; полумера, раздражавшая помещиков и, по сути, ничего не менявшая для крепостных.

По поводу Павловских реформ можно долго недоумевать. Ведь он желает, казалось бы, невозможного: и нивелировки сословий, которая облегчила бы положение низших, и – одновременно – собственного самодержавного правления... Но почему же это невозможно? Оказалось, это и было далекое еще будущее империи – нивелированные сословия под властью диктатора...

Очень важным для династии явилось упорядочение Павлом престолонаследия. Согласно его «Учреждению об императорской фамилии», престол переходил строго от отца к сыну или же к старшему представителю семейства по мужской линии...

Да, это было введение строгой законности. Пусть в государстве невозможно было ввести строгую законность, зато теперь «на законных основаниях» могла жить династия... И тут случился закономерный парадокс: законность удушила незаконную по своей сути династию Романовых. Да, теперь покончено было с подложными завещаниями, самозванцами и погибающими в тюрьмах низложенными императорами. Убийство самого Павла I будет

последним «внутридинастическим» убийством. Далее Романовы начнут превращаться в большую и даже добропорядочную семью. Завершатся этапы: «Претенденты, имеющие право (действительное или мнимое), против Романовых»; «Романовы против Романовых». С Александра I начнется новый этап. Теперь против новых Романовых все более и более будет восставать сама империя, созданная дедами и прадедами (бабками и прабабками). Романовы как живая, реальная династия все менее нужны империи. Империя поднимается на Романовых... Но почему? А потому, что введенная Павлом I законность уничтожила для Романовых ту незаконную волю, по которой, в сущности, и приходили к власти самые сильные и энергичные – Петр I, Екатерина II. Стиснутая рамками «законности» павловской, династия приводит к власти все более и более дюжинных, заурядных людей. «Учреждение об императорской фамилии» было обнародовано в 1797 году. Прошло чуть более ста лет, и династия Романовых была грубо и жестоко отброшена от престола и власти... Но ведь уцелела же британская монархия! Быть может, и Романовых могли бы спасти ограничения, налагаемые на монархию конституцией, двухпартийные «качели» внутри управленческого аппарата, свои Гладстоны и Биконсфилды – уважаемые обществом политики... Но нет, этого не произошло – ни конституции, ни даже и тени многопартийности; и положение деятелей, «способных управлять», оставалось жалким; Витте, Столыпин, Лорис-Меликов так же будут зависимы от самодержцев, как в свое время Остерман – от прихотей грудастых императриц... И все же – почему, почему, в чем ошибка?..

Ошибка? Нет, закономерность. Колонии Британской империи были «заморскими» колониями. Итогом последовательной либерализации законодательной системы и системы управления государством явилось отпадение колоний. Но структура государства как такового при этом не пострадала, фактически целостность его не нарушилась. Российская же империя (так же, как и Османский султанат) – государство, образованное последовательным непосредственным приращением все новых и новых территорий. При такой структуре либерализация неминуемо приводит к возникновению и развитию сепаратизма и затем – к распаду государства... Круг замкнулся. Романовы были обречены. Государственная структура, созданная Романовыми же, теперь выталкивала их прочь, жестоко и беспощадно. Она, эта государственная структура, требовала для своего сохранения не какой-то там «законности», а именно незаконной воли, закономерно приводящей к власти самого сильного... Этой государственной структуре прямо противопоказаны как упорядочение престолонаследия, так и «законные» президентские выборы... А когда структура эта рухнет, образуется совсем иная, уже не имперская структура; в этой структуре, пожалуй, возможна монархия типа современной реставрированной испанской. Но Романовы всей своей идеологией, всей Романовской концепцией истории не подходят, не годятся для подобной новой структуры... Кажется, это понимал Николай II (интуитивно?!). Недаром все сравнивал себя с Алексеем Михайловичем, «предреформенным» царем. После Алексея Михайловича был Петр I. Закономерными преемниками Николая II Александровича явились Ленин и Сталин. Империя приняла их. Они восстановили столь необходимый для ее сохранения закон «незаконной воли», попранный павловским «Учреждением об...». Престол и власть снова доставались самому сильному...

Но вернемся к трагической личности Павла. «Дон Кихот», «Гамлет», «сумасшедший»... Кем же он все-таки был и почему?..

В популярной монографии Валишевского о Павле I возведена, между прочим, на Павла

одна напраслина: сказано, что он не помог своему старому учителю Порошину. Но Валишевский ошибается. Порошин действительно был учителем маленького Павла, но погиб задолго до старости своей. Валишевский нечаянно спутал Семена Андреевича Порошина с одним из потомков его брата, действительно находившимся в стесненном материальном положении и издавшим, в частности, брошюру, в которой он рассказывал о том, как были найдены дневниковые записи Семена Андреевича, изданные отдельной книгой – «Семена Порошина записки» – в Санкт-Петербурге в 1844 году.

Семен Андреевич Порошин преподавал Павлу Петровичу математику и был одним из его воспитателей с сентября 1764 по декабрь 1766 года. «Замечательный русский человек», – можно без преувеличения сказать о Порошине. Умный, честный, ясный и внимательный; он искренне желал подружиться со своим воспитанником, но низкопоклонства не знал. Это был человек, наделенный спокойным чувством собственного достоинства...

Изо дня в день записывал он, как учится мальчик, как играет, что читает. Каким же предстает будущий император в дневнике Порошина? Мы знаем, что как Анна Иоанновна, так и Елизавета одинаково разочаровались: первая – в племяннице, вторая – в племяннике. Теперь вся надежда была на внучатых племянников. Анна Иоанновна оставила престол крохотному Ивану Антоновичу. Возможно, и у Елизаветы были подобные намерения относительно Павла, однако она все же их не исполнила. Но в первые годы воспитанием мальчика руководила бабка. Впрочем, Елизавета часто хворает, а когда Павлу было всего семь лет, она умерла. Можно полагать, что настроить его против родителей она не успела. Судя по записям Порошина, мальчик знал об отце, что отец его умер. Ничего дурного и порочащего ему об отце, конечно, не говорили. Вполне возможно, что у дипломатичной Екатерины имелась собственная (особливая для сына) версия совершенного ею переворота; и в этой версии она ухитрялась оправдывать себя и при этом не чернить отца мальчика. Екатерина была хорошей матерью. Воспитанию и образованию сына она уделяла самое серьезное внимание. На выбор ей могли быть представлены две системы аристократического воспитания мальчика: русское «береженье» – кутанье и баловство, и немецкая муштра – за урок, дурно отвеченный, – коленками на гороховую россыпь... Екатерина выбрала третью систему: французскую «просветительскую», по Руссо. Никаких жестоких наказаний. Учителя должны заинтересовывать мальчика занятиями. Театр, много книг для «внеклассного чтения» – исторических, географических. Подвижные игры, токарный станок. Общество сверстников – маленьких сыновей российских вельмож.

Павел рос живым, способным, чувствительным ребенком. Мать заботливо следила за его воспитанием и обучением. «Панюшка», как называли его, самым искренним образом привязался к молодому своему учителю, который по возрасту мог бы быть ему старшим братом (нет, Порошин не придумал эту взаимную привязанность, нельзя придумать столько живых, говорящих деталей; такое ощущение, будто читаешь новейший психологический роман)... Но за внешне спокойной, умной, веселой, насыщенной радостными для ребенка событиями жизнью маленького наследника стояли большие придворные интриги. Слишком многим не понравилась дружба наследника с «человеком со стороны»; Порошин не скрывал, что ведет дневник, но этого и боялись (вдруг лишнее запишет ненароком). Уже сама императрица стала опасаться его; она-то знала хорошо: надобно, надобно опасаться таких вот, слишком честных, искренних и благородных. И все кончилось отставкой Семена Андреевича от двора, затем он оказался на «театре военных действий» первой турецкой войны и вскоре погиб...

Кто знает, быть может, именно это внезапное исчезновение из дворца любимого учителя и насторожило мальчика впервые, заставило иначе взглянуть на окружающий мир, прежде такой простой и понятный... Преувеличение? Но вот один лишь пример тонкой чувствительности этого мальчика: вот он, десятилетний, радуется модели корабля, он решил назвать корабль «Анна»; он все еще помнит свою сестричку, умершую совсем крохотной, когда ему самому было три года...

Несомненным потрясением в жизни Павла явились события, связанные с его первым браком. Ему девятнадцать лет, пора приступить к исполнению своей первой обязанности, пора дать династии новых наследников. Екатерина (как некогда, уже давно, Наталья Кирилловна) спешит найти сыну невесту. И в 1773 году принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская становится в православном крещении Натальей Алексеевной. Да, кажется, миновали времена вероисповеднических проблем, теперь княжны-лютеранки немецкой крови преспокойно переходят в православие (ау, несчастная Шарлотта, супруга Алексея Петровича; ау-ау, Ирина Михайловна и граф Вольдемар!). Да уж, перефразируя Генриха IV французского, «Санкт-Петербург стоит конфирмации»!

И вдруг послушный сын выходит из повиновения. Что это? Копилось давно; с тех пор, как удалили Порошина; с тех пор, как задумался о судьбе отца и прислушался к тихим толкам и перестал доверять матери? А тут еще влияние юной женщины, жены, которой безоглядно отданы нерастраченные чувства Павла Петровича... Среди молодых ласк и бесед обо всем на свете Наталья Алексеевна проясняет для Павла его права (теперь это и ее права). Все очень просто, ведь он и сам знает, только, быть может, не решается самому себе признаться; но прежде он был один со своими сомнениями и размышлениями, а теперь они – вдвоем, вместе... Все очень просто: его мать – узурпатор! Но ведь он уже совершеннолетний, мать должна уступить ему престол!.. Наталье Алексеевне, наверное, обидно: унижаться перед этой беззаконницей, и до каких пор? Еще, может быть, долгонько, потому что здоровье у Екатерины отменное...

Но унижаться Наталье Алексеевне пришлось недолго. Екатерина играючи раскрывает заговор молодой четы. Как всегда, она действует решительно, дипломатично и... страшно! От нее сын узнает, что обожаемая супруга была ему неверна и потому и ребенок, который должен родиться, это, возможно, и не его ребенок. Но мало этого. Мы уже знаем, как умеет Екатерина убирать, сметать со своего пути всех, кто ей так или иначе помеха... Юная мать и новорожденная дочь умирают...

«Гамлет»? «Дон Кихот»? «Безумец»?.. Всего вышерассказанного с лихвой хватило бы для того, чтобы впасть в любую форму помешательства. А прибавьте к этому размышления о том, убила мать отца или все-таки убийца не она, не она... Или она?.. Она!.. Однако можно держать беспроегрешное пари: Павел не заболел психически, не помешался в уме. Романовы крепкие, они с ума не сходят; ни в северных ссылках, ни в одиночных камерах, ни перед лицом кошмарных убийств. Это все – истинная их стихия. И, должно быть, и вправду спокойно, без вопросов и жалоб спускался Николай Романов в известную «расстрельную» комнату екатеринбургского дома. Долой скучную шелуху буржуазного облика «полковника – отца семейства». Теперь он был настоящий, истинный, породненный с этими предками своими. И нет, он не мешался в уме, сойдясь лицом к лицу с бездной ужаса и смерти. Он шел навстречу... Так шел по лесенке деревянной на башню молодой Михаил Федорович – самому видеть, как закачается на виселице маленькое тело четырехлетнего сына Марии Мнишек. И вот так мчался в Рим царевич Алексей Петрович – предавать отца. И вот так

шагал великий Петр ко гробу сына, удушенного по его приказу. И вот так же вышагивал по камере своей неукротимый Иван Антонович... И вот так стоял Павел над мертвой женой и слушал утешения матери, которая была... убийцей его отца и его жены?..

Следует сказать хотя бы несколько слов и о друге Павла Петровича, с которым Екатерина своего сына рассорила навсегда. Другом этим был человек, впоследствии проживший долгую и бурную жизнь, Андрей Кириллович Разумовский, племянник известного фаворита Елизаветы. Первоначально юный Андрей входил в число аристократических подростков, которых императрица включила в окружение сына, чтобы он имел общество сверстников. Павел Петрович и Андрей Разумовский настолько подружились, что разлучаясь на несколько часов, обменивались короткими письмами. Эта переписка на французском языке сохранилась и рисует молодых людей интеллектуалами, увлекающимися музыкой и театром. Считается, что после смерти невестки Екатерина обнаружила среди ее бумаг компрометирующую переписку с Андреем Разумовским. Конечно, эта переписка не сохранилась. Зато сохранилось известие о том, что Павел Петрович во время своего заграничного путешествия, уже вторично женатый, встретил Разумовского, подвизавшегося в Италии на дипломатическом поприще, и пытался вызвать его на дуэль. Естественно, Разумовский, российский дипломат (императрица сослала его на это самое «дипломатическое поприще»), вызова не принял и драться с наследником престола не стал. Между прочим, императрица отзывалась о своей первой невестке весьма дурно; но Потемкину писала, что находилась безотлучно у постели умирающей от родов молодой женщины. Наверное, это очень ужасно, когда в такой ситуации у постели роженицы безотлучно дежурит ненавидящая ее свекровь...

Заботилась ли Екатерина о судьбе династии? Да, конечно! Формально это была Голштин-Готторпская династия – от Анны Петровны, старшей дочери Петра Великого, и от ее мужа, герцога Карла-Фридриха Голштинского. Но фактически это была династия Екатерины, она могла чувствовать себя родоначальницей...

Но, наверное, в глубине души она была такая же одиночка, такая же «сама по себе», как великий Петр. Они оба знали, что не будет равных им. И потому убить сына или невестку не затруднялись особенно... И просто не знали: кому оставить все то большое, громадное-громадное, что успели сотворить...

Но, как бы там ни было, с 1776 года Павел Петрович снова женат. София Вюртембергская преобразается в Марию Федоровну. С нею проживет он всю свою дальнейшую жизнь, она станет матерью девяти его детей. Она его и похоронит. Следует отметить, что по распоряжению этой женщины был учрежден Воспитательный дом в Москве – учреждение, где обеспечивались медицинской и социальной помощью незаконнорожденные и неимущие дети и их матери. Учреждением и попечительством о «богоугодных заведениях» для призрения неимущих также занималось особое «ведомство императрицы Марии Федоровны»...

Постепенно оформляются два двора – матери и сына. Резиденция Павла – Гатчина. Пышности материнского двора Павел противопоставляет свою простоту и нарочитую скромность.

Он кладет начало «скромному фаворитизму» при дворах российских императоров. Комическая суетня фаворитов при императрице, жадно домогающихся чинов и богатства, отвращает его. Нет, он не будет сменять фавориток, «как перчатки». С Нелидовой и Лопухиной он играет в свою, рыцарскую игру: «обожание Рыцарем Прекрасной дамы»...

Отношения матери и сына – более чем натянутые. Но все же Екатерина подчинила себе сына. Она даже решается (рискует) показать его Европе. Что ж, он и его жена хорошо себя ведут, родили ей двух отличных мальчиков-внуков, Александра и Константина...

А Европа, она все знает, все понимает, но... молчит, соблюдает правила приличия, и только втихаря ухмыляется; извините, иронизирует... Потому что уж давным-давно миновали те времена, когда возможно было не принимать Романовых и их послов. «Я, простите, болею, а племянница никак не может веру переменить, извините великодушно; не принимаем!» Но все подобное – в прошлом. Теперь принимают, и с почетом принимают, и с любопытством посматривают на путешествующую пару, на графа и графиню Норд («Северные») – прозрачное инкогнито.

И вот тогда-то, когда Павел Петрович с супругой объезжали европейские столицы, в Вене, в 1781 году хотели было поставить «Гамлета». Говорили, что интересно будет увидеть сразу двух Гамлетов: одного – на сцене, другого – в зале. Но, впрочем, постановка так и не состоялась. А Павел Петрович и сам соотносил себя с принцем Датским; и мать была его Клавдием и его Гертрудой, и вельможа Никита Иванович Панин, просвещенный граф, руководитель его воспитания, был его Полонием. И Павел даже рассказывал, как явился ему призрак великого прадеда, Петра I, и сказал: «Бедный Павел, бедный князь!..» Конечно, призрак был прав.

Да, в характере Павла, конечно, присутствовал этот, как мы его назовем, «комплекс Гамлета» – нервическая неуравновешенность человека, чьи права (и на очень и очень многое права) попораны. Но сумасшедшим, безумным Павел не был. Зато он был Дон Кихот и хотел двинуть российскую армию в Индию, вышибить оттуда англичан и устроить что-то вроде раздела Индии: половину – ему, половину – другому императору, Наполеону французскому. Но не успел...

Иные историки недоумевают: вроде бы Павел урезал дворянские привилегии и пытался облегчить положение крепостных; но, при этом, ненавидел Французскую революцию, ненавидел и боялся. А ничего удивительного здесь, пожалуй, и нет. Павел желал нивелировать сословия не как демократ, а как неограниченный диктатор; то, что называют «тиран»...

Не прошло и трех месяцев от начала нового, девятнадцатого, века, и Павел I был убит. В марте 1801 года, заговорщиками, ночью. Был ли он, как позднее говаривали, «подозрителен до безумия»? Нет, наверное, он все же был недостаточно подозрителен...

Он, установивший для Романовых «строгую законность», оказался последней жертвой воли, согласно которой, по единственному закону жестокой справедливости, править должен тот, кто в силах править, в силах удержать власть и трон за собою. Павел оказался не в силах. После него Романовы уже не будут убивать друг друга. Но во главе заговора, убившего Павла, вероятнее всего, стоял его сын...

Александр I (правил с 1801 по 1825). «Царственный мистик» и политические воззрения ямщика Андрюхи

Александр был старшим из девяти детей Павла и Марии Федоровны. Он вступил на престол в окружении большой семьи – Голштин-Готторпской династии. Отец установил для него и для трех его младших братьев, Константина, Николая и Михаила, строгий и внятный порядок престолонаследия; теперь братья Романовы могли не опасаться друг друга. А уж сестер своих, теперь вовсе лишенных каких бы то ни было прав на престол, братья теперь могли просто любить. Снова в доме Романовых было целых пять царевен, но миновали для российских царевен времена безвинной незамужности. Теперь, благодаря бракам принцесс Голштин-Готторпской династии, еще более укрепляются связи Романовых с лютеранской Европой...

Александра стала женой австрийского эрцгерцога Иосифа, Анна – супругой короля Нидерландов Вильгельма II... Сам Александр женат на Луизе-Марии-Августе, принцессе Баденской... В русском крещении она звалась Елизаветой Алексеевной. Эта женщина не оказывала влияния на дела правления, но все видели в ней романтический символ скромного обаяния и сдержанной нежности. Она сделалась причиной новой волны популярности в России имени «Елизавета». С ее обликом соотносили полюбившуюся карамзинскую «Бедную Лизу». Столетие спустя писатель Федор Сологуб влюбится в ее портрет (рыцарь – в изображение Прекрасной Дамы) и посвятит ей роман «Творимая легенда». Но брак Александра и Елизаветы Алексеевны не был безоблачным, императрица отличалась слабым здоровьем, рано умерли две дочери, Мария и Елизавета, и больше детей супруги не имели. Не имел законного потомства и второй брат Александра, Константин. Впрочем, оставались еще Николай и Михаил, сотворившие потомство довольно многочисленное...

Законный император Александр I оказался не на престоле в результате заговора, погубившего его отца. Выгодна ли была Александру смерть отца? Ведь все равно престол рано или поздно должен был достаться старшему сыну... Да, рано или поздно. И, скорее всего, поздно, как достался отцу, на пятом десятке... Но нет, не это было важно. Важно было то, что Павел и его первенец имели совершенно различные политические убеждения. Да и вообще, были, по сути, чужими людьми друг другу. Ведь бабушка Екатерина, разочарованная в сыне, как ее предшественницы разочарованы были в племянниках, отняла старших внуков, Александра и Константина, тотчас после рождения от родителей. Она самолично руководила воспитанием мальчиков и стремилась им дать воспитание и образование такое же тщательное и «просветительское», какое дала сыну. Главным воспитателем Александра являлся швейцарец Лагарп, человек, разумеется, республиканских убеждений (вспомним, как наставлял юного Петра Великого другой швейцарец, Франц Лефорт). У бабушки Александр был любимым внуком, ему она посвятила «Сказку о царевиче Хлоре», прекрасном юноше, обретшем «розу без шипов», то есть наивысшую добродетель... Добродетель эта самая, конечно, никому еще не доставалась по завещательному распоряжению, но юный Александр имел основания полагать, что по завещанию бабушки престол достанется именно ему. Как и все предшествующие, зависимые от завещаний

Романовы, он даже мог быть уверенным, что завещание в его пользу существовало, но примчавшийся из Гатчины отец сжег это завещание (Павел и вправду много чего сжигал, но это уж давний романовский навык, еще от Федора Алексеевича). Таким образом, Александр мог просто-напросто полагать отца узурпатором, но это было Романовым не в диковинку. Разве не могли точно так же думать о своей матери обе дочери Петра I? Да и сам Павел... И, кроме этого, ведь с точки зрения Александра, воспитанного определенным образом, его отец был именно то, что называют «тиран». В мировоззрении самого Павла традиции французского Просвещения, внушенные в детстве, оформились в диктаторскую направленность. Возможно, это произошло потому, что он слишком долгое время ощущал свою ущемленность в правах. Павел более походил на диктатора, на какого-нибудь Наполеона из низов, нежели на абсолютного монарха. Для сына отец служил олицетворением тирании. Сын желал быть монархом абсолютным и просвещенным. Предпринимается новая попытка совместить несовместимое, запрячь в одну российскую «телегу» «коня» абсолютной монархии и «трепетную лань» демократии на женевский лад...

Александровский либерализм возвращал на новом витке давние петровские начинания. Теперь землю могли приобретать не только дворяне, крестьяне могли откупаться на волю с земель, помещики уже не имели права ссылать крепостных в Сибирь; были основаны новые университеты и совсем новые учебные заведения – лицеи, в одном из них, Царском-Сельском, учился Пушкин. В самой системе правления государством многое напоминает продолженные и развитые начинания Петра I.

Являются Сенат, Синод, Государственный совет; восстановленные еще Павлом I коллегии теперь преобразованы в министерства. Снова проявляются ярко люди, «способные к делам Правления» – Строганов, Новосильцев и, наконец, – Сперанский, самый из них интересный. В сущности, этот человек всего лишь делал и представлял проекты по развитию в Российском государстве гражданских прав и свобод. Но вот беда-то, оказалось, что наилучшим образом развила подобное законодательство именно республиканская Франция. Кончилось все тем, что Сперанский был отстранен от дел и сослан. И не случайно то, что произошла эта ссылка именно в 1812 году.

Интересно, что либерализм императора вызывает раздражение у настроенных либерально российских дворян. Почему? Потому что фактически это – либерализм по прихоти самодержца. Он оставляет за собой всю полноту власти. Он или его наследник могут спокойно этот либерализм начисто отменить. Ссылка Сперанского, конечно, показательный факт. По-прежнему положение «государственного деятеля» при императоре нестойко, сомнительно, унижительно даже. Мало что изменилось со времени ссылки Андрея Ивановича Остермана...

Имперская территория, меж тем, ширится. Уже отошли России от Швеции финские земли (наконец-то, почти полностью), от османских владений – бессарабские земли. Но почти одновременно Российская империя увязает в австро-английской борьбе с Наполеоновской Францией. Впрочем, у России в этой борьбе есть очень насущный интерес – борьба за обретение польских земель...

Что, в сущности, была эта борьба с Францией? Прежде всего, борьба за восстановление монархии, свергнутой Французской революцией, борьба против распространения либеральных и демократических идей в Европе. Российскую империю эта борьба привела к так называемой «Отечественной войне 1812 года»...

Что, собственно говоря, такое была эта война? Нападение Англии, Австрии и России на

Францию закончилось поражением тройственной коалиции. Согласно Тильзитскому мирному договору, Россия должна была прекратить торговые и дипломатические сношения с Англией, блокировать ее. Договор этот был Александром I нарушен, английские суда продолжали заходить в российские порты... Чего, собственно, добивался Наполеон? Конечно, у него были две основные цели: ему необходимо было обессилить российскую армию; и еще – захватив Москву, заключить с Александром мирный договор уже на более жестких условиях, подчинить Российскую империю своей политике (как он это недавно проделал с Австрией), заставить, в сущности, Александра соблюдать условия Тильзитского мира, то есть не нарушать континентальную блокаду Англии.

Но почему же Российская империя нарушала условия договора? Потому что ей эта блокада была невыгодна экономически. В Англию Россия продавала сырье...

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный,
И по балтийским волнам
За лес и сало возит нам...

«Щепетильный» в тогдашнем русском языке вовсе не означало «ужас, какой совестливый», но – «производящий галантерейные товары и продающий их». Те самые «гребенки, пилочки стальные, прямые ножницы, кривые», которые заполняли туалетный столик Онегина. Ну, и кое-что покрупнее, ткани, например. Так что российские помещики могли быть очень недовольны блокадой: она отрезала от них надежный рынок сбыта сырья...

Почему «отечественная война»? И французская армия шла, воодушевленная лозунгом «Отечество в опасности». Потому что Великая Французская революция породила не только ясное понятие о правах и свободах, но и это интересное чудовище – национальную доктрину, о которой мы уже поминали. И звонко щёлкнула эта самая национальная доктрина зубами на всю Европу, уже грозя пожрать всех королей и императоров вместе взятых, и вообще, по-своему перекроить жизнь. Но обошлось покамест; джинна кое-как загнали в бутылку, откуда торчали его щелкающие зубы; и армия российская вошла в Париж как освободительница Франции от тирании Наполеона (некто вроде генеральной репетиции позднейших «освобождений»).

И более того, национальная доктрина оказалась предметом очень полезным; лозунги о всеобщем национальном единении взвинчивали истерически и агрессивно, с навязчивой силой призывали забыть о внутригосударственных проблемах и «объединиться против внешнего врага»... И вот, именно в данной войне очень-очень необходимо было разжигание подобных настроений в России. Почему? Прежде всего, потому что наполеоновская армия не для того явилась, чтобы завоевывать Россию или притеснять мирное население. И более всего страшило Александра вовсе не то, что его принудят соблюдать континентальную блокаду, а возможность внедрения в России многих идей, вовсе для императора не желательных. Но мы еще об этом будем говорить. А покамест – несколько фрагментов из уже известных нам раритетных воспоминаний Елизаветы Александровны Янковой:

«...Разве мы прежде не воевали? То с немцами, то с Турцией, или со шведами – отчего же не повоевать и с Бонапартом? Тогда толковали, что тильзитский мир, очень невыгодный для России, оттого и был так легко заключен нашим государем, что имелось в виду его нарушить при первом удобном случае. Потому неладные отношения между нами и

Бонапартом не очень нас смущали: пусть грозит – повоюем...

... Московское дворянство, всегда отличавшееся своим особенным усердием и готовое защищать отечество до последней капли крови, не ожидая воззвания от государя, само от себя вызвалось составить ополчение и дать по числу душ своих крестьян от девяти десятого, что составило более восьмидесяти человек.

(Стало быть, до последней капли крови... своих крепостных! Но далее...)

...Разные были толки насчет пожаров Москвы: одни думали, что поджигают французы; французы говорили, что поджигают русские, по наущению Растопчина... Но в последствии времени было доказано, что именно этот всеобщий пожар столицы и спас Россию от грозившего ей ига...

Но ежели французы избавили нашу местность от своих посещений, отряды казаков, под предлогом, что они разыскивают, нет ли где неприятельских шаек, всюду разъезжали и по селам справлялись, нет ли чего съедобного, а главное – нет ли хмельного. Они не позабыли и нашего села, лазили по подвалам и погребам и, к неопisanному прискорбию нашей ключницы-старушки: «приели все, все господское варенье, выпили все виноградное вино, и мало им было этого: и меды-то все какие оставались, и тех не оставили, да два окорока с собою увезли».

Ключница Акулина Васильевна этим очень огорчилась и, рассказывая мне, прибавила: «Ну, матушка, в разор разорили, бездельники, ничего не оставили, кричат: подавай ключи, – не лучше неприятеля, только бы им есть да бражничать. Легко ли, сударыня, сколько их было: тридцать человек!»

Но этим посещением и ограничились, слава Богу, все наши утраты в подмосковном имении, и по близости от нас ни у кого из наших знакомых соседей не были, кроме Головина, жившего в своем имении, в селе Деденева-Ново-Спасском. Они застигли его совершенно невзначай: это было в простой день, он сидел и обедал с женой и детьми, взглянул в окно и видит, что идут французы; несколько начальствующих лиц и солдаты направляются прямо к дому. Что прикажете ему делать? Он был великий неохотник до иностранцев, а тем паче еще до врагов отечества; однако, скрепя сердце, он предложил им разделить с ним трапезу. Они приняли предложение, но требовали, чтоб и сам хозяин сел с ними и пробовал каждое подаваемое блюдо, опасаясь, может быть, чтобы не угостили чем с отравой. Головин выслал жену и детей из-за стола, а сам стал потчевать незваных гостей. Французы расположились неподалеку от села лагерем и во все время, пока там стояли, вели себя хорошо и смирно, и храмов не только нигде не осквернили, но даже не препятствовали богослужению и просили только не звонить в большие колокола, опасаясь, чтобы войска не приняли трезвона за тревогу и оттого не переполошились по-пустому.

Жену свою Головин, однако, куда-то спровадил с детьми, которых было двое ли, трое ли – наверное не знаю. Ее звали Анной Гавриловной; она была молода, хороша, ну, муж и рассудил, что все-таки безопаснее для молоденькой женщины быть подальше от этих головорезов...»

Однако трагикомедия, она и есть трагикомедия, а все же именно в наполеоновских войнах Испания и Россия впервые применили метод герильи, партизанской войны, активного вовлечения мирного населения в военные действия. Но с каким же мирным населением возможно применять герилью наиболее успешно? Разумеется, там, где сельское население является наиболее зависимым, там, где сохраняются значительные рудименты феодального устройства хозяйства и общества (или просто – принципы подобного

устройства мало поколеблены). То есть регионами партизанской войны, естественно, должны были стать Испания Бурбонов и Российская империя. Здесь еще не изжит все же принцип кланового устройства; помещик еще воспринимается не столько как хозяин, сколько как наивысшее клановое звено – «отец», «батюшка». Царь, король – звено наивысочайшее, посредник между людьми и богом. Особую роль играет и тотальное влияние церкви, натравливающей население на «безбожные» наполеоновские войска. С церковью, впрочем, все ясно. Французское «вольнодумство» несло такие идеи секуляризации, «обмирщения» общества, огосударствления церкви, при которых испанское и российское духовенство практически могли бы лишиться своего влияния. Не забудем, что российские территории войны 1812 года – территории, где крепостное право действует стабильно, здесь нет даже «государственных», «казенных» крестьян. Интересна и попытка соединения несоединимого в лозунге, впервые предложенном, – «За царя и отечество». Мы ведь уже знаем, что институт монархии и национальная доктрина мало ладят между собой. Однако в дальнейшем Романовы будут все интенсивнее стремиться соединить несоединимое, и таким образом устремляться самоубийственно к собственной гибели...

Партизанская война стимулируется и направляется действиями заброшенных в тыл противника воинских соединений, исполняющих и активную пропагандистскую функцию (так Денис Давыдов разъезжает в крестьянской одежде, с образком на груди. Обратим снова внимание на роль одежды как средства социальной и сословной детерминации).

Первоначально российские полководцы действуют по обычному стандарту: неслаженно, нисколько не заботясь о бережении солдат.

Начавшиеся военные действия не являлись неожиданностью, однако армия к ним не готова, необходимые воинские соединения не подтянуты в регион военных действий. Но постепенно военные действия входят в «правильное» для России русло, противнику навязана партизанская война, и, обессиленный этой войной, противник в конце концов разбит.

Мы уже сказали о «военных функциях» сельского населения. Необходимо сказать несколько слов и о российском городе. Это все еще не буржуазный, а, скорее, феодальный город. Количество жителей в Москве, например, сравнительно невелико. Передвигаться по стране и обосноваться на жительство в том или ином населенном пункте очень трудно (не подумайте только, что речь идет о наполеоновских войсках, нет, речь идет о населении России), требуются разрешительные документы, получение которых затруднено. Российские города при Александре I – не промышленные и даже не торговые, но чиновничьи центры, здесь же находятся осенне-зимние помещичьи резиденции. «Очистить» подобную городскую структуру от населения (как это произошло с Москвой), организовать массовый выезд жителей – не так трудно...

Война 1812 года впервые выявляет для России важнейшую роль пропагандистского аппарата. Здесь следует остановиться на деятельности своеобразного и замечательного человека, фактического основоположника российской военно-государственной пропаганды, Андрея Сергеевича Кайсарова. Молодой представитель дворянского сословия, получивший образование в Германии филолог-славист, Кайсаров защищает в Геттингене диссертацию на латыни (на «языке науки»): «О необходимости освобождения рабов в России». Далее Кайсаров становится одним из профессоров Дерптского университета. Путь, нехарактерный для российского дворянина. Кайсаров – один из основоположников не только русской национальной, но и панславистской доктрин. Фактически деятельность его носит

антимонархический и – соответственно – антиромановский характер. Его идеал – замена сословной системы системой национального объединения. Именно с его легкой руки начинает широко употребляться в пропагандистской лексике термин «отечество». Например, в своей симптоматичной «Речи о любви к Отечеству», текст которой был поднесен Александру I, Кайсаров утверждал: «Проклята да будет ненавистная мысль, что там отечество, где хорошо!.. Вне отечества нет жизни!» Подобное утверждение отчасти повторяло утверждение современных Кайсарову немецких литературных и политических деятелей, ратующих за «единую Германию»... Термины «отечество», «нация», «народ», «родина» (а то еще можно и похлеще: «историческая родина») и до сих пор в ходу, и до сих пор ограничивают всячески естественное стремление личности к свободе. Ржавыми гвоздями засели эти понятия в нашем сознании, и каких только воспалений мы от них не терпим!..

Но человек, сумевший создать, выработать нечто новое, всегда интересен. Кайсаров, несомненно, был очень одаренным человеком. Он вводит в российской армии такие, получившие в дальнейшем широкое развитие пропагандистские приемы, как армейская газета (вышло несколько номеров), пропагандистская работа с войсками противника посредством листовок.

Естественно, Кайсаров был человеком, обогнавшим, что называется, свое время. Ведь и при Александре I (да и после) солдаты российской армии были неграмотны и пропаганда и агитация через печатное слово была достаточно ограничена. Смерть Кайсарова была трагической, его разорвало при взрыве порохового ящика. Никто не догадался побережь этого талантливого, неординарного человека...

Советская историческая наука в оценке событий двенадцатого года, казалось бы, целиком и полностью переняла точку зрения Романовской концепции: «отечественная война», «народная война». Но в этой оценке с самого начала «царь» выглядел неким необязательным довеском к увесистому понятию «отечество». Однако уже ясно, что без национальной доктрины как объединяющего, организующего начала не обойтись. И повторяем: Романовы упорно будут стремиться соединить несоединимое; так родится уже при Николае I парадоксальный лозунг: «Православие, самодержавие, народность...» Советской же государственной системе еще очень пригодится лозунг «борьбы за отечество до последней капли крови» (конечно, имеется в виду кровь крепостных граждан...).

И все же, все же... каковы были замыслы Наполеона? Создание неких «Соединенных штатов Европы»? Или, как полагает, например, Шильдер, скрупулезный историк династии Романовых, Наполеон лелеял мечту об объединении российской и своей армий в антибританскую коалицию и о совместном антибританском походе в Индию? Ведь этот совместный поход фактически уже начался при Павле, и казачьи части Платова дошли до Иргиза... И ведь были же интегрированы в наполеоновскую армию австрийские войска, тоже в недавнем прошлом – «войска противника»... И, наконец, – самый больной вопрос: намеревался ли Наполеон освободить российских крестьян от крепостной зависимости? Известный советский историк Тарле в тридцатые годы отвечает на этот вопрос однозначно отрицательно. В подобном ответе безусловно есть логика. Ведь пришедший в Россию Наполеон уже сам принадлежал к этому «всемирному монархическому братству», уже сам был императором и едва ли мог желать подрыва основ власти Александра I, с которым намеревался в дальнейшем вступить в союз. Тарле также говорит, что если бы Наполеон указом освободил российских крепостных, то еще неизвестно, за кем бы они пошли... Нет,

маловероятно психологически, что они пошли бы против системы клановой, где высшие звенья – помещик и царь. И что такое это «освободить»? Даровать гражданские права, разом уничтожив сословную систему? А вопрос передела помещичьих земельных владений?.. Нет, российские помещики еще спокойно могли воевать до последней капли крови собственных крепостных, не поступаясь при этом в пользу армии ни единой каплей варенья из собственных погребов. И Александр I спокойно мог ограничиться в отношении крестьянства единственной строкой в своем победном Манифесте: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду от Бога».

И все же российским помещикам впервые всерьез открылся новый европейский либерализм. Одно то чего стоит, что на их территории оказалась армия, где солдат пользовался определенными гражданскими правами, где не существовало системы унижительных телесных наказаний для солдат... Возник страх: а если народ потребует для себя того, что считалось привилегией одного лишь дворянского сословия, – потребует себе гражданских свобод и (самое страшное!) европейского образования... Две цитаты:

Все та же несравненная Янькова – о молодой жене своего племянника (первые годы царствования Николая I):

«...Она была со всеми особенно учтива: и лакеям, и горничным, своим и чужим, всегда говорила вы, что казалось смешным и странным. Говорят даже, что у себя в деревне она говорила бурмистру: «послушайте, бурмистр, я хотела бы вас попросить...» Это уж чересчур по-иностранному...»

М. Н. Загоскин – роман «Рославлев, или русские в 1812 году»:

«...– Ну, то-то же! смотрите, ребята! – сказал детина, обращаясь к другим извозчикам, – чур, держать про себя. Вот, третьего дня, повез я под вечер проезжего – знаешь ты, какой-то не русской, не то француз, не то немец – леший его знает, а по-нашему бает...

«А что, батюшка? – молвил я, – продолжал Андрей, – есть ли у вас исправники?» – «Какие исправники! У нас мужик и шапки ни перед кем не ломает; знай себе одного Бонапарта, да и все тут!» – «А кто этот Бонапарт, батюшка?» – спросил я.

«Вестимо, кто: наш хранцузский царь. Слушай-ка, детина, промолвил проезжий, – я тебе скажу всю правду-истину, а ты своим товарищам рассказывай: наш царь Бонапарт завоевал всю землю, да и к вам скоро в гости будет». – «Ой ли? – сказал я, – да к нам-та зачем?» – «Затем, брат, что он хочет, чтоб и у вас мужичкам было такое же льготное и привольное житье, как у нас. Барам-то вашим это вовсе не по сердцу; да вы на них не смотрите; они, пожалуй, наговорят вам турусы на колесах: и то, и се, и басурманы-та мы... – не верьте! А встречайте-ка нас, как мы придем, с хлебом да с солью».

– А о поборах-то баял он? – спросил один пожилой извозчик.

– Как же; слышь ты, никакой тяги не будет: что хошь, то и давай...

– Ну, Андрюша! – сказал старый крестьянин – ведь этот проезжий – шпион!.. А ты, Андрей, с дуру-та уши и развесил. Бонапарт! Да знаете ли, православные, кто такой этот Бонапарт! Иль никто из вас не помнит, что о нем по всем церквам читали? Ведь он антихрист!.. Что Бога гневить, братцы! Разве у нас нет батюшки православного русского царя?..

– Что ж ты, брат Андрюха, язычок-та прикусил, а? – спросил пожилой ямщик.

– Что, брат, – отвечал Андрей, почесывая в голове, – оно бы и так, да, слышь ты, он баил, что исправников не будет и бары-то не станут над нами ломаться.

– Ах ты, дурачина, дурачина! – прервал старик, – да разве без старших жить можно? Мы

покорны судьям да господам; они – губернатору, губернатор – царю, так испокон веку ведется. Глупая голова! Как некого станет слушаться, так и дело-то делать никто не станет.

– Что правда, то правда, – сказал один из ямщиков, – нашему брату нельзя жить без грозы...

– Нет, брат Андрей, некому тебя бить...»

Этот последний аргумент, конечно, самый сильный, неоспоримый, можно сказать. Но обратим внимание на то, как автор пытается доказать, что система кланово-иерархическая тождественна государственному устройству как таковому. Внушается, что невозможно иное государственное устройство, кроме унижающей личностное достоинство иерархической зависимости от высших звеньев клана... Но Андрюха, выходит, понял, что «ломаться» над ним не обязательно! Нет, пора, пора прибирать Андрюху к рукам посредством национальной доктрины!..

Петр I начал наступление на родо-клановую систему. Национальная доктрина ведет это наступление дальше. Но по сути, это ведет к гибели династии Романовых...

«Русский человек может потрясаться только общим колебанием сферы, к коей принадлежит, может жить полною жизнью только в единстве жизни отечества», – восклицает Н. И. Надеждин.

«... сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества...» – вторит С. Н. Глинка...

То есть фактически прокламируется единение во имя военных действий, для военных действий, на период военных действий.

Либерализм в любой форме, будь то национальная доктрина, или простое утверждение личностных прав и свобод, опасен Романовым. Но распространение либеральных идей, кажется, уже и невозможно остановить. Именно с европейским либерализмом связана идея европейской, то есть единственно реальной образованности. А дворянское сословие не может не ощущать нужду в подобной образованности, ведь и в Европе на смену элите сословной постепенно приходит элита интеллектуальная. (Впрочем, Романовы останутся в какой-то степени верны старинным феодальным принципам, согласно которым образованность и аристократизм – «две вещи несовместные»; и князю и барону стыдно уметь читать, будто он – монах! Ни один из династии Романовых так и не получит университетского образования, будут ограничиваться учением домашним...)

«Сын отечества», 1813:

«Достоверные свидетели сказывали нам, что в разных губернских городах, где пленные находятся, не токмо они в пище, платье и в прочем нужном содержании ни малейшего недостатка не имеют, как то, несомненно, и должно быть согласно человеколюбивым христианским правилам, которые в сих случаях русскими весьма твердо наблюдаются; но сии свидетели сверх того утверждают: что не бывает ни одного собрания, ни одного бала, куда бы французы преимущественно приглашены не были, что они имеют вход во все дома, что некоторые русские дворяне с ними о России рассуждают, слушают их, любят их красноречию и даже берут их в учителя к детям своим...»

Всякий, кто помнит «Горе от ума», наверное, может припомнить и то, что и Чацкий, и Фамусов, и Скалозуб – каждый по-своему – сторонники «примата национальной доктрины». Национальная доктрина плюс иные, куда более крамольные формы либеральной мысли ведут, ведут наступление на Романовых...

«Культ личности» царя, преклонение перед кланово-иерархической системой, столь

усиленно навязываемые «Андрюхе», уже невозможны для образованного дворянина. Все более распространяется «культ свободной личности», нашедший свое выражение в преклонении перед личностью Наполеона. Мы знаем, во что выльется культ личности диктатора, «создавшего и объединившего нацию». Но покамест еще далеко и Гитлер, и Сталин, и Муссолини, и Франко... Наполеон – «свободная личность, смело идущая навстречу своей судьбе, творящая свою судьбу», – становится кумиром части либерального российского дворянства. Постепенно личность его все более романтизируется. Победенный, он – более победитель, нежели победившие его короли и императоры. Самодержец Александр I в сравнении с Наполеоном карикатурен. Либеральные начинания Александра I уже воспринимаются как пустая забава коронованного деспота... Слово произнесено... «Ура! В Россию скачет кочующий деспот», – иронизирует над «отечественным монархом» величайший поэт своего отечества, Пушкин... Личность Наполеона вообще окажется твердым орешком. Сбросить ее с романтического пьедестала будет не под силу даже Толстому... Принципиально он обрисовал своих героев-антагонистов – Наполеона и Кутузова – как людей непривлекательных внешне, подверженных слабостям. Но если в романе действует Наполеон, то он должен быть самим собой, романтическим героем. И вот, «на вакантном месте» Наполеона оказывается в структуре романа... князь Андрей Болконский. Это его мы воспринимаем как свободную личность в поединке с судьбой. И пусть автор то и дело напоминает нам, что нет, нет, нет, князь Андрей ведь очень даже человек своего сословия. Но... он внушает, а мы, читатели, не воспринимаем, и видим в князе Андрее (которого Толстой ни разу не назовет просто «Андреем»), наперекор всему, Наполеона. Потому что он – по сути таков...

Но отчего Пушкин называет Александра I «кочующим деспотом»? Ведь и Петр I самолично повсюду разъезжал, вел переговоры... Но теперь уже кажется, что император и не должен этим всем заниматься. Разве не для этих занятий существуют деятели управленческого аппарата? Но после ссылки Сперанского разве не ясно, что положение подобных деятелей при самодержце – смехотворно; по прихоти он может играть ими, по прихоти – отбросить... И уже назревает крамольный вопрос: а для чего вообще нужен император?.. В жизни Александра либерализм принимает своеобразные формы религиозных исканий. В определенной степени царь отходит от «канонического» православия, увлекается мистицизмом европейского толка, тем, что можно назвать «германской мистикой» или «лютеранским мистицизмом». В связи с этим известны его дружба с баронессой Крюденер и конфликт с архимандритом Фотием.

После заключения Священного Союза Австрии, Пруссии и России (1815) совершенно ясно, что либерализм Александра должен закономерно завершиться собственным концом. Ведь главная цель этого Союза – стабильность монархической Европы.

Александр так и не решится на два очень важных деяния: страна так и не получит конституцию; крестьяне не будут освобождены. В сущности, с точки зрения сохранения Романовыми власти и престола царь прав. И конституция, и освобождение крестьян – определенные шаги к нивелировке сословий. И что бы ни произошло далее – торжество гражданских прав и свобод или торжество национальной доктрины – и то и другое в равной степени опасно, убийственно для Романовых (причем, это самое «убийственно», оно ведь будет происходить в самом буквальном смысле).

Либерального Сперанского закономерно сменяет «консерватор» Аракчеев. Его имя, прежде всего, связывается с очень оригинальной попыткой реформировать армию. Он

пытался ввести систему военных поселений. Но это должны были быть не поселения типа давних стрелецких слобод или казачьих станиц, но деревни, где все мужское население обязано было существовать, подчиняясь солдатскому уставу регулярной армии. Попытка, естественно, провалилась. Настоящие, не аракатеевские, а естественные военные поселения оказались возможны лишь там, где население имело возможность относительно свободно, вне систем помещичьего и общинного владения и распределения земли, заниматься земледелием.

Между тем, вовсе недаром российские дворяне-интеллектуалы побывали в Европе и входили в Париж. Российский дворянский либерализм активизируется. «Союз спасения». Затем – «Союз благоденствия». Затем – «Северное общество», «Южное общество», «Общество соединенных славян»... Чего, в сущности, хотят будущие декабристы? Создания некоей панславянской империи, формально это должна была быть конституционная монархия; фактически же – идеократическое государство, подчиненное идеям супернациональной доктрины. При этом, естественно, должны были быть предприняты шаги к нивелировке сословий (освобождение крестьян от крепостной зависимости). При этом предполагались (на деле мало совместимые с подобным устройством) свободы слова, вероисповедания, передвижения внутри страны, о которых, впрочем, автор программы Н. Муравьев имел понятие смутное. Интереснее известная «Русская правда» П. Пестеля, уже предусматривающая правление президента-диктатора («избираемого лучшего»). Пестель предполагал свержение Романовых и даже физическое уничтожение династии. Как видим, он всего лишь обогнал свое время. Да, национальная доктрина все яснее показывает Романовым свои зубы.

Но Александр не дождал до открытого антиромановского выступления. В конце осени 1825 года «кочующий деспот» скончался на юге России, в Таганроге, куда прибыл вместе с супругой для ее лечения. Тотчас после его смерти вдова его написала письмо его матери: «Наш ангел на небеси, а я все еще томлюсь на земле. Кто же мог бы ожидать, что я, слабая и больная, переживу его?.. Нахожу для себя утешение в этом ужасном несчастье только в надежде, что я его не переживу. Желая и надеюсь быть вместе с ним скоро и неразлучно»... И действительно, она скоро скончалась.

Однако история жизни Александра I не закончилась с его смертью. Спустя одиннадцать лет, осенью 1836 года, в Пермской губернии в окрестностях города Красноуфимска объявился человек лет шестидесяти, обративший на себя внимание местных жителей уклончивыми ответами и хорошими манерами. Поскольку свобода передвижения по территории своей страны так и не была провозглашена, неизвестный был задержан и как лицо без разрешительных бумаг отвезен в город для допроса. Согласно закону о бродяжничестве он должен был быть препровожден на постоянное свое место жительства «по этапу» или же сослан. Он не дал о себе никаких сведений и был наказан плетьюми и сослан в Томскую губернию... Далее этот человек сделался известным под именем благочестивого «старца Федора Кузьмича». Федор Кузьмич скончался в 1864 году. Посещавших его удивляли его манеры воспитанного человека дворянского сословия и правильная речь. Распространилась легенда о том, что человек этот был – император. В качестве одного из мотивов его «ухода из мира» называли желание покаяться в отцеубийстве. Наиболее последовательно доводы в пользу того, что «Федор Кузьмич» был на самом деле Александром Павловичем, изложены в книге князя В. В. Барятинского «Царственный мистик», изданной в 1912 году в Лондоне. Но все же рассуждения о том, что

старец хорошо знал придворную жизнь и зачастую о ней говаривал, как-то не убеждают...

Николай I (правил с 1826 по 1855). Россия маркиза де Кюстина

Александр I скончался бездетным, то есть для престолонаследия теперь (после павловского «Учреждения об императорской фамилии») важно было то, что император не оставил именно законного мужского потомства. И согласно тому же «Учреждению...» престол должен был перейти ко второму сыну Павла, Константину.

Что же такое был Константин Павлович? И он был воспитанник бабушки Екатерины, и его учителем и воспитателем был швейцарец Лагарп. Однако если старшего внука бабушка прочила на престол всероссийский, то Константину предназначалось сделаться наместником-правителем наново созданного балканского православного государства наподобие Византийской империи. Интересно, что в то время Потемкин, автор «Греческого прожекта», планируя крушение Османского султаната, намеревался сделать ставку именно на балканских греков; то есть ставка делалась на общность единого с русскими православного вероисповедания. В дальнейшем примат вероисповеднической общности будет заменен приматом супернациональной доктрины – панславистской доктриной.

Но, как бы там ни было, в балканские правители Константин не попал. Возможно, это крушение воспринятых с детства надежд повлияло на развитие его личности. Он был известен своим тяжелым характером. Имей Россия тогда гласное судопроизводство, ему грозило бы судебное преследование за изнасилование. С женой Анной Федоровной (принцессой Юлианой-Генриеттой Саксен-Зальфельд-Кобургской), на которой его женили семнадцати лет, он не ладил и в конце концов супруги разъехались. Однако официальному расторжению церковного брака препятствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Известен был скандальный роман Константина с актрисой Фридрихс, от которой он имел сына.

После окончательного падения Наполеона, обещавшего Польше свое покровительство, Александр I получил желанное право называться и «царем польским». В определенной степени осуществилась и мечта Константина, он был отправлен в Польшу в качестве правителя-наместника, то есть как бы получил в управление свое отдельное государство. Но мечтал ли он именно об этом? Было ли вызвано его удаление из России только его поведением, пятнавшим императорское семейство? Ведь ему предстояло унаследовать престол и братья не ладили меж собою. Мог ли Александр опасаться, что Константин не захочет далее ждать, и тогда Александра постигнет участь их отца? Можно с большой вероятностью предполагать, что в лице Константина Россия получила бы страшного правителя, который легко разрушил бы государство совершенно непомерной и неразумной жестокостью... Возможно, Александр понимал это... Но, в любом случае, нового «внутрисемейного» убийства не произошло.

Очень кстати, в 1820 году, Константину был наконец-то дозволен развод с женой, и тут же он получил разрешение на брак со своей польской возлюбленной, графиней Иоанной Грудзинской. Сам по себе этот брак еще не лишал его права на престол, однако Александр обнародовал манифест, согласно которому супруге Константина присваивался титул княгини Ловицкой, она не имела права именоваться по мужу великой княгиней, лишалось этого

права и возможное потомство. То есть даже в случае своего воцарения Константин не мог сделать свою супругу императрицей и дети их не могли бы ему наследовать (впрочем, детей у них не было). Однако еще раз повторяем, официального права наследовать престол Константин не лишился. Позволяя Константину брак с Грудзинской, Александр мог стремиться и приобрести доверие польской аристократии. Забегая вперед, скажем, что, когда в 1830 году произошло в Польше известное антироссийское выступление, Константин и его супруга были просто изгнаны из Варшавы. Подавить восстание «своими силами» Константину не удалось. В 1831 году он умер в Витебске в качестве «частного лица». Смерть его произошла от желудочно-кишечного заболевания. Неужели от отравления?

После объявления о смерти Александра Москва и Санкт-Петербург присягнули Константину, бывшему тогда в Варшаве. Тотчас явилось известие об отречении Константина. Однако официально это отречение, датированное 1823 годом, было обнародовано лишь через несколько дней после 14 декабря. Тогда же и присягнули новому императору, Николаю I. В момент смерти Александра находился с Константином в Варшаве самый младший брат, Михаил Павлович. Действительно ли отречение было подписано вследствие договора между Александром и Константином, знал ли об этом Николай, установить, вероятно, нельзя...

Итак, воцарение Николая ознаменовалась некоторым намеком на династическую «смуту» и открытым антиромановским выступлением 14 декабря. На Романовых восстали не Рюриковичи или Гедиминовичи, не сами Романовы; но, можно сказать, государственный организм. Государственной структуре, которую Романовы столь энергически возвращали, они же теперь начали мешать развиваться дальше.

Но сдаваться они не намеревались! Что же произошло 14 декабря 1825 года? Дело в том, что воцарение императора должен был утвердить Государственный совет. Разумеется, это была всего лишь формальность. Государственный совет утвердил воцарение Константина и спокойно далее утвердил воцарение Николая. И вот тогда «декабристы» вывели на Сенатскую площадь несколько полков, требуя соблюдения законности, то есть точного следования закону, регулировавшему престолонаследие. И тут они потребовали введения конституции, которая стала бы гарантом соблюдения законности. Следующим шагом должна была стать ликвидация монархии «конституционным путем», проведение мероприятий наподобие выборов и референдума.

Предприятие декабристов не могло увенчаться успехом. «Страшно далеки они были от народа»? Естественно, они имели свободный доступ к европейскому образованию, «Андрюха» – нет. Интересно, что в тридцатые годы XX уже века оформится в СССР массовая «мирская» культура. Но даже в конце восьмидесятых годов население по-прежнему не будет готово психологически к демократическим преобразованиям в стране, поскольку свободный доступ к образованию европейского уровня все предшествующие годы был закрыт. Как результат: «демократы» и сегодня «страшно далеки от народа»...

Однако выступление декабристов безусловно явилось для Николая Павловича потрясением. Впервые на Романовых поднялось «их» государство! И Николай сомневался в своей победе. В центре своей столицы ему пришлось применить против своих подданных пушки. Выступление было подавлено. Однако ясно было, что это лишь начало и что необходимы специальные меры для того, чтобы не давать «этому развиваться»...

Очевидцы вспоминали неподдельный испуг, охвативший самого Николая, его жену и мать. Когда сделалось ясно, что выступление подавлено, Николай вошел к семье, бледный, но торжествующий, обнял и расцеловал жену, мать и маленького сына (будущего императора

Александра II).

Но, расправившись с носителями идей национального единения, Николай, судя по всему, задался целью подчинить сами эти идеи, заставить национальную доктрину служить династии Романовых. Но для этого нужно было иметь при себе умных и одаренных государственных деятелей. Уже Александр I в конце своего царствования возвращает из ссылки Сперанского и назначает его членом Государственного совета. При Николае I Сперанский был назначен членом Верховного уголовного суда по делу декабристов, и далее – членом Секретного комитета по крестьянскому вопросу. Под руководством Сперанского издается «Полное собрание законов Российской империи». Он получает титул графа и высший имперский орден – орден Св. Андрея Первозванного. В свое время попытка Сперанского европеизировать законодательные органы империи вызвала резко негативную реакцию. Вспомним Карамзина – 1811 год – «О древней и новой России». Был ли Карамзин не прав, утверждая своеобразие развития России и неотделимость этого своеобразия от института крепостничества? Нет, напротив, он был прав. Империи подобного рода во всех ее модификациях необходима значительная степень закрепощенности населения. Государство увеличивается посредством приращения все новых и новых территорий, но, например, свободное передвижение внутри страны должно быть крайне ограничено...

Какое развитие российской государственности возможно в дальнейшем? Ответ и сегодня один: покажет будущее...

Уже при Николае приходится Сперанскому определенным образом лавировать, отождествляя императора и государство как таковое. Фактически уже обосновывается правление императора в качестве, скорее, диктатора, нежели монарха. «Слова «неограниченность власти», – пишет Сперанский наследнику Александру Николаевичу в своих «Беседах о законах», – означают, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри империи не может положить пределов верховной власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим поставленные, извне – государственными договорами, внутри – словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а следовательно, и право самодержавное, потому и есть право, поскольку оно основано на правде. Там, где кончается правда и где начинается неправда, кончается право и начинается самовластие. Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому: но во всех случаях он подлежит, однако, суду совести и суду Божию». И далее: «...в силу основных законов империи Государь в России является источником не одной лишь законодательной, но и исполнительной власти, ибо, как гласит 80-я статья этих «Законов», власть управления во всем ее пространстве принадлежит Государю».

Графу Уварову, министру, в функции которого входило наблюдение за состоянием учебных заведений, гуманитарной науки, удалось вывести новую формулу имперского бытия, знаменитое – «Православие, самодержавие, народность». С одной стороны, эта формула поражает абсурдностью. Ведь «самодержавие» (монархия) несовместима с «народностью» (приматом национальной доктрины). Подчеркивание же «православия» отделяло, казалось бы, от Европы и объединяло с отсталыми в культурном отношении христианами Балканского полуострова. Но не следует недооценивать эту формулу. В ней уже очевидно зерно преобразования монарха в диктатора, уже отчетлива идея национальной доктрины на службе диктатуры. И, наконец, сочетание доктрины супернационального единения с общностью вероисповеднической существенно обосновывало «права» России на

Балканский полуостров.

В сущности, Николай I нашел верный путь. Это верный путь не с точки зрения позиции «как лучше», а верный путь развития и упрочения государства определенного типа. Этот путь и останется кардинальным. И даже разногласия «западников» и «славянофилов» ничего не меняют; и те и другие – уже заложники примата национальной доктрины. Несколько особняком стоит «Философическое письмо» Чаадаева, произведение, обосновывающее кардинальные, радикальные перемены; например, оно содержало критику православного мировоззрения. Романовская концепция поставила Чаадаева под огонь строгой и суровой критики, благополучно и естественно продолженный и в «советское время».

Однако, несмотря на постепенное «приручение» идей национальной доктрины, внутригосударственное наступление на Романовых продолжается... Зарубежная деятельность Герцена и Огарева, кружки Станкевича и братьев Критских, «дело петрашевцев»... Все это требует серьезной реформы внутривластного ссыла. Третье отделение под руководством Бенкендорфа, наследовавшее Тайной экспедиции, Тайной канцелярии, Преображенскому приказу, Приказу тайных дел, – это уже организация, посредством которой Романовы борются не с нежелательными претендентами на престол, но с нежелательным развитием *государственного организма*...

В области внешней политики Николай I естественно продолжает политику логичного расширения Российского государства за счет наступления на слабеющий Османский султанат (война 1828–1829 годов, приобретая империи земли в устье Дуная и Черноморское побережье) и за счет захвата земель Северного Кавказа. Эти военные действия для России победоносны, поскольку она сталкивается с османской армией, недостаточно реформированной по европейскому образцу, а на Кавказе – с феодальными воинскими формированиями, сложившимися в рамках зачаточных государственных систем.

В 1848–1849 годах посланная Николаем российская армия помогает императору Австро-Венгрии подавить венгерское восстание. Николай I осуществил акт помощи в отношении своего коронованного собрата, помогая тому сохранить территориальную целостность владений. Однако либеральная Европа расценила это именно с точки зрения пресловутой национальной доктрины. Николай I получает нелестное прозвище европейского «жандарма». Победа армии Паскевича над повстанческими формированиями, лишенными многих преимуществ регулярной армии, и прежде всего – хорошей военной подготовки и дисциплины, также естественна... Впрочем, сегодня определение «национально-освободительная борьба» не вызовет, наверное, такого безоговорочного восторга и поддержки. Не являются ли возникающие в результате подобной борьбы мононациональные и монорелигиозные государственные образования антидемократическими по своей сути?..

Любопытно, что славянофилы ясно поняли всю унижительность роли «жандарма» для всероссийского императора и начали интенсивно прокламировать поворот российской внешней политики к «славянскому Востоку»; уж на Востоке-то Российской империи была уготована роль «доминанты». Впрочем, от мысли о том, как обидна для победоносных Романовых эта роль «жандарма» в «семействе» европейских монархов, совсем не так уж далеко оказывалось до крамольной мысли о том, так ли уж необходима России монархия...

Пытаясь «приручить» национальную доктрину, Николай I понимает необходимость опоры на талантливых писателей. Он предоставляет Пушкину возможность знакомства с пугачевскими и петровскими материалами в целях написания книг популярного характера,

склоняет писателя к жанру исторического романа в стиле Вальтера Скотта; подобный роман должен быть занимателен, насаждать ощущение величия «прошлого», и в то же время должен быть строго концептуален (потому и знакомство с «материалами» было весьма ограничено). «Капитанская дочка» – такой, и все же не совсем такой роман. Но, проявляя симпатии к Пугачеву, Пушкин мог спокойно сослаться все на того же Вальтера Скотта (вспомним Роб-Роя и Робин-Гуда). В «Полтаве» и «Медном всаднике» Пушкин отчетливо провел одну глубокую и интересную мысль: Петр у него побеждает не потому, что «так будет лучше», а потому, что интуитивно входит в русло некоего закономерного и неотменяемого исторического развития... Но в этом развитии Романовым оставалось все менее места и времени. Несмотря на попытки удержаться, предпринимавшиеся Николаем I, и в дальнейшем – Александром II, все более становилось ясно, что Медный всадник *закономерности* раздавит «Евгения» Романова...

Однако Николай I не сдавался. И теперь, кажется, самое для нас время глянуть на него как на личность. Какой и кто он был...

Уже во внешних чертах Романовых отчетливо выражаются черты старинных немецких княжеских домов. Светлеют глаза и кожа, удлиняются лица, редуют и светлеют волосы. Высокорослость, впрочем, держится. Многие Романовы (в их числе и Николай I и Александр III) будут отличаться высоким ростом, как некогда Петр I, Анна Иоанновна и прочие...

При Николае I интимная жизнь правителя утрачивает почти в полной мере черты абсолютистской открытости, публичности. Это уже в большей степени интимная жизнь диктатора, которому необходимо для идеологического обоснования своей власти выглядеть даже в интимной жизни «самым порядочным и приличным», нежели интимная жизнь монарха, в которой роскошь тождественна величию, служит проявлением и подтверждением величия государства.

При Николае I жизнь императорской семьи начинает протекать как бы за неким «фасадом» строгого соблюдения внешних правил приличия. Еще недавно брак Николая открыл бы ему возможность серьезного упрочения внешнеполитических связей. Но в наступающую эпоху торжества в Европе национальной доктрины, с одной стороны, и либеральных идей – с другой, это уже не столь возможно. Николай Павлович женат на дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III, принцессе Каролине-Шарлотте. Каролина Прусская была родной племянницей английской королевы Шарлотты, супруги короля Георга III, и, таким образом, приходилась родственницей и будущей английской королеве, знаменитой Виктории. (Но пусть вас и в дальнейшем не смущают определения: «английская королева», «датская», «греческая королева», «царь Болгарии». Все это выходцы из старинных немецких княжеских домов.) В православном крещении Каролина Прусская становится «Александрой Федоровной».

Быт и нравы императорской фамилии делаются все более буржуазными, все теснее сближаются с жизнеустройством даже не столько богатых российских помещиков, сколько состоятельных европейских буржуа. Пройдя через российские разновидности рококо, ампира и неоклассицизма, российский быт «обеспеченных классов» все более эволюционирует в том направлении, которое завершится добротной-буржуазным «викторианским стилем».

Александра Федоровна пишет своему старшему брату (будущему первому германскому императору Вильгельму): «Жизнь наша совсем буржуазная. Мы выходим в свет весьма редко... обыкновенно по воскресеньям обедаем у мама (т. е. у вдовствующей императрицы

Марии Федоровны. – Ф. Г.) и по вечерам сидим дома и играем в макао...»

Супруги с удовольствием читают исторические романы Вальтера Скотта. В комнатах Александры Федоровны – по обычаю немецких буржуазных домохозяек – цветы в горшках и канарейки в аккуратных удобных клетках.

Семья все увеличивается. В 1818 году рождается первенец Александр (будущий император Александр II), за ним следуют: Мария, Ольга, Александра, Константин, Михаил, Владимир и Алексей.

Даже нерасположенный к Николаю маркиз де Кюстин отмечает, что император любит жену и детей. В сущности, глубоко ложным, по всей вероятности, является представление, будто в частной своей жизни диктатор непременно предстает неким ужасным чудовищем. Ничего подобного! Как правило, это в частной жизни человек заурядно добродушный и буржуазно ограниченный. Поэтому ничего удивительного в сообщениях о том, что комната Сталина была оклеена картинками из «Огонька», или о том, как хорошо обращался со слугами Муссолини, вовсе и нет. И Николай I в достаточной степени был со своими близкими буржуазно хорош. Та же Александра Федоровна писала по поводу рождения первенца: «Тогда я услышала первый крик моего первого ребенка. Ники целовал меня, заливаясь слезами, и вместе мы возблагодарили Бога...»

Впрочем, таким же рисует императора П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера». Если сделать поправку на явное нерасположение Кропоткина к императорской фамилии, перед нами в его описании возникнет грубоватый, но добродушный человек. Такими же чертами «солдатской грубоватости» наделен в описании Кропоткина и брат императора, Михаил. Это не случайно. Ведь Николай одним из первых понял, что Российская империя для того, чтобы развиваться, должна эволюционировать в направлениях: «государство казарменного типа», «народ-войско»... Маленький Петр Кропоткин увидел императора на костюмированном балу. Но это не простое развлечение, а своего рода идеологическое мероприятие...

«... Решено было, что приветствовать императора должны все различные народности, входящие в состав империи... Так как отец был военным, то, разумеется, он должен был явиться в мундире; но те из наших родственников, которые не служили, не менее дам были заняты приготовлением русских, греческих, кавказских, монгольских и других костюмов... Каждому из детей вручили жезл с гербом одной из шестидесяти губерний Российской империи... по данному нам приказанию мы склонили все жезлы с гербами перед Николаем... Апофеоз самодержавия вышел очень эффектным...

Не знаю, потому ли, что я был самый маленький в процессии, или потому, что мое круглое лицо с кудрями казалось особенно потешным под высокой смушковой шапкой, но Николай пожелал видеть меня на платформе. Мне потом сказали, что Николай, любивший всегда казарменные остроты, взял меня за руку, подвел к Марии Александровне (жене наследника), которая тогда ждала третьего ребенка, и по-солдатски сказал ей: «Вот каких молодцов мне нужно!» Эта острота, конечно, заставила Марию Александровну покраснеть. Во всяком случае, я очень хорошо помню, как Николай спросил: хочу ли я конфет? На что я ответил, что хотел бы иметь крендельков, которые нам подавали к чаю в торжественных случаях. Николай подозвал лакея и высыпал полный поднос крендельков в мою высокую шапку...

В конце концов фельдфебелеобразный брат Николая Михаил, имевший репутацию остряка, ухитрился-таки заставить меня заплакать.

– Когда ты пай-дитя, тебя глядят вот так, – сказал он и провел своею большою рукою по моему лицу сверху вниз. – Когда же ты шалишь, тебя глядят вот эдак, – и он провел рукою вверх, сильно нажимая нос, который и без того проявлял уже наклонности расти кверху. На моих глазах показались слезы, которые я напрасно старался удержать. Дамы, впрочем, заступились за меня. Добрая Мария Александровна взяла меня под свое покровительство. Она усадила меня рядом с собою на высокий с золоченой спинкой бархатный стул. Мне говорили впоследствии, что я скоро заснул, положив голову ей на колени, а она не вставала с места во все время бала...»

Мария Александровна – супруга будущего императора, либерального Александра II...

Но за парадным «фасадом» затянутого в мундир приличия и порядочности облика обретается, естественно, некая реальная действительность. Фаворитизм Николая I приобретает форму буржуазного адюльтера. Всем было известно при дворе, что официальной фавориткой императора является В. А. Нелидова (не путать с фавориткой Павла I). Но при этом как бы действовало ханжеское соглашение об определенной степени замалчивания. Что касается писаний о развращенности Николая I и его двора, то здесь, возможно, действует некий стереотип образа «тирана, оскверняющего жен и девиц своих владений». Вот, однако, что писал Пушкин жене, когда она хлопотала о том, чтобы сестры ее находились при дворе: «Коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу... Мой совет тебе и сестрам – быть подале от двора: в нем толку мало». А вот диалог жившего в России француза с одною представительницей аристократического Петербурга: «Неужели же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?» – спросил я даму, любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности. «Никогда! – ответила она с выражением крайнего изумления. – Как это возможно?» – «Но берегитесь, ваш ответ дает мне право обратиться к вам». Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете: я поступлю, как все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом» (по книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»).

Е. Ф. Юнге вспоминала: «Моя сестра Мария Федоровна Каменская была известная в Петербурге красавица. Когда она, девушкой, гуляла под руку с отцом и им встречался император Николай Павлович, то последний осаживал лошадей и выходил из экипажа, чтобы пройтись и побеседовать с ними, и тем ужасно сердил моего отца, который, приходя домой, говорил: «Ну нет, если он опять это сделает, я его побью». Сама же Каменская в своих воспоминаниях писала о том, что ее отец очень боялся, как бы его обожаемую Машеньку не сделали фрейлиной императрицы и фавориткой императора. В конце концов он даже решился сказать министру двора, князю Волконскому: «...я не желаю, чтобы моя дочь... – (и папенька шепнул что-то на ухо князю).

Министр с удивлением взглянул на него и холодно проговорил:

– После того, что вы мне сказали, граф (Ф. П. Толстой, художник. – Ф. Г.), вы можете быть покойны: дочь ваша фрейлиной не будет».

Можно отметить забавный стереотип: интимные отношения императора с женами и дочерьми его приближенных и подданных трактуются как унижительные для них; но, в то же время, влюбленность в императрицу – некий признак свободолюбия. Вероятно, не все помнят, что строки «И неподкупный голос мой был эхо русского народа» Пушкин относит к себе именно как к поэту, воспевающему императрицу Елизавету Алексеевну, супругу столь неприятного ему Александра I.

Вообще же отношение дворянской интеллигенции к семейству Николая I было, по большей части, смесью страха с неприязнью. Исключение делалось для наследника и его супруги, а также для великой княгини Елены Павловны, урожденной принцессы Вюртембергской, супруги великого князя Михаила Павловича, брата императора. Она придерживалась либеральных убеждений, увлекалась русской литературой. В ее салоне бывали Пушкин, Тургенев, Плетнев, Одоевский. Позднее она сочувственно отнеслась к намерению Александра II отменить крепостное право...

Для того чтобы лучше понять, какое впечатление производил Николай именно при личном знакомстве в кругу равных, стоит привести мнение о нем, записанное королевой Викторией в ее дневнике в 1844 году:

«Царь Николай – человек строгий и непреклонный, с весьма твердыми понятиями относительно своих обязанностей, и я думаю, ничто на свете не может заставить его измениться; я не полагаю, что он очень умен и что вообще сознание его – это сознание современного культурного человека: его образованием пренебрегли, и лишь политика и военные заботы представляют для него большой интерес. К искусству, как и к другим менее существенным областям, он остается безразличным, но я полагаю, он искренен даже в самых своих деспотических действиях, в том смысле, что он искренне убежден, что именно так только и можно управлять людьми...

Однако я уверена, что он не осведомлен и даже не отдает себе отчета в тех человеческих страданиях, которые он так часто причиняет своим подданным...»

При Николае I обычным явлением становятся так называемые «крестьянские волнения». Судя по сохранившимся сведениям, это были вспышки стихийного бунта людей, доведенных до отчаяния крепостной зависимостью...

Между тем, Крымская война 1853–1856 годов ясно показала, что российская армия еще недостаточно велика для того, чтобы сражаться с европейскими войсками. Николай был побежден, прежде всего, новой военной техникой – паровым броненосным флотом и дальнобойным нарезным оружием. Сам формальный повод для ведения военных действий – столкновение католических европейских и греческих православных (подданных Османского султаната) иерархов – фактически привел к открытой конфронтации с Европой. «Православие», которое обязан был защищать Николай, оказало ему плохую услугу. Попытка разыграть карту «военного единения всех сословий» также провалилась; было слишком очевидно неравенство, ведь рекрутскому набору дворяне не подлежали, так же как и купеческое сословие; солдаты рекрутировались лишь из крестьян...

Романовская концепция обычно делала упор на личный героизм российских участников Крымской войны. Советские историки, браня Николая за отсталость его армии, также подчеркивают личный героизм солдат и офицеров, то есть выдвигается тезис о «бездумном» армейском героизме ради героизма как такового, вне зависимости от смысла и целей военных действий.

Николай I умер в 1855 году, когда поражение России в Крымской войне уже было ясно. Его сын поспешно заключил невыгодный для империи мирный договор. Заключение мирного договора даже на невыгодных условиях осталось единственным возможным вариантом прекращения военных действий, уже убийственных для российской армии. Ходили слухи, что, поняв, что происходит, Николай I будто бы принял яд. Разумеется, подтвердить эти слухи нет возможности... В чем, в сущности, заключалась «вина» Николая? Это сегодня, «задним умом», как говорится, можно судить о том, что имперская армия

побеждает не военной техникой, а «числом». Но нельзя забывать, что именно при Николае I был создан прообраз идеального для будущей модифицированной империи-победительницы государственного устройства...

Запрет на эту книгу был наложен надолго и всерьез. Изданная впервые в 1843 году, снабженная остроумными рисунками Г. Доре, известнейшего графика, она тотчас произвела фурор и выдержала множество переизданий. Но в России она публиковалась лишь фрагментарно, на страницах «Русской старины» и «Русской были». В советское время книга была издана в 1930 году, на дальнейшие переиздания можно было уже не рассчитывать. Но почему? Что крамольного в книге «Россия в 1839 году»? Всего лишь то, что она и сегодня представляется точным описанием... Советского Союза!

Автор этой странной книги, французский писатель и журналист, маркиз Астольф де Кюстин, был человеком роялистских убеждений. И тем более любопытно, что этот апологет монархизма видит в Николае I уже и не монарха, а именно диктатора. И кто решится назвать подобное видение неверным?!.

Российские, советские и постсоветские критики де Кюстина часто упрекали его в «антирусских настроениях». Но довольно пробежать глазами по страницам, чтобы понять, насколько заинтересовали и даже и пленили путешественника русские люди. Нет, он виновен лишь в том, что для него «человек» и «государственная система» – понятия нетождественные.

Монархистские убеждения позволили де Кюстину получить разрешение на пребывание в Российской империи. Нет, он не преобразился в демократа, но ясно понял, что в Российской империи осуществляется уже не монархический строй, но некая генеральная репетиция... Репетиция чего?.. Другому понимающему человеку, одареннейшему писателю Салтыкову-Щедрину, открывшаяся даль грядущего показалась такой бездной, что он написал в своей «Истории одного города»: «История прекратила течение свое...»

Но все же история не прекращает своего течения, и потому вот уже для нашего времени – цитаты из книги де Кюстина о николаевской России:

«... Все говорит мне о природных способностях угнетенного русского народа...»

«Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немислимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы...»

(На таможне у Кюстина отбирают даже часы...)

«Столько мельчайших предосторожностей, которые считались здесь, очевидно, необходимыми и которые нигде более не встречались, ясно свидетельствовали о том, что мы вступаем в империю, объятую лишь чувством страха...»

«При виде усилий, с какими здесь стараются уничтожить память о прошлом, я удивляюсь, что еще сохраняют кое-что...»

«Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства...»

«... страна, которую с такой радостью покидают и в которую с такой неохотой возвращаются, не может быть приятной страной...»

«Во Франции, как и здесь, на пароходе, я встречал всегда лишь два типа русских людей: одних, которые из суетного тщеславия безмерно восхваляют свою родину, и других, которые из желания казаться более культурными и цивилизованными, как только речь заходит о России, выказывают к ней либо глубокое презрение, либо полное равнодушие. До сих пор я

не позволял ни тем, ни другим обмануть меня. Но я хотел бы найти и третий тип русских – простых, искренних людей, и их-то и буду в России разыскивать...»

«Невольно пришлось мне мысленно повторять слова моих знатных спутников: «Россия – страна бессмысленных формальностей»...»

«Рабское восторженное поклонение, безмерный фимиам, становящийся наконец невтерпеж божественному идолу, – весь этот культ обожествления своего монарха прерывается вдруг страшными кровавыми антрактами...»

«Народ русский достаточно красив. Мужчины чисто славянской расы, привезенные сюда своими господами из центра России для услужения или остающиеся подолгу с их разрешения в Петербурге для занятия ремеслами, отличаются светлым цветом волос и яркой краской лиц, в особенности же совершенством своего профиля, напоминающего греческие статуи. Их миндалевидные глаза имеют азиатскую форму с северной голубоватой окраской и своеобразное выражение мягкости, грации и лукавства...»

«Во многих частях империи крестьяне верят, что они являются принадлежностью земли. Состояние это кажется им естественным, так как они не дают себе труда подумать над тем, может ли один человек быть собственностью другого...»

«Маленькие чиновники еще напуганней, чем их начальники, и если последние молчат, то первые молчат и подавно. Остаются купцы и лавочники, но это народ хитрый и лукавый, как все, кто хочет жить и процветать в этой благословенной стране. Если они и говорят о предметах важных и, следовательно, небезопасных, то только на ушко и в четырех стенах...»

«Жертвы и палачи одинаково убеждены в необходимости слепого повиновения...»

«Но народы немолствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого народа, и изумленному миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение...»

«У русского народа безусловно есть природная грация, естественное чутье изящного...»

«Русский народ добр и кроток!» – кричат одни. На это я отвечаю: «Я не вижу в том особого достоинства, а лишь привычку к подчинению». Другие мне говорят: «Русский народ кроток лишь потому, что он не смеет обнаружить свои истинные чувства. В глубине души он суеверен и жесток». – «Бедный народ! – отвечаю я им. – Он получил такое дурное воспитание»...

«Стоит посмотреть на то, как я прячу свои писания!.. Этот листок я запрячу под подкладку шапки. Конечно, все эти предосторожности, я надеюсь, излишни, но все-таки лучше их принимать. Одно это дает понятие о русском правительстве...»

«... певучая беседа, которую вел в ту ночь кучер со своими лошадьми, звучала похоронно... жалобные звуки, которыми человек поверял свои горести животному, единственному верному другу, хватали за душу и наполняли ее невыразимой грустью...»

«Когда русские хотят быть любезными, они становятся обаятельными... Такая обаятельность одаряет русских могучей властью над сердцами людей...»

«Грусть, скрытая под личиной иронии, – наиболее распространенное здесь настроение, особенно в гостиных...»

«Но, хотя эти люди были закованы в кандалы, в моих глазах они были невинны, ибо при деспотическом режиме виновен только тот, кто карает...»

Но между генеральной репетицией и самим спектаклем проходит ведь еще какое-то

время подготовки. И даже может показаться, что уже готовятся совсем к иному представлению... И потому...

Александр II (правил с 1855 по 1881). Судьба «освободителя»

В царствование Александра II Россия продолжает идти к своему грядущему (уже в XX веке) расцвету в качестве государства определенного типа. И естественным образом Романовы продолжают идти к своей гибели.

Реформы, проведенные при Александре II, по сути своей – именно то, что принято называть либеральными реформами. Попытаемся понять, почему же имперский либерализм вызывает в дальнейшем последствия вовсе не либеральные. Наиболее значительным деянием было, конечно, освобождение крестьян от крепостной зависимости. Но это был еще один шаг к нивелировке сословий, столь губительной для Романовых. К этому вела и судебная реформа – введение гласного судопроизводства, теперь суд строился на внесословных началах; подсудимый получал защитника, который посредством защитительной речи мог воздействовать на коллегия присяжных заседателей. Шаги к нивелировке сословий предусматривали введение земского самоуправления. В 1874 году обнародуется манифест о всеобщей воинской повинности, система «набора-призыва» совершенствуется; при сокращении срока службы армейская система теперь охватывает значительно большее число подданных императора. Еще при Александре I делались попытки интегрировать в армейскую систему «иноверных» подданных империи, теперь продолжают эти попытки интеграции в имперскую армейскую систему представителей народностей Кавказа и Средней Азии. И это естественным образом работает на все ту же нивелировку сословий. В обществе формируется явление так называемых «разночинцев» – внесословных интеллектуалов. Но официальная сословность общества – преграда для развития внесословной интеллектуальной элиты. В такой ситуации естественно возникают новые революционные кружки и направления («Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля»). Альтернативой сословному общественному устройству члены этих организаций видят государство, основанное на принципах внесословной национальной доктрины. Однако некогда сложившееся противопоставление – «народ» и «просвещенные» – продолжает иметь силу. Участники революционного движения 60—90-х годов именуют себя «народниками»... Ситуация достаточно любопытная: дворянин, помещик отделен от «народа» своей принадлежностью к высшему сословию; новые революционеры отделены от того же «народа» своим европейского образца образованием. «Народу» остается недоступным образование даже на уровне самых низших европейских стандартов. Призывы «народников» сочувствия не встречают. Но таким же равнодушием загадочный «народ» ответит позднее и на свержение Николая II, внука Александра II. Интересно, что в период так называемой «Гражданской войны» регионы, в которых ведутся наиболее интенсивные военные действия, одушевляются отнюдь не идеями социального переустройства, но задачами сепаратистскими (Украина, Средняя Азия, Кавказ)...

Внешняя политика Российской империи, в сущности, не зависит уже ни от личности монарха, ни от действий политиков, окружающих его. Империя продолжает расширяться за счет приращения регионов, имеющих архаическое («отсталое») государственное и военное устройство. Именно такие территории приносит Российской империи завоевание Средней

Азии. На этих новых территориях (бывшие Кокандское, Хивинское, Бухарское ханства) довлеет сословно-феодалное устройство; будущее показало, что их интенсивная интеграция в состав империи возможна опять же в процессе нивелировки сословий...

Но какова же личность самого «царя-реформатора»? Похоже, что упорядочение престолонаследия, проведенное Павлом I, напрочь уничтожило тип яркой живой личности в династии Романовых. Все последовавшие за ним Александры и Николаи видятся невольно все одним и тем же оmundиренным и более или менее высокомерным буржуа, то почему-то либеральным, то почему-то нелиберальным. Некая фигурка в мундире, поставленная поверх циферблата, но никакого отношения к часовому механизму уже не имеющая. Впрочем, подобная унификация постигла во второй половине XIX века все европейские династии, все они оказываются представленными высокомерными буржуа в мундирах и безвкусно одетыми дамами... Но все же попытаемся рассказать об Александре II. Его воспитанием и образованием занимались просвещенный Сперанский, ретроградный Мердер и поэт Жуковский. Все они были назначены к нему его отцом, Николаем I. Интересно, что Жуковский позволяет в «своем кругу» достаточно свободные и «либеральные» высказывания. Вот он обращается с письмом к императрице Александре Федоровне: «Когда же будут у нас законодатели? Когда же государи наши будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, на просвещение, на нравственность? Государыня, простите мои восклицания, но страсть к военному ремеслу стеснит его (наследника. – Ф. Г.) душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве – казарму...»

Российское общество связывает с наследником надежды на грядущую либерализацию, Николай I этому не препятствует. Более того, он отправляет сына в путешествие по империи, затем – за границу. Репутация Александра как будущего либерального правителя упрочивается.

В Англии происходит его знакомство с его выдающейся современницей, королевой Викторией. Ей двадцать лет, она еще не замужем. Кажется, молодые люди заинтересовались друг другом. Но, разумеется, брак невозможен. Ведь супруг Виктории не будет королем, а всего лишь – принцем-консортом, супругом королевы, так же, как российская императрица, после известных павловских распоряжений, – всего лишь супруга императора. Однако молодая королева записывает в дневник: «Мы остались наедине. Великий князь взял мою руку и тепло сжал ее в своей руке. Он был бледен, и голос его задрожал, когда он сказал мне по-французски: «Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую», – и добавил, как глубоко он признателен за столь любезный прием... Он твердо верит, что все это послужит установлению дружеских связей между Англией и Россией. Затем он прижался к моей щеке и поцеловал меня так тепло и с таким сердечным чувством, и потом мы опять очень тепло пожали друг другу руки... я была очень опечалена, расставаясь с этим милым молодым человеком, в которого я действительно (говоря в шутку) была немножко влюблена...»

Адъютант наследника полковник Юрьевич записывает, в свою очередь: «Прошлой ночью мы попрощались с английским двором. Когда цесаревич остался наедине со мной, он бросился в мои объятия, и мы оба плакали. Он сказал мне, что никогда не забудет Викторию. Прощаясь, он поцеловал королеву. «Это был самый счастливый и самый грустный момент моей жизни», – сказал он мне».

Разумеется, гарантировать, что дневник Юрьевича (а возможно, и дневник Виктории) не являются подделками, мы не можем. «Дружеским связям между Англией и Россией» помешало их соперничество на Балканах. Однако в 1874 году младшая дочь императора,

Мария Александровна, становится женой одного из сыновей Виктории, герцога Эдинбургского. Торжественное бракосочетание состоялось в Санкт-Петербурге. В том же году император прибыл в Англию якобы для того, чтобы навестить дочь. Однако на этот раз встреча королевы и императора прошла совершенно официально, без нежностей...

Сам император Александр II был женат на принцессе Вильгельмине-Марии Гессен-Дармштадтской, принявшей в русском крещении имя «Марии Александровны». Она отличалась слабым здоровьем, умерла от прогрессирующего туберкулезного процесса. Вероятно, вследствие ее заболевания супруги предпочитали жить в Царском-Сельском Александровском дворце, называемом еще «Петергофской фермой». Там семья вела вполне буржуазную жизнь: обеды «запросто», прогулки, вечера за картами и разговором.

Старшая дочь, Александра, умерла в детском возрасте. Последовавший за ней сын Николай (наследник) также скончался в юном возрасте, от туберкулеза (это ему посвящено стихотворение Тютчева «Сын царский умирает в Ницце...»). В 1845 году родился Александр (будущий Александр III), после него – Владимир, Алексей, Мария, Сергей, Павел... Дети воспитывались в английском стиле (уже общепринятом для воспитания в европейских аристократических семьях): холодные обливания, гимнастика. Воспитательницами старших детей в раннем детстве назначены были: мисс Юз, мисс Ишервуд и мисс Статтон. У мальчиков были военные воспитатели: генерал-майор Зиновьев и полковники Гоголь и Казнаков. Какое-то время сыновья Александра II учились в Первом кадетском корпусе; как видим, образование их было военное, с самого детства они были «людьми в мундирах». «Оппозиционером» по отношению к Александру, еще при жизни Николая I, был брат, Константин Николаевич. Кажется, он всячески стремился настроить отца против сына-наследника. Однако сведений о том, чтобы Константин Николаевич поддерживал материально внутригосударственные революционные движения, кажется, нет. Да и едва ли это было бы возможно, движения эти носили слишком антиромановский, антидинастический характер...

Отмена крепостного права – деяние достаточно загадочное. Ни о каких «мощных антипомещичьих выступлениях», с которыми не справилась бы армия, не могло быть и речи. Рабочие руки для развивающейся промышленности? Она их не получила. Даже «освобожденный» крестьянин был приписан к «миру» – общине. Для ухода из деревни в город требовались разрешительные бумаги... Вспомним, что мероприятия по отмене крепостного права проходят в России одновременно с войной Северных и Южных штатов за отмену рабства негров... Ликвидируя крепостное право, Россия повышала свой престиж в Европе... Но все эти мероприятия, идущие как бы «по нарастающей» и ведущие естественным образом к нивелировке сословий, уже начали пугать и российскую аристократию. Она чувствует, что время ее культуры, ее общества, ее время, идет к концу. И, наконец, подрываются сами материальные основы ее существования. Единственный источник существования – доход от «хозяйства». И что без этого дохода тот же Л. Н. Толстой – недоучившийся студент, «невыслужившийся» военный? Напуганный слухами о готовящейся реформе, он заранее предлагает яснополянским крестьянам выкупить, купить у него землю. Но крестьяне надеются получить землю «бесплатно» по царскому указу и отказываются от графского предложения. Толстой записывает в дневнике, что крестьяне «не хотят своей свободы». Действительно, своей свободы на его условиях они не хотели. В конце концов крестьяне были освобождены «без земли»; земельные наделы они должны были «выкупать» (общинами) у помещиков и государства. Запутанная выкупная система ставила в

некое «ложное положение» и помещиков и крестьян. Это очень отчетливо выражается психологически в оформлении «комплекса вины перед народом», распространившегося от дворянских интеллектуалов и на внесловных интеллектуалов империи. «Комплекс вины», в свою очередь, формирует представление о «народе» как о стихийном носителе «высших истин», которому и не требуется «обычное» образование по европейским образцам. В сказке Салтыкова-Щедрина конь-пустопляс глубокомысленно замечает о «трудящемся» коняге, что тот понимает «дух жизни и жизнь духа»...

Между тем, «российское революционное недовольство» переливается в самые разнообразные формы, находит для себя сферы действия. Многие российские революционеры принимают участие в Парижской коммуне... Александр II осознает зависимость своих действий от мнения Европы. Сложилось такое положение, когда любые резкие радикальные внутригосударственные меры создают империи репутацию «жандарма». Российская империя превращается в некоего «козла отпущения» для европейского либерализма. От нее словно бы и ждут уже резких мер, чтобы немедленно осудить ее, возмутиться ее внутренней политикой... На предложение графа Шувалова, шефа Третьего отделения (потомка той самой Мавры Егоровны Шепелевой, наперсницы Елизаветы), запретить издание «Современника» Александр II вынужден ответить: «Милый друг Петр Андреевич! Вы, конечно, правы. Но пришли новые времена...»

Во внутренней культурной политике и практике усиливается деятельность направления «славянофилов». Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы, Гильфердинг... Интенсивно изучается и собирается русский фольклор, активизируется изучение истории Древней Руси. Романовская историческая концепция все более начинает разделять «допетровскую» и послепетровскую, «европеизированную» Русь. Формируется представление о «правильном» допетровском течении истории и «неправильном» курсе петровской европеизации России. Для Романовых, имевших еще с патриарха Филарета европейскую ориентацию, подобная интерпретация истории, несомненно, губительна. Однако они принуждены идти на уступки и жертвуют Костомарову и Семевскому фигуру Петра I.

Новые историки подвизаются в новых изданиях: «Русская старина», «Русский архив», «Русская быль»...

«Кремлевские стены покрываются трупами, московские площади обливаются кровью стрельцов, восставших против «иноземческого» царя, против бояр да князей, против немцев и немецких нововведений; почти все стрельцы героями умирали за старую Русь, погребаемую Петром, недаром же и доселе народ поет про стрелецкие казни...» – пишет М. И. Семевский.

«...члены царствующего рода стали вступать в супружество с лицами из царственных домов иностранных государств и между царскими подданными не могло быть уже законной родни. Последний брак русских царей с подданными был брак царя Петра с Евдокией Лопухиной, брак, имевший такие печальные последствия. Вся родня царицы Евдокии не только не пользовалась при царе Петре Первом почетом и влиянием, но подвергалась гонениям», – вторит ему Н. И. Костомаров...

И вот, на подобном фоне происходит занятная попытка российской аристократии объединить «самодержавие» с «народностью» в смысле национальной доктрины более радикально. В сущности, перед нами попытка как бы «реформировать» династию Романовых, теснее связать ее с русскими аристократическими корнями. Вспомним, что в России Николая I и Александра II продолжают существовать потомки знатнейших русских

родов – и Рюриковичи, и Гедиминовичи. Активизация изучения истории чревата для Романовых выставлением «на люди» двух их основных свойств: худородства и узурпации...

Но покамест задумывается некое «мирное» и оригинальное «решение вопроса». Александру II усиленно подсовывают... новую императрицу! Интрига носит отчасти «малороссийский» характер. Но это не удивительно; ведь именно в Малороссии находятся богатейшие помещицьи резиденции, на черноземных землях работают тысячи крепостных. Здесь помещики особенно много имели и особенно много теряют в связи с реформой... Интересно, что вторую половину царствования Александра II историки часто связывают с наметившимся антилиберальным курсом, продолженным его сыном, Александром III. Но мало кто при этом обращает внимание на перемены в личной, интимной жизни императора.

Немолодого уже Александра II, отца многочисленного семейства, знакомят с девочкой, совсем юной красоткой. Это Екатерина Михайловна Долгорукова, по отцу она – Рюриковна; мать ее, Вера Вишневецкая – богатейшая украинская помещица. Как мы помним, одна Екатерина Долгорукова уже чуть не вскарабкалась на императорский всероссийский трон...

Катю и ее сестру Марию помещают в аристократическое девичье учебное заведение: Смольный институт. Заботливые родственники и друзья семьи буквально толкают юную девушку в объятия немолодого императора, устраивают «тайные» встречи и свидания. Долгорукова – любовница Александра II. Они отправляются в «свадебную поездку» в Париж, где на Александра было совершено покушение неизвестным. По возвращении роман продолжается. Екатерина Долгорукова (при живой императрице) – фактическая супруга императора. Она именно не фаворитка, а как бы «вторая законная жена». В новой семье один за другим рождаются дети. В 1880 году умирает императрица. И, не дождавшись окончания установленного траурного срока, Александр II венчается с Долгоруковой. По официальному указу она получает имя Юрьевской и титул светлейшей княгини. Это имя-прозвище «Юрьевская» должно напоминать и об одном из предков Романовых, о боярине начала XVI века Юрии Захарьине, и об основателе Москвы, Рюриковиче, Юрии Долгоруком. Умножаются слухи. Князь Голицын якобы получил секретное поручение – подобрать соответствующее обоснование для того, чтобы новая супруга императора была провозглашена императрицей. Уверяют, будто царь возлагает особые надежды на сына от второго брака, Георгия; передают фразу царя, сказанную об этом мальчике: «Это настоящий русский, в нем, по крайней мере, течет только русская кровь». Фраза, хотя и не соответствующая истине, но многозначительная, поскольку подразумевает, что в жилах законных наследников императора кровь не столь русская. Законные наследники имели основания волноваться. Одновременно разворачивается достаточно сложная ситуация на Балканах, где Россия и Европа добивают слабеющий Османский султанат. Вопрос идет о дележе сфер влияния. Российская армия в очередной раз была направлена против армии османской. Идеологическим обоснованием на этот раз служит панславистская доктрина (любопытно, что со второй половины XIX века упор делается не на вероисповедническую, но именно на этническую общность). Впрочем, добывая свою соперницу, балканскую империю, Российская империя лишает себя прецедентного факта существования аналогичного государства и остается «наедине» с европейскими государствами, в общем-то враждебными Российской империи прежде всего идеологически. Недаром барон Бруннов, старший советник при министерстве иностранных дел при Николае I, пытался внушить будущему императору Александру: «Задача нашей политики должна быть в поддержании существования и целостности Оттоманской империи...» И вот Российская империя не может

воспользоваться плодами своих побед на Балканах. «Новые» балканские государства – и Греция, и Болгария – естественно стремятся к сближению с Европой, политически ориентированы на европейскую политику. Кроме того, российские политики столкнулись с такой крупной политической фигурой, как Бисмарк. Становится все более ясно: Российская империя может не рассчитывать на то, что Балканский полуостров окажется в сфере ее влияния. И лишь почти сто лет спустя, в середине сороковых годов XX уже века Балканский полуостров почти целиком войдет в сферу влияния модифицированной Российской империи – СССР, и это влияние сохранится на столетия...

А покамест деятели славянофильского направления упрекают Александра в уступках «западным врагам России». Особенно обрушивается на балканскую политику Александра II семейство Аксаковых во главе с И. С. Аксаковым, женатым на влиятельной бывшей фрейлине Анне Федоровне Тютчевой, дочери поэта. С газетных страниц «Московских ведомостей» и «Москвы» несется достаточно вольная критика в адрес и самого императора. Александр II принужден на несколько месяцев удалить Аксакова из Москвы. Дело в том, что в одной из статей прозвучала отчетливая мысль о необходимости объявления Западу войны...

Вот в какой обстановке происходит скоропалительное венчание императора. А вот как описывает племянник Александра II, Александр Михайлович, представление новой супруги государя «старой» семье: «Когда Государь вошел в столовую, где уже собралась вся семья, ведя под руку свою молодую супругу, все встали, а великие княгини присели в традиционном реверансе, но отведя глаза в сторону... Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны! По любопытству я внимательно наблюдал за ней... Она была явно очень взволнована. Часто она поворачивалась к императору и слегка пожимала его руку... Ее усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание...

К концу ужина трое детей были приведены их гувернанткой в столовую. Старшему мальчику, Георгию, было восемь лет. Он вскарабкался на колени к императору и начал играть его бакенбардами. «Скажи мне, Гого, как твое имя и фамилия?» – спросил Александр. «Я – князь Георгий Александрович Юрьевский», – ответил мальчик. – «Хорошо, мы все очень рады с вами познакомиться, князь Юрьевский. Скажите, князь, хотели бы вы стать великим князем?..

Когда мы возвращались домой, моя мать сказала отцу: «Мне неважно, что ты думаешь или делаешь, я никогда не признаю эту наглую авантюристку...»

Не менее категорично и мнение великой княгини Марии Павловны, супруги младшего сына Александра II, великого князя Владимира: «...Она является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать ее, а также делать ей визиты... И так как ее влияние растет с каждым днем, просто невозможно предсказать, куда это все приведет. И, так как княгиня весьма невоспитанна, и нет у нее ни такта, ни ума, вы можете легко себе представить, как всякое наше чувство, всякая священная для нас память просто топчется ногами, не щадится ничего...» Интересно, что это письмо написано гессенскому принцу Александру, брату покойной супруги Александра II... Итак, не исключался очередной династический переворот. «Старым» Романовым император уже почти открыто противопоставлял «новых русских Романовых». Интересно, что никто никогда не предпринимал попыток рассмотреть покушения на Александра II и, наконец, его убийство

именно в связи с напряженной династической ситуацией. Во всяком случае, покушения продолжались, и не помогали ни особая комиссия, ни охрана. С кем она вообще намеревалась бороться, верховная распорядительная комиссия, во главе которой был поставлен граф Лорис-Меликов? Он представил Александру II проект новых реформ с предложением привлечь к обсуждению этого проекта представителей земского самоуправления... Иные историки, апологеты Романовых, ничтоже сумняшеся именуют проекты и планы, представленные Лорис-Меликовым, «конституцией»... Не исключено, что император действительно намеревался организовать некое подобие «народного избрания», некий «новый земский собор» (ау, 1613 год!) для обоснования провозглашения новой императрицы и нового наследника. Что ж, Романовым не впервой было «устраивать выборы»...

Но после внезапной гибели Александра надежды княгини Юрьевской, кажется, рухнули окончательно. Впрочем, в определенном смысле, князь Юрьевский пошел по стопам отца. Его роман с танцовщицей «Маней» (Анной Ивановной, представительницей известного хорового цыганского семейства Масальских) превратился в настоящий брачный союз. Незаконная дочь князя и цыганки эмигрировала впоследствии за границу. Между цыганами ходили смутные слухи, будто уже при Николае II князь Юрьевский был отравлен. Вот воспоминания цыганской княжеской «родни», приводимые Н. А. Панковым: «... Сам высокий, полный красавец с голубыми глазами. Подарками Маньку задарил. А на Пасху прислал большое плюшевое яйцо, наполненное бриллиантами...»

Александр II был убит 1 марта 1881 года. Убийство, кажется, было осуществлено членами организации «Народная воля». Не являлись ли народовольцы, сами о том не подозревая, пешками? И в чьих же руках?

В группу, непосредственно осуществлявшую убийство, входили представители разных сословий Российской империи. Андрей Желябов был сыном крепостного, Софья Перовская – дочь губернатора, Николай Кибальчич – сын священника... Или это и был истинный «народный» выбор и Российской империи уже не нужны были никакие Романовы – ни «старые», ни «обновленные»?

Во всяком случае, для своего сына, законного сына, ставшего Александром III, император погиб так же «вовремя», как некогда Иван Антонович для Екатерины II, или Павел I для Александра I...

Александр III (правил с 1881 по 1894). «Железная дорога к процветанию»

Александр Александрович был учеником и поклонником Константина Петровича Победоносцева, профессора гражданского права Московского университета, сенатора, члена Государственного совета, а с 1880 по 1905 год обер-прокурора Святейшего Синода... Итак, «Победоносцев над Россией простер свиные крыла...»

Но почему?

Новое царствование началось казнью убийц предыдущего императора. Но это была вполне закономерная романовская «неблагодарность» (ведь и Екатерина приказала казнить Мировича). Ни о какой «конституции» Лорис-Меликова Александр III и слышать не хотел. Ну еще бы, если она предусматривала некий новейший «земский собор» для избрания княгини Юрьевской и ее сына! По поводу цареубийц Л. Н. Толстой писал новому императору: «Хотя я даю себе отчет, что с моей стороны лишь презумпция и безрассудство просить Вас, Императора России и любящего сына, простить убийцам Вашего отца, и, несмотря на давление Вашего окружения, ответить добром на зло, я осмеливаюсь настаивать на этом...» Царь ответил мятежному графу, приписав на полях его письма: «Надеюсь, что никто больше не посмеет отправить мне подобное ходатайство, и я обещаю вам, что все они будут повешены...»

Да, пора было показать, что к власти пришла железная рука. Показать кому? Ну, конечно, не бывшим крепостным! Прежде всего, «своему брату аристократу» надо было показать, что никаких вольностей в стиле недавней критики Александра II славянофилами или готовившегося возведения Юрьевской на престол новый император не допустит. (Кстати, княгиня Юрьевская с детьми выехала на некоторое время после смерти Александра II за границу. Вероятно, все же опасалась каких-то решительных действий нового императора. Когда-то, после Петра II, ведь кончили Долгоруковы ссылкой в Березов и плахой...)

Но «старые Романовы» так легко не намеревались сдаваться. И один лишь факт того, что Александр III доверился Победоносцеву, показывает в императоре умного человека. Именно Победоносцев сейчас нужен был Романовым, ибо он был в своем роде гениален.

Прежде всего, Победоносцев отчетливо понял, что сражаться с врагом нужно его же оружием. При Александре III принципы национальной доктрины, еще недавно способствовавшей дестабилизации власти Романовых «законных», теперь заработали на Романовых. И сделал это, добился этого все тот же Победоносцев. Прежние «либералы» – Лорис-Меликов, Абаза, Милютин – подали в отставку. Было принято «Положение о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия». Теперь возможно было арестовывать «неудобных лиц» (без различия сословий). Под строгий контроль взята была печать, особенно журналистика. Впервые было обращено серьезное внимание на «народ». Широко применяются понятия «нужды народа», «сближение с народом». Иные полагают, будто это входит в противоречие с известным запретом приема в гимназии детей из низших сословий. Но нет, речь шла всего лишь о том, чтобы представители низших сословий не получали «ненужного им образования по европейским стандартам», для них предназначались церковно-приходские школы, в которых меньше

внимания должно было уделяться образованию как таковому и больше – низовой апологетической пропаганде. Гибкая политика Победоносцева и «сближала» народ с дворянским сословием и одновременно указывала «народу» его «место». Был создан Крестьянский поземельный банк, предоставлявший ссуды общинам для покупки земли.

Внешняя политика построена была очень разумно. Фактически это была серьезная и, в сущности, успешная попытка отгородиться от Европы «железным занавесом». Попытки утвердиться на Балканах были оставлены. Ни о каких возможных столкновениях военных с европейскими армиями речь не шла. Если тот же Победоносцев понимал, что армия Российской империи в той численности и вооруженная существовавшей на тот период идеологией не выдержит подобных военных столкновений, то он был совершенный гений.

Внутригосударственная политика включала ряд мер, которые многими историками трактуются как дискриминационные. В сущности, речь идет о мерах по интеграции в состав империи ряда территорий. Меры, предпринятые в отношении Кавказского и Прибалтийского краев, должны были способствовать в отношении этих регионов «объединению с прочими частями империи». В связи с подобными задачами обращалось особенное внимание на расширение сферы употребления русского языка, русский язык должен был интенсивно распространиться на делопроизводство, среднее и высшее образование. Но можем ли мы сказать, будто речь действительно шла о дискриминации прав местного населения? Нет. Однако для того, чтобы привести доводы в пользу этого самого «нет», следует отказаться от некоторых достаточно ханжеских утверждений. Итак. Прежде всего, языки не бывают равны по уровню своего развития. Русский язык за короткий срок развился до высочайшего уровня и сделался одним из развитейших и утонченных литературных языков Европы. Языки Прибалтики и Кавказа не достигли такого высокого уровня. Фактически, мерами по расширению в Прибалтийском крае сферы употребления русского языка велась борьба вовсе не с местными языками, но с попытками германизации этих территорий. На Кавказе и в Закавказье русский язык должен был сплотить, объединить разноязычное и разноконфессиональное население, положить конец феодальным, родо-клановым конфликтам; на Кавказе стал возможен расцвет государственных центров, форпостов торговли и культуры – Баку и Тифлиса. Эти города процветали именно в качестве форпостов империи на Кавказе; и впоследствии, когда эти города были сделаны столицами псевдогосударственных образований – республик СССР, период их расцвета именно в качестве государственных центров Российской империи всячески фальсифицировался. Впрочем, и в Прибалтике и в Средней Азии появляется ряд новых городов – российских административных центров; и расцвет городов уже существовавших также связан с процессом их интеграции в государственный организм Российской империи.

Либеральная Европа требовала от России «уравнения в правах и свободах» всех конфессий, народностей, субнародностей; что в итоге способствовало лишь превращению таких имперских регионов, как Средняя Азия и Кавказ, в районы перманентных военных действий. Вероятно, следует, отбросив ханжество, признать, что среднеазиатские и кавказские войны за «передел территорий», «за каждый клочок земли» способна была прекратить лишь третья сила, и таковой силой и явилась Российская империя.

Особенно негативно оценивают историки сужение черты еврейской оседлости, то есть территорий, на которых разрешалось проживать лицам иудейского вероисповедания, и введение процентной нормы для них при поступлении в учебные заведения. Подобные меры трактуются как некие мероприятия «расистского» толка. Здесь необходимы некоторые

пояснения. Прежде всего, иудеи (евреи) не являются народностной (этнической) общностью, но общностью конфессиональной. Так же, как греко-восточные ортодоксы: русский, болгарин, не являются представителями некоего «единого этноса», так же и потомки персов, поляков, германцев, принявших иудаизм, сохраняли те же культурно-бытовые особенности (обычаи, имена языческого происхождения), которые отличали их единоплеменников мусульманского и христианского вероисповедания. Теория «блуждающего этноса», «странствующего народа», естественно, не выдерживает ни малейшей критики. Речь идет о расширении влияния конфессии посредством передвижения проповедников и вербовки прозелитов. Едва ли кому бы то ни было придет в голову утверждать, будто христианизация Руси суть переселение огромного количества балканских греков; точно так же и католицизм в Польше не есть переселение туда итальянцев... Стало быть, ни о каких «расистских» мерах по отношению к «еврейскому народу» со стороны правительства Александра III не может идти речь; хотя бы потому, что, во-первых, не существует подобного «народа»; и, во-вторых, российская имперская администрация не знала таких дискриминирующих личность понятий, как «народность», «национальность»; все подданные империи были подданными империи и людьми, исповедующими ту или иную религию. Человек был свободен в выборе конфессии, он мог по своему желанию переменить вероисповедание. Православная церковь не препятствовала переходу иудеев в православие, безусловно являющееся конфессией более прогрессивной. Следует отметить, что подобный переход осуществлялся, как правило, из горячего искреннего желания совершенно приобщиться к русской, российской культуре... Таким образом, меры правительства Александра III никак невозможно полагать «расистскими»: они лишь ограничивали сферу влияния и распространения данного вероисповедания. Крайне негативным можно полагать отсутствие миссионерства, пропаганды православного христианства среди иудеев, которая поддерживалась бы государством...

И в связи с вышеизложенным о внутригосударственной политике Александра III стоит привести две обширные цитаты из интересного труда философа, политического теоретика Н. Я. Данилевского: «Россия и Европа», Санкт-Петербург, 1871...

«Итак, при нашей уступке, что Россия – если не прирожденная, то усыновленная Европа, мы приходим к тому заключению, что она – не только гигантский лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, то есть европейской, или романо-германской цивилизации. Этого взгляда, собственно, и держится Европа относительно России. Этот взгляд, выраженный здесь только в несколько резкой форме, в сущности, очень распространен между корифеями нашего общественного мнения и их просвещенными последователями. С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а, в некотором смысле, законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, – к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых, кроме русского, существуют какие бы то ни было инородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому...»

Далее:

«Русский народ не высылает из среды своей, как пчелиные улья, роев, образующих центры политических обществ, подобно грекам – в древние, англичанам – в более близкие к

нам времена. Россия не имеет того, что называется владениями, как Рим и опять-таки Англия. Русское государство от самых времен первых московских князей есть сама Россия, постепенно неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения. Только непонимание этого основного характера распространения Русского государства, происходящее опять-таки, как и всякое другое русское зло, от затемнения своеобразного русского взгляда на вещи европейничаньем, может помышлять о каких-то отдельных провинциальных особях, соединенных с Россией одною отвлеченною государственною связью, о каких-то не Россиях в России, по прекрасному выражению г. Розенгейма, и не только довольствоваться ими, но видеть в них политический идеал, которого никогда не признает ни русское политическое чувство, ни русская политическая мысль. Должно надеяться, что и этот туман рассеется подобно многим другим...»

Известна полемика с Данилевским Владимира Соловьева. Потому приведем, возможно, менее известное мнение «западника» К. Д. Кавелина (1882 г.): «Выразителями народного гения и потребностей считаются разные слабоумные фанатики и интриганы – Катков (в недалеком времени член Государственного совета), Аксаков, Победоносцев и Игнатъев. Предполагается, что они у себя в кармане носят ключи от шкатулки, где хранится русский народный дух. Нужна вся теперешняя беспомощность и обособленность от действительной русской жизни российских самодержцев, чтоб думать так, – но они так думают; во всех прочих видят врагов русской народности и самодержавия и стараются всячески отчурать от их влияния Россию. Комизм таких детских понятий, если они долго будут руководить политикой, может наконец обратиться в трагедию печального свойства...»

Историческая, геополитическая функция России – интеграционная. Россия для себя эту функцию не выбирала и нельзя отождествлять эту ее органическую, естественную функцию с оценочным понятием «агрессия», или с не менее оценочным понятием «колониализм». «Ошибку» западноевропейских либералов можно видеть именно в непонимании, в категорическом неприятии этой особой функции, действительно «особого пути» России, в бездумной поддержке любых разновидностей сепаратизма, в искусственном разжигании «костра» сепаратистских идей. В сущности, тенденции к интеграции крепнут и ширятся и в сегодняшней Западной Европе. И тем более досадно и даже и удивительно это «невидение» интеграционной цивилизующей функции русской культуры во всех ее аспектах. В сущности, именно непрекращающийся «огонь» европейской и российской на европейский лад либеральной критики свел фактически «на нет» перспективы возможности развития в России русско-православной доктрины, создал ей репутацию чего-то постыдного, отвлек и отдалил от нее многие умы, которые могли развить ее в доктрину гибкую, прочную, сильную своей «интеллигентностью», интеллектуализмом... Но этого не происходило, и национальная доктрина все менее была пригодна для того, чтобы «держат» империю. К развитию национальной доктрины в Российской империи возможно применить сказанное Н. Я. Данилевским о религии, о том, что, когда религия теряет характер откровения, она может обратиться «в грубый предрассудок».

«Откровению» не дали развиваться. Но для того чтобы продлить жизнь государственного организма, образованного путем непосредственного приращения территорий, «откровение» было необходимо. Необходима была объединяющая доктрина. Эта доктрина могла быть интеллектуальной и логичной, но подобной доктрине не дали развиваться. И тогда явилась доктрина совершенно химерическая, нелогичная, нестройная..., но она обещала быстрое

объединение.

Доктрина эта представляет собой словно бы некую карикатуру на возможную доктрину идеальную, русско-православную. Речь, конечно, идет о феномене российского марксизма, окарикатурившего интеграционную, цивилизаторскую функцию России; в новой супердоктрине Россия эту функцию как бы сохраняла, но теперь прокламировалось не прежнее, логичное и конкретное влияние, воздействие русской конкретной, реальной культуры; нет, теперь предполагалось, что Россия выступает основной распространительницей химерических идей некоей «суперобщности», основанной на критериях достаточно нечетких... Но именно эта парадоксальная, нелогичная доктрина продлила в итоге жизнь государственного организма, хотя и в определенной форме...

В распространении марксизма в России, в том, что он явился для ряда политических деятелей именно «руководством к действию», можно с первого взгляда увидеть много странного. Первое: совершенно невозможно понять, почему из разновидности германского философствования, «повенчанной» с английскими экономическими теориями, должно выйти некое «руководство», «инструкция» к политическим конкретным действиям... для России? И второе: что может означать в подобном контексте химерическое понятие «пролетариат»? Никто не спорит с неоспоримой статистикой: в Российской империи было меньше пролетариата (рабочих промышленных предприятий), нежели, например, в Англии, во Франции, в Германии. Тогда, может быть, рабочие были более угнетены? О нет! Именно вследствие своей малочисленности рабочие составляли некий «класс», пользовавшийся значительными преимуществами в сравнении, например, с крестьянством. Квалифицированных рабочих берегли, найти такому рабочему замену было не так просто... В чем рабочие (как и российская буржуазия) могли полагать себя дискриминированными? В Российской империи, в сословной стране, все еще не была выработана гибкая система прав и свобод, которая могла бы при условии сохранения сословий уничтожить в то же время дискриминацию по сословному принципу...

Но понятие «пролетарий» для российских марксистов вовсе не означало «рабочий промышленного предприятия», вообще какой бы то ни было рабочий. Оно, это понятие, обозначало, прежде всего, человека, свободного от власти сословных, религиозных, национальных доктрин. Нелогичный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», не нашедший отклика в Европе, призывал в Российской империи к объединению под знамена супердоктрины во имя существования великой державы. Это становилось все яснее и яснее; и, пожалуй, окончательно прояснилось, когда борьба за власть в «обновленной» империи, приведшая к обострению сепаратистских тенденций, завершилась разгромом сепаратистов, победоносной «гражданской войной»...

Использовать сочинения Маркса и Энгельса в качестве некоего руководства к политическим конкретным действиям невозможно, разумеется. С таким же «успехом» можно применить романы Золя в качестве учебных пособий по гинекологии и психиатрии... Именно поэтому так называемое «распространение марксизма» означало всего лишь присоединение, приращение к модифицированной империи новых территорий, расширение сферы политического имперского влияния...

Естественно, для ведения второй мировой войны необходимо было воскресить национальную доктрину. Однако лишенная возможности интеллектуального развития; с «урезанным», зияюще отсутствовавшим «христианским компонентом», национальная доктрина не выдержала нарастающей агрессии сепаратистских тенденций; специфический

государственный организм прекратил свое существование...

Любопытно, что внутривполитическая тенденция царствования Александра III – презрение к «гуманитарному интеллектуализму» – нашла отражение в творчестве Чехова. Чехову всегда несколько подозрителен писатель, художник, актер; Чехов находит в них фальшь и бесполезность. Развитие промышленности, «железнодорожный бум» породили в царствование Александра III все развивавшуюся в дальнейшем тенденцию предпочтения «человека практической пользы и действия» «лирику»-гуманитария...

Политическое бытие империи в царствование Александра III ярко показывают нам воспоминания Половцева; в мир придворной жизни вводят воспоминания Тхоржевского и Феоктистова. Вот как характеризует Александра III Е. М. Феоктистов, крупный государственный чиновник, «выслужившийся» разночинец:

«... намерения его были самые чистые и благородные, прямота и искренность составляли отличительные свойства его характера, не лишен был он в значительной степени и здравого смысла, но умственное его развитие стояло очень низко. Воспитателем его был А. И. Чивилев, наш профессор в Московском университете. Когда скончался цесаревич Николай Александрович, он ужаснулся, что на основании закона наследником престола провозглашен был Александр Александрович. «Как жаль, – говорил он К. Н. Бестужеву-Рюмину, – что государь не убедил его отказаться от своих прав: я не могу примириться с мыслью, что он будет управлять Россией». Конечно, опасения эти были преувеличены, но нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Александр Александрович представлял собой весьма незначительную величину – плоть уж чересчур преобладала в нем над духом. С течением времени, когда будет обнародовано все или многое, что выходило из-под его пера – разные резолюции и заметки, – когда люди, находившиеся в непосредственных к нему отношениях, поделятся своими воспоминаниями о нем, то общее впечатление будет, конечно, таково, что нередко случалось ему высказывать очень здравые мысли, а наряду с ними такие, которые поражали чисто детской наивностью и простодушием...»

Если взглянуть на царствование Александра III с достаточной трезвостью, то следует признать, что осуществление религиозной (православной) утопии не спасло бы Российскую империю; религиозные утопии почему-то никогда не осуществляются; наверное, потому, что краеугольным камнем всех религиозных учений так или иначе является ненависть к иноверцам. Внутривполитические дискриминационные меры явились своего рода «бомбой замедленного действия», как бы подготавливая будущие взрывы сепаратистских настроений в Прибалтике и на Кавказе, дискриминационные меры в отношении евреев усилили антисемитские настроения, но и вызвали протест русской либеральной интеллигенции; в литературе появляется образ еврея-страдальца (В. Г. Короленко, Г. Мачтет и др.). И, должно быть, вовсе не случайно символом «эпохи Александра III» стал опубликованный в 1892 году рассказ Чехова «Палата № 6» – о том, как государственное устройство «в лице» палаты № 6, откуда нет выхода, взяло в свои ежовые рукавицы скромного пассивного интеллигента Андрея Ефимовича; а народ в лице больничного служителя Никиты «два раза ударил его в спину». И – «Через день Андрея Ефимовича хоронили».

Именно при Александре III, в сущности, разверзается пропасть, отделяющая российских интеллектуалов от правящей династии. Уровень образованности Романовых вызывает ироническое отношение даже у тех, кто настроен по отношению к правящей династии крайне доброжелательно... В лице Александра III мы видим уже фигуру противоречивую и

трагикомическую в чем-то.

Как и предшествующие императоры, это «человек в мундире». Образ жизни его и его семьи – образ жизни состоятельных западноевропейских буржуа. Домашний язык – английский (так будет и при его сыне и преемнике Николае II). Интенсивно развивающаяся утонченность российского интеллектуализма оказывается совершенно чуждой этой правящей семье. Определенные стремления «сблизиться с народом» принимают форму перенимания самых примитивных суеверий. Так, упорно держалось мнение о том, что одна из дочерей Александра Александровича получила имя в честь популярной в Санкт-Петербурге, но официально не канонизированной Ксении Петербуржской, якобы жившей в городе в XVIII веке юродивой (канонизация Ксении была утверждена лишь в 1988 году поместным Собором русской православной церкви). Утверждалось, что Ксения явилась во сне супруге Александра (тогда еще наследника) во время его болезни и предсказала его чудесное исцеление и рождение дочери, которую надо было назвать именем юродивой. Любопытно, что имя «Ксения» носила мать первого Романова на российском престоле, Михаила Федоровича; это было ее мирское имя, до пострижения в монахини...

Женой Александра Александровича была датская принцесса Дагмара (она же «Мария Федоровна», она же «тетя Минни»). Эта императрица пережила всех своих сыновей и скончалась в эмиграции. Современники отзывались о ней как о женщине властной, пытавшейся после смерти мужа взять управление государством в свои руки... И здесь странное и занятное совпадение. Будучи по происхождению немецкой принцессой, будущая «Мария Федоровна», поскольку родители ее правили в Дании, носила датское имя Дагмара. Имя это – славянское, так переименовали на датский лад имя «Драгомира» очень популярной в датском фольклоре королевы XIII века, дочери короля Оттокара Пражского...

Александр III и его супруга были родителями трех сыновей: слабый здоровьем Георгий умер от туберкулеза, Михаил впоследствии был расстрелян; и – самое важное для нас лицо в этой семье – наследник и затем император...

Николай II (правил с 1894 по 1917). Конец?

Именно за последние годы изданы и переизданы в России многие русские и зарубежных авторов писания о последнем российском императоре. Пестрым хоромом закружились дневники, воспоминания, псевдовоспоминания... Вырубова, Жильяр, Палеолог... Все это оставляет любопытное впечатление. Кажется, даже самым расположенным к Николаю Александровичу особам трудно отыскивать в его характере положительные черты. Единственное его свойство, за которое его хвалят почти безоговорочно, – его привязанность к семье, к жене и детям. Но даже это – несомненно положительное – выглядит нелепым, неуместным, раздражающим на фоне трагических событий его царствования... Ходынка, Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, поражение в русско-японской войне... Даже попытка гражданских свобод, попытка ликвидации общины, сковывающей крестьянскую инициативу (земельные реформы Столыпина) – все это происходит в государственной системе, как бы уже не контролирующей себя саму, и не приносит желанных плодов...

В русско-японской войне российская армия сталкивается с армией, численно превосходящей и очень сплоченной идеологически, и терпит поражение. Можно сказать, что российская армия столкнулась словно бы с прообразом своего будущего – с победоносной советской армией... В военных действиях первой мировой войны Россия, что называется, «увязает», захватить «место лидера» ей не удается... И это при том, что мы не можем назвать государственных деятелей николаевского царствования «неспособными», «бездарными». Нет, никто не назовет таковыми Витте, Столыпина, Коковцева... В чем же очередная «ошибка»? В сущности, в том, что государственные деятели не отдают себе отчета, не осознают четко «особый путь» империи как специфического государственного организма. «Гражданские свободы» западноевропейского либерального типа, введенные «механически» в Османском султанате и Российской империи, тотчас вызвали взрыв сепаратистских и ультраправых настроений и действий соответственно. Вероятно, демократизация подобного государственного организма и, при этом, сохранение его целостности – очень непростая задача, которая не получила своего решения и в конце восьмидесятых – начале девяностых годов XX века... И совершенно ясно уже было, что время династии Романовых на имперском циферблате стремительно близится к концу... «Сохранять империю» уже предстояло другим правителям... А покамест, государственный организм выплюнул Романовых, с отвращением, досадой и равнодушием – как нечто горькое, противное и ненужное...

По описаниям, сделанным современниками, возможно представить себе Николая Александровича как человека замкнутого и словно бы пришибленного, и словно бы именно от этой вот своей пришибленности жестокого. Отец его и мать, судя по всему, – властные люди, не склонные к рассуждениям, компромиссам и правдоискательству. Впрочем, если вспомнить снова, что будущности Александра III угрожал готовившийся династический переворот, «обновление династии», можно понять его неприязнь к творческой интеллигенции и университетской гуманитарной науке. Александр III боялся всех и всяческих рассуждений, обоснований, доводов, ведь с помощью подобной казуистики готовились лишить его престола. Будущий Николай II был воспитан (отцом? Победоносцевым?) в этой нерассуждающей уверенности в незыблемости собственных прав

на престол и власть. Цитата из речи молодого императора перед земцами (29 января 1895) уже порядочно измусолена беспрестанным цитированием, но мы все же еще раз приведем ее...

«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель...»

При этом даже самые благожелательные современники рисуют Николая II человеком, озабоченным искренне охраной именно собственных императорских «прав», но совершенно неспособным к делам правления...

Насколько известна была Николаю Александровичу история династии Романовых? Читать ему лекции по русской истории приглашался не кто-нибудь, а Ключевский... Впрочем, никто из современников не посмел бы «упрекнуть» Николая Александровича в одаренности или в увлечении какими бы то ни было науками... Судя по всему, он симпатизировал первым («допетровским») Романовым; и некий испуг и оттолкновение вызывал у него XVIII век, отмеченный колоссальными политическими фигурами Петра I и Екатерины II...

Известно, что Николай II сравнивал себя с Алексеем Михайловичем, причем «Тишайший» понимал именно как «тихий», «спокойный». На так называемых «исторических балах» он являлся в длиннополом одеянии, супруга его, одетая в нарядный старинный костюм, изображала Наталью Кирилловну Нарышкину... Мог ли Николай не знать о «темных сторонах» в истории Романовых – о династических смутах и распрях, о цареубийствах? Пребывать в совершенном неведении он не мог, но, вероятно, стремился «вытеснить» из своего сознания все, что мешало ему быть уверенным в своих правах на власть и престол. Надо думать, подобное «вытеснение» удавалось ему, «сложной натурой» он не был...

В 1913 году Романовы отпраздновали трехсотлетие династии. Еще четыре года им оставалось... Сколько это на часах истории – четверть мгновения? Или еще меньше?..

Кажется, еще никогда не концентрировалось в правящем семействе столько бездарности, пустого суеверного фанатизма, болезненной слабости, как в семье последнего императора. Сын его Алексей был тяжело болен и, вероятно, не смог бы получить даже того домашнего образования, какое имел отец. Пытаешься выяснить, чем же отличались друг от дружки дочери – Татьяна, Ольга, Мария, Анастасия... Увы, одна лишь безличность и малоодаренность... Императрица Александра Федоровна (урожденная Алиса Гессенская, внучка известной королевы Виктории) вызывала неприязнь всеми своими действиями; ее третировали, не смущаясь противоречием, и как «немецкую шпионку» и как «русскую распутницу, любовницу Гришки Распутина». Вероятно, она была всего лишь человеком нервным и злобным... Но подобная концентрация бездарности именно в правящем семействе оказалась роковой для всех ее «носителей»...

Вероятно, еще у всех на памяти занятая книга Э. Радзинского «Господи... спаси и усмири Россию» – о жизни и смерти последнего императора и его семьи. Надо отметить, что «усмири» – это Радзинский так переиначил «умири», то есть «успокой», «умиротвори». Ошибка характерная – прямо по Фрейду! Книга эта – явно апологетическая. Но, листая ее, невольно вспоминаешь одну реплику из «Талантов и поклонников»: «Вы когда начнете

хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным». Вот таким, «почтенным во всех отношениях», пытается выставить «своего» Николая Радзинский. Но увы, император упорно оказывается «совсем непочтенным». Но почему? А потому что врагом последних Романовых выступила их собственная пошлость. Эта бытовая и интеллектуальная пошлость мелочных, дурно образованных буржуа – в каком-то раздражающем контрасте с кровавыми и страшными событиями... Подобный контраст с политическими событиями не составляли ни шутейные застолья Петра I, ни карусель фаворитов в покоях Елизаветы и Екатерины II. Этот контраст нарастал постепенно, и не для одной лишь династии Романовых. Но та же королева Виктория ухитрилась сделать это свое буржуазное, обильно приправленное пошлостью бытие неким бытийственным идеалом для всех своих подданных. Викторианский стиль – умеренность и аккуратность, строгость и добротность во всем – от убранства комнат до ювелирных украшений... Викторианство и прерафаэлиты – пошлость, ставшая стилем, и модерн – сочетались в английской культуре... С Романовыми ничего подобного не случилось. Пошлость Романовых не стала «стилем», она осталась самой заурядной пошлостью... И мучительный трагизм – в самой гибели этих пошлых людишек. Контраст достиг своего пика: их жизнь не соответствовала трагической их смерти. Начинался XX век – цари и короли были пошлыми богатыми буржуа и умирали без величия. «Героем времени» все более становился заурядный, вышедший из низов, «из народа», «из гущи», и «признанный лучшим» – Чарли Чаплин, Гитлер, Ленин, Сталин... Но вот несколько цитат из книги Радзинского. Вера Юренева (известная в свое время актриса и журналистка) рассказывает о Кшесинской:

«О ее доме в Стрельне ходили легенды... Балерин собирали в огромном зале... Гасли свечи, в темноте открывались двери, и толпа молодых великих князей радостными жеребцами врвалась в комнату...»

Императрица – императору: «... Трепов поступил очень неправильно, отсрочив Думу с тем, чтобы созвать ее в начале января. В результате никто из Думы теперь не поедет домой, все останутся в Петербурге, все будет бродить и кипеть... Ты видишь, у них теперь есть время делать гадости... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом, сокруши их всех, не смейся, гадкий, я страстно желала бы видеть тебя таким по отношению к этим людям...» (Как видим, императрица вынесла из русской истории представление о соблазнительной возможности бесконтрольно и безнаказанно властвовать, крушить и «сокрушать»...)

Император – императрице: «... изменить день созыва Думы не могу, так как он уже назначен в указе... Нежный привет и поцелуи шлет тебе твой бедный слабовольный муженек...»

Императрица – императору: «...Вполне ли избавился Бэби от своего глиста? Он после этого начнет, надеюсь, толстеть и больше не будет таким прозрачным – милый мальчик... Только, дорогой, будь тверд, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту. Дай им теперь почувствовать кулак...»

Из стихотворения К. Р.:

«Спи в колыбели нарядный,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку...»

Да, аморализм может быть величественным и красивым; пошлость, вероятно, – никогда! Впрочем, справедливость требует указать на то, что великий князь Константин Константинович Романов публиковал под псевдонимом «К. Р.» не только пошлейшие стихи. Он – «создатель» интересного трехтомника: в первом томе – английский текст «Гамлета», во втором – перевод и в третьем – очень интересные комментарии. Комментарии и вправду интересны. Неужели автор их – К. Р.?..

Уже при Александре II становится ясно, что «домашняя образованность» высшей аристократии и царской фамилии носит крайне ограниченный характер. Та же Мария Башкирцева, художница, оставившая любопытный дневник (она вела его на французском языке), будучи современницей Достоевского и Толстого, ничего о них не знала... Впрочем, в многоветвистом семействе последних Романовых был даже свой «историк», баловавшийся писаниями на исторические темы князь Николай Михайлович...

Итак, совершенно ясно, что сблизиться с утонченными интеллектуалами «Серебряного века», русского модерна, Романовы никогда не смогут, не тот у Романовых уровень образованности. Не может идти речь и о понимании подлинных нужд народа; ведь это требует слишком кропотливой работы, слишком серьезной подготовки, изучения статистики и т. д. Пошлость последних Романовых находит свое выражение в усвоении царским семейством примитивных суеверий и диковатого мистицизма. Еще религиозность Елизаветы Федоровны (Эллы, сестры императрицы и супруги великого князя Сергея Александровича, основательницы известной Марфо-Мариинской обители) являлась «просвещенным благочестием». Но приближенность (по инициативе императрицы) к царской семье Григория Распутина возмущала и духовенство. Вся Россия – от министра до крестьянина – полагала подобную приближенность «неподобающей государям», неприязнь, отвращение к царской фамилии росли...

Распутин подыграл желаниям императрицы и представил ей в своем лице именно такой «русский народ», какой она себе и воображала: необразованный, темный, покорный ей и в то же время покоряющий ее некими таинственными силами и средствами... Любопытна аналогичная ситуация при дворах балканских правителей в XX уже веке, в 30–40-е годы. И там являются претенденты на роль «придворного народного представителя, обладающего таинственной мистической силой». При албанском короле Ахмеди Зогу в этой роли подвизался некий Лал Кросса. При дворе болгарского царя Бориса III на подобную же роль претендовал Любомир Лулчев, ученик Петра Дынова, болгарского последователя Рудольфа Штайнера...

Из мемуарных источников о царствовании Николая II наиболее интересны и известны воспоминания Витте. Пожалуй, именно поэтому хочется привести несколько цитат из менее известного, хотя и не менее интересного источника, – из дневника В. Н. Ламздорфа, дипломата, занимавшего с 1900 по 1906 год пост министра иностранных дел России... Итак:

«После завтрака ко мне заходил Деревицкий; он близок с несколькими молодыми людьми, бывающими у балерин Кшесинских; рассказывают, будто бы та из сестер, которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей «подлой Алиске», и что будто бы его императорское высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. В 2 часа меня вызывает министр. Мы разговариваем, в частности, о том, что произойдет в Кобурге; г-н Гирс тоже сомневается, чтобы великий князь наследник-цесаревич решился на женитьбу; ему известно из надежных источников, что начальник полиции Валь жалуется на трудности, возникающие у

полицейских при ночных посещениях балерины наследником-цесаревичем. Великий князь предпочитает возвращаться от нее пешком и инкогнито. Заметив, что за ним ведется наблюдение во время таких прогулок, он пожаловался генералу Валу; тот попробовал оправдать принимаемые меры, доказывая, что они имеют целью заботу о безопасности, а не слежку; в ответ наследник-цесаревич будто бы заявил: «Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих наблюдателей, то я ему морду разобью, знайте это!». Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающе!..»

«...Г-н Гирс, когда я ему показываю одну из таких фотографий, не находит будущую царевну красивой. (Алису Гессенскую. – Ф. Г.) Он рассказывает, что во время своего первого появления при нашем дворе она даже показалась ему уродливой. В те времена наследник-цесаревич избегал встречаться с ней, государыне она тоже не нравилась; в очертании ее рта находили какие-то признаки цельного, но неприятного характера... Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д., и т. п. Все это не соответствует действительности...»

Из письма Вильгельма II Николаю II:

«Дражайший Ники... Немного лет тому назад один порядочный человек – не немец по национальности – рассказывал мне, что пришел в ужас, когда в одной фешенебельной парижской гостинице он услышал следующий ответ русского генерала на заданный французом вопрос, разобьет ли Россия германскую армию: «О, нас разобьют вдребезги, ну что же, тогда и у нас будет республика»...

«Его величество совершенно не производит впечатления самодержца и даже вообще властителя. Государь император подарил императрице Александре Федоровне великолепное бриллиантовое ожерелье очень больших размеров. Его величество нередко проявляет безмерную щедрость. Княгиня Лопухина-Демидова, урожденная Столыпина, никогда не отличавшаяся ничем, кроме легкомысленных любовных связей, осенью поехала в Копенгаген просить императрицу-мать походатайствовать за отмену задолженности своего мужа перед правительством, ничего не уточняя при этом; императрица-мать написала по данному предмету несколько слов государю императору; его величество приказал уладить дело. Между тем оказывается, что долг составляет сумму 500 000 рублей; министр финансов предложил уменьшить долг наполовину, но г-жа Лопухина стала испускать павлиньи крики, заявляя, что нельзя не исполнить императорского обещания; весь долг был списан...»

«В городе произвело большое впечатление внезапное запрещение оперы Римского-Корсакова «Ночь на Рождество»... Оказывается, присутствовавшие накануне на генеральной репетиции великие князья пришли в ужас, увидев на сцене великую Екатерину II. Как рассказывают, их императорские высочества, обычно столь мало заботящиеся о престиже и даже достоинстве своего ранга, выразили энергичный протест. Великий князь Владимир позвонил по телефону государю, и тот будто бы сделал суровый выговор барону Фредериксу, товарищу министра двора; спектакль запрещен...»

По-прежнему не было предоставлено достаточных прав российской буржуазии. При негибкости и выраженной иерархичности сословной системы буржуазию третируют: справа – дворянское сословие, слева – либеральные интеллектуалы. Не обладающая достаточными правами, что затрудняло развитие промышленности, российская буржуазия зачастую готова была субсидировать крайне левые направления (вспомним Савву Морозова)...

Но империя продолжала идти «вширь», это как бы уже и не зависело от желания правителей. После поражения в русско-японской войне продолжается движение в том же

«географическом направлении». В этой связи можно рассказать одну занятную историю. Были установлены дипломатические отношения с Сиамским королевством. Один из сыновей сиамского короля был отправлен им в Санкт-Петербург, в пажеский корпус. Перед самым отъездом на родину его познакомили с пышнотелой блондинкой, легко его очаровавшей. Она уговорила юношу взять ее с собой в Сиам, где должна была стать одной из его жен и соответственно осуществлять некоторые «разведывательные функции» в пользу Российской империи. Однако вскоре в России произошла революция, планы относительно Сиамы были отставлены, пышнотелая красотка также получила в Сиаме «отставку». Впрочем, нельзя сказать, что ей не повезло. Свою дальнейшую жизнь она провела в Лондоне, ее потомки и до сих пор – члены королевского дома Таиланда (Сиамы)...

Начало первой мировой войны («война с Германией») поставило Романовых лицом к лицу с ожесточением национальной доктрины. Попытка «объединить весь народ» посредством национальной доктрины ударяет по царской семье. Одновременно с инспирацией антинемецких манифестаций и погромов твердо закрепляется за императрицей репутация «немецкой шпионки». И то, что она явно поддерживает ультраправые тенденции российского православия (Нилус, Иоанн Кронштадтский), вовсе не помогает ей... Между прочим, одним из «деяний патриотизма» была смена названия «Санкт-Петербург» на «Петроград». Таким образом был затемнен смысл, вложенный в название города его основателем – «Град Святого Петра» – «соперник Рима, священного города». Прежде Романовы пожертвовали национальной доктрине Петра, теперь – его город, свою столицу. Но их не спасут уже никакие жертвы...

Насколько Николай II пригоден был для управления страной? Да, ни он, ни его супруга не пользовались популярностью. Но факты показывают, что не пользовались популярностью именно Романовы как таковые, династия... Вспомним, что в Англии справились с весьма щекотливой ситуацией, когда к власти пришел Эдуард VIII с его определенными симпатиями к нацистской Германии и выраженным желанием вступить в законный брак с американской авантюристкой. Эдуард VIII был «устранен» силами самой Виндзорской династии и далее жил уже в качестве «частного лица» вне Англии. Романовы заменить Николая II не сумели, хотя нельзя сказать, будто они не предпринимали никаких попыток сделать это. Эти попытки сказались в династических распрях уже в эмиграции...

Всем нам известно, что Николай II вынужден был отречься. Отрекся он в пользу своего брата Михаила, которого сам не так уж и давно лишил всех прав на престол вследствие морганатического брака Михаила. Михаил, в свою очередь, отрекся от престола, возложив окончательное решение вопроса о том, быть ли России монархией на Учредительное собрание...

Как решилась судьба незаконной династии? Решалась ли она на законных основаниях? Могли ли Романовы, столь уже непопулярные, представлять опасность для какой бы то ни было «власти», сменившей их правление? Да, безусловно. И действия Романовых, оказавшихся в эмиграции и продолжавших полагать себя законными правителями России, ясно это доказывают. Впрочем, можно обратиться и к истории более давней. Почему в свое время стала возможна реставрация монархии во Франции, откуда явился Людовик XVIII? Из эмиграции, естественно... Что же это – оправдание убийства юных девушек и мальчика-подростка? Но самим фактом своих претензий на несуществующий более российский престол оправдывают эти убийства нынешние Романовы, как бы публично признаваясь в том, что не желают мириться со статусом «частных лиц»...

Впрочем, «зарубежные родственники» не спешили приютить бывшего императора с его семьей и никак не отреагировали на гибель этой семьи...

Точные обстоятельства гибели последнего императора и его семьи нам неизвестны (вероятно, несмотря на большое число «подробных описаний», мы так и не узнаем точные обстоятельства этой гибели). Но при чтении всех этих писаний и описаний невольно приходишь к мысли о том, что в последний период жизни пошлость заменилась высоким трагизмом. Николай II, его супруга и дети ушли в смерть не как «частные лица», но именно как «низвергнутая династия»... Теперь все соотносилось и совпадало трагически... Начиная от роковой смерти всего мужского потомства Петра Великого...

Их везли в северную ссылку, всю семью, с детьми; как некогда везли низвергнутое «Брауншвейгское семейство»... Тобольск, «ссылный город», куда еще первые Романовы ссылали своих незадачливых невест... Страшная смерть, убийство мальчика, как некогда был убит сын Марии Мнишек... Трагических совпадений хватало... И даже пресловутые бриллианты, «защитные в пояса», не снижают ощущение трагизма, не снимают...

Самая недолговечная династия... Недолговекая... Беззаконная, авантюрная... Утратившая силу, когда попыталась применить к себе законность... Жестокий рок над потомством таинственного Андрея Ивановича... Почему Гамлету суждена гибель? Потому что он, невинный, – из династии узурпаторов; власть должна принадлежать Фортинбрасу... И гибнет отец Гамлета, гибнет мать, гибнет брат отца, убийца родного брата; гибнет сам Гамлет... И единственное, что может сделать Фортинбрас, – похоронить Гамлета все же с честью...

Как известно, Николай II и его семья канонизированы зарубежной русской церковью. Вопрос об их канонизации в России? Русская церковь знает традицию канонизации «мучеников престола и власти»: Борис и Глеб, Анна Кашинская, Андрей Боголюбский... Конечно, в определенном смысле и Романовы – последний император и его семья – «мученики престола и власти»...

Место захоронения их также неизвестно. В 1991 году из предполагаемого места захоронения были извлечены останки, которые возможно идентифицировать с членами императорской фамилии. Не обнаружены останки мальчика Алексея и предположительно – одной из царевен... Впрочем, все это достаточно зыбко, ведь идентифицировать останки (кости и черепа) – очень трудное дело, и точность в этом деле весьма приблизительна...

Из уже многочисленных писаний о трагической гибели последних Романовых, пожалуй, интересен Г. Рябов – «Вынуждены вас расстрелять»...

Но, пожалуй, мы рано поем Романовым отходную. Все, что уже было прежде, повторяется вновь. Появились самозванные «Алексеи» и «Анастасии». О самозванке, называвшей себя сначала Татьяной, затем Анастасией, намеревалась писать роман Агата Кристи... Разумеется, биографии «чудесно спасшихся» царевны и царевича изобилуют головокружительными приключениями, которым могла бы позавидовать княжна Тараканова... На сегодняшний день, пожалуй, поздновато объявлять себя «Анастасией», «Татьяной» или «Алексеем»; но вполне возможно объявить себя «сыном», «дочерью» и даже «внуком» или «внучкой»...

Впрочем, существовали и существуют и более серьезные претенденты на уже несуществующий российский престол. Тем более должна ободрять их сравнительно недавняя реставрация монархии в Испании, приход на «обновленный» испанский трон короля Хуана-Карлоса...

Но, кажется, прежде, чем претендовать, уцелевшим и размножившимся Романовым необходимо «разобраться» друг с другом...

Уже в эмиграции явилось двое серьезных претендентов – Николай Николаевич и Кирилл Владимирович. Среди Романовых начинается раскол (вернулись времена, когда Романовы были против Романовых же), враждуют представители отдельных ветвей. Кирилла Владимировича не признает, в частности, мать Николая II, Мария Федоровна, поселившаяся в Копенгагене. Особое препятствие начинают представлять морганатические браки и потомство от этих браков. Снова для Романовых встает вопрос, какие браки признавать морганатическими? Достаточно авантюрными и смелыми оказались действия Владимира Кирилловича Романова, претендента «во втором поколении». С женой и внуком он успел даже побывать в России. Он с достаточной ловкостью обходил целый ряд препятствий. В частности, супруга его, Леонида Георгиевна, возводит себя ни много ни мало к Ираклию II, последнему грузинскому царю. Однако известно, что не имевший мужского потомства Ираклий II сделал своим наследником Александра I; таким образом, территории, которыми правил Ираклий, вошли с 1803 года в состав Российской империи. Владимир Кириллович (не так давно скончавшийся) объявил своей преемницей единственную дочь, Марию Владимировну, и далее – внука Георгия. При этом, конечно, ему пришлось объявить «морганатическим», не имеющим права на престол потомством всех имеющих Романовых мужского пола, с чем последние не согласились. Происхождение вдовы покойного Владимира Кирилловича достаточно проблематично даже и без завещания Ираклия II, поскольку уже его дочери не носили царского титула... Но, впрочем, вместо собственных рассуждений интересно послушать «самих обвиняемых».

Из автобиографии Владимира Кирилловича: «Что касается остальных членов семьи, то в большинстве своем они в тот момент или были заняты работой по линии внутренней политики, или находились на фронте – и те и другие были военными... К тому же некоторые из них интриговали против Государыни (Александры Федоровны. – Ф. Г.), как впоследствии против моего отца и меня самого...» Это об обстоятельствах отречения Николая II. Далее – «...Мой отец... был убежден, что только монархия может спасти Россию... Не поддержал его, в частности, Великий князь Николай Николаевич... В оппозицию к моему отцу стал – и это было самым странным – Верховный монархический совет, объявивший себя во главе всех монархических организаций за границей... в 1924 году отец решился обнародовать манифест, в котором объявлял о принятии им императорского титула... Члены Императорского дома в большинстве своем этот акт безоговорочно признали, хотя и не все. Не признала его вдова Александра III, Императрица Мария Федоровна... Не приняли его также дети – некоторые дети, не все – Великого князя Александра Михайловича...»

Из автобиографии Леонида Георгиевны, супруги Владимира Кирилловича:

«... с утратой царского титула Багратионы никогда не примирились... Дед мой всегда был верен Императору, но считал, что с Грузией поступили неправильно: ведь многие королевства, великие герцогства или княжества теряли свою независимость, входя в состав других государств и империй... но все они сохранили свои титулы...»

Из Заявления Великой княгини Леонида Георгиевны для российского телевидения и прессы:

«В последнее время – больше по незнанию, надо надеяться, чем по злему умыслу – возникли нелепые толкования вопроса о престолонаследии, а также участились вмешательства самозванцев разного рода...»

Сегодня, после блаженной кончины Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, Императорский Дом составляют его Глава, Великая Княгиня Мария Владимировна, ее мать, Великая Княгиня Леонида Георгиевна, и ее сын и наследник, Великий Князь Георгий Михайлович.

Потомки морганатических браков (теперь уже во втором поколении), господа Романовы, согласно законам Российской Империи, никем не отмененным, не имеют никакого права ни на великокняжеский титул, ни, тем более, на императорский престол...

Что касается призывов к созыву нового Земского собора или Славянского собора, то они абсурдны...»

Это заявление сделано 5 ноября 1992 года в Санкт-Петербурге. Как видим, Романовы преисполнены энергии... для борьбы друг с другом. Насколько обоснованы права претендентов – всех и каждого?.. Ведь все же Михаил Александрович отрекся от престола не в пользу кого бы то ни было из членов императорской фамилии, а именно предоставил решение вопроса о форме правления в России Учредительному собранию. Как известно, Учредительное собрание было созвано 5 января 1918 года, и на следующий день уже прекратило свое существование. Но, откровенно говоря, трудно себе представить, чтобы оно могло сказать «да» монархии, представленной именно династией Романовых...

Об авторе

Фаина Гримберг (Гаврилина) – поэт, прозаик, историк, филолог-славист. Лауреат Интернет-конкурса «Улов» (Современная русская литература, весна, 2000 г.); одна из финалистов «Премии Ивана Петровича Белкина» за лучшую повесть 2001 г.; первое место в номинации «Лучшая любовная лирика» (поэтический фестиваль «Майская поэтическая опера», 2003 г.). Автор монографий: «Болгары и мир», «Две династии. Вольные исторические беседы»; сборников стихов: «Зеленая Ткачиха», «Любовная Андреева хрестоматия», «Каникулы, рассказанные для Туве Марики»; романов: «Флейтистка на Часовом холме», «Своеручные записки благородной девицы фон Мюнхгаузен», «Семь песен русского чужеземца», «Хей, Осман!», «Недолгий век, или Андрей Ярославич», «Гром победы», «Друг Филострат, или История одного рода русского» (номинарован издательством «Аграф» на конкурс премии «Букер – Открытая Россия», 2004 г.); опубликованы также романы, написанные от лица вымышленных авторов: Жанна Бернар «Платье цвета луны», Якоб Ланг «Тайна магического знания», Катарина Фукс «Падение, величие и загадки прекрасной Эмбер» и др.